

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 6

Ноябрь – Декабрь 2001

Том 7

Москва

Ядерный Контроль. № 6. Ноябрь – Декабрь 2001

Содержание

Редакционная статья	3
Международная безопасность после договора по ПРО	
Горячая тема	4
Роланд Тимербаев, Юрий Федоров. Важный, но недостаточный шаг. К итогам российско-американского саммита в ноябре 2001 года	
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	10
В России. Из досье по обычным вооружениям	15
В России. Из досье по химическому и биологическому оружию	15
В мире	16
Дума и контроль над вооружениями	15
Анализ	
Василий Лата, Владимир Мальцев. Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регулирования военно-космической деятельности	19
Александр Федоров. Терроризм и международная информационная безопасность	24
Тимоти Томас. Китайская теория и практика ведения информационной войны	33
Полемика	55
Надежда Арбатова. Расширение НАТО: как обойти Россию?	
Страницы истории	65
Юрий Назаркин. Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений	
Новости ПИР-Центра	86
Summary	88
Содержание журнала <i>Ядерный Контроль</i> в 2001 году	90
Об авторах	92

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****ISSN 1026-9878****№ 6 (60), Том 7****Ноябрь – Декабрь 2001****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакционная коллегия:**

Дмитрий Евстафьев

Василий Лата

Евгений Маслин

Владимир Орлов

Роланд Тимербаев

Юрий Федоров

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор

Карина Фуралева, технический редактор

Дмитрий Поликанов, редактор английского издания

Дмитрий Ковчегин, корреспондент

Елена Полидва, секретарь редакции

Людмила Контява, корректор

Вячеслав Зайцев – бухгалтерия

Виктор Меримсон – производство

Олег Кулаков – компьютерное обеспечение

Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 103001, Москва,

Трехпрудный пер., д.9,

редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7-095-234-0525

(многоканальный)

Факс: +7-503-234-9558**Представительство в Интернет****и электронная версия журнала (сокращенная):**<http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)fedorov@pircenter.org (полемика)kovchegin@pircenter.org (информация)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильносе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7-095-335-1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Vladimir Siluyanov +7-503-234-9558 (fax) or siluyanov@pircenter.org.

Тираж: 2500 экз.**Подписано в печать:** 17 декабря 2001**Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда У. Олтона Джоунса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макаргутов, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Фонда Плаушер и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий А. Рыжов, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 2001

Ядерный Контроль. № 6. Ноябрь – Декабрь 2001

Редакционная статья**МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСЛЕ ДОГОВОРА ПО ПРО**

Выход США из договора по ПРО поставил немало острых вопросов. Ответ на них далеко не прост. В военном плане решение Вашингтона не изменит, по крайней мере, в ближайшие 10–20 лет баланс стратегических вооружений между Соединенными Штатами и Россией. Перспектива создания сколько-нибудь эффективной системы противоракетной обороны, способной гарантированно перехватить несколько десятков современных боеголовок, как и до денонсирования договора по ПРО, весьма сомнительна. Это связано с исключительной сложностью технических проблем, без решения которых такая система просто невозможна. Российский же стратегический арсенал к концу нынешнего десятилетия, как планируется, будет насчитывать около полутора тысяч боевых блоков, способных преодолевать разрабатывающийся противоракетный щит. И потому Владимир Путин имел все основания заявить 13 декабря 2001 года, что «принятое президентом США решение не создает угрозы безопасности России».

Но это – лишь один из аспектов намного более сложной картины, складывающейся в последние месяцы в мировой политике. Нельзя исключать, что выход США из договора по ПРО – начало демонтажа системы соглашений по контролю над вооружениями, выстроенной в основном в годы холодной войны и отражавшей логику биполярной советско-американской конфронтации. В свете этого некоторые аргументы Вашингтона выглядят довольно убедительными. В частности, там говорят: договор по ПРО был порождением холодной войны, которая уже закончилась. И поскольку США и Россия не являются более врагами, то соглашение, фиксирующее взаимное гарантированное уничтожение, становится излишним. Мягкая реакция Москвы на выход США из этого договора – практическое свидетельство того, что Россия не рассматривает Соединенные Штаты – и Запад в целом – как своего противника. Не случайно Владимир Путин подчеркнул: «...Нынешний уровень двусторонних отношений между Российской Федерацией и США должен быть не только сохранен, но и использован для скорейшей выработки новых рамок стратегических взаимоотношений». Думается, это – ключевой момент в заявлении российского руководителя, сделанного сразу после объявления американским президентом о выходе из договора по ПРО.

Действительно, приведение соглашений по контролю над вооружениями в соответствие с реалиями новой, пока еще не сформировавшейся окончательно системы международных отношений, не должно приводить к образованию в этой сфере правового вакуума. Последнее может дестабилизировать не только российско-американские отношения, но и международную безопасность в целом, делает их заложниками колебаний политической конъюнктуры. И потому критически важно юридически закрепить имеющуюся договоренность между Москвой и Вашингтоном о сокращении стратегических наступательных вооружений. Но это, в свою очередь, требует сохранения климата, складывающегося в последние месяцы в российско-американских отношениях, и, разумеется, учета интересов российской безопасности.

Не меньшее значение имеет сегодня формирование новых отношений России и НАТО. Действительно, если Россия не является военно-политическим противником Запада, то деятельность Североатлантического альянса должна быть ориентирована на противодействие новым, все более актуальным угрозам, прежде всего, терроризму во всех его проявлениях, распространению оружия массового уничтожения, наркобизнесу и организованной преступности. Стабильность отношений России и НАТО должна обеспечиваться юридически обязывающим соглашением, четко определяющим области сотрудничества и механизм совместного принятия соответствующих решений. Иными словами, постконфронтационная логика должна быть последовательно проведена в жизнь применительно ко всем без исключения аспектам взаимоотношений России и западных демократий. Лишь на этой основе можно выработать новые рамки стратегических отношений между Россией и США, в которых заинтересованы обе стороны.

Горячая тема**ВАЖНЫЙ, НО НЕДОСТАТОЧНЫЙ ШАГ
К итогам российско-американского саммита в ноябре 2001 года****Роланд Тимербаев
Юрий Федоров**

12–14 ноября 2001 года в Вашингтоне и Кроуфорде (шт. Техас) состоялись переговоры между президентами Владимиром Путиным и Джорджем Бушем по широкому спектру международных и двусторонних вопросов. Их итоги получили достаточно сдержанные оценки как в средствах массовой информации, так и со стороны многих экспертов. Возможно, это объясняется тем, что накануне саммита широко распространились слухи о возможной договоренности по одной из ключевых проблем российско-американских отношений – возможности и перспективах согласованного изменения договора по ПРО. И поскольку этого не произошло, то результаты очередной встречи руководителей двух стран не привлекли к себе пристального внимания масс-медиа и экспертного сообщества.

Между тем, и сам факт проведения саммита в непростой обстановке, сложившейся после трагических событий 11 сентября, и подписанные в его ходе документы, и, что, может быть, самое важное – его атмосфера свидетельствуют о значимости этого события. Ведь еще в начале 2001 года в российско-американских отношениях доминировали мрачные обертоны усиливающейся конфронтации. Налицо были признаки надвигающегося кризиса, связанного с возможным выходом Соединенных Штатов из договора по ПРО и реализацией со стороны России объявленного комплекса так называемых контрмер. Среди них – ответный выход из договоров по СНВ, по ракетам средней и меньшей дальности и даже из Договора по обычным вооруженным силам в Европе.

Климат в российско-американских отношениях стал меняться после первой встречи Джорджа Буша и Владимира Путина в Словении летом 2001 года. Можно предположить, что уже тогда в руководстве двух государств пришли к выводу, что сколь бы значимыми не были разногласия, они не должны привести к новому туру конфронтации. Это подтверждается дальнейшим развитием отношений между Россией и США. В них ясно прослеживаются

две линии. *С одной стороны*, идет поиск решений существующих, очень сложных проблем. *С другой* – на первое место выходят те области и сферы взаимоотношений, по которым интересы двух стран совпадают. К их числу, в первую очередь, относится совместная борьба с международным терроризмом.

На саммите был принят ряд важных документов, в том числе совместное заявление «о новых отношениях между Россией и США». Наши страны, говорится в нем, преодолели наследие *холодной войны*, ни одна из сторон не рассматривает другую в качестве противника или источника угроз, они вступили на путь новых отношений для XXI столетия, основанных на приверженности ценностям демократии, свободному рынку и верховенству закона.

Установление новых отношений, отношений доверия между руководителями двух держав, безусловно, важный итог их уже четвертой встречи в 2001 году. Как же эти новые отношения сказались на решениях в области контроля над вооружениями, на устранении тех болевых точек, которые в последние годы отягощают отношения между Россией и США? Это, прежде всего, взаимосвязанные вопросы стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Относительно *наступательных* вооружений, президенты в совместном заявлении подтвердили «приверженность осуществлению значительных сокращений стратегических наступательных вооружений». В более конкретном плане Джордж Буш объявил на совместной пресс-конференции в Вашингтоне, что Соединенные Штаты сократят «оперативно развернутые стратегические ядерные боеголовки до уровня 1700–2200 единиц в течение следующего десятилетия. Этот уровень, по его словам, «целиком соответствует безопасности Америки». Владимир Путин в ответ сказал, что «мы высоко оцениваем решение президента о сокращении СНВ до обозначенного им порога» и, со своей

стороны, объявил, что Россия предлагает «радикальную программу дальнейших сокращений СНВ – по меньшей мере раза в три – до минимального уровня, необходимого для поддержания стратегического равновесия в мире».

Иными словами, лидеры двух стран достигли базового соглашения о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений. Это можно только приветствовать. Уже одно то, что речь идет об уровнях ниже 2000 единиц, позволяет надеяться, что в перспективе будет взят рубеж, о котором раньше можно было только мечтать. Ведь в настоящее время – к 5 декабря 2001 года – стороны должны, в соответствии с договором СНВ-1, иметь в три раза больше стратегических наступательных вооружений – по 6000 единиц и 1600 носителей.

Однако остается много вопросов, относящихся к тому, как на деле будут проходить эти сокращения. Ясных договоренностей об этом пока что достигнуто не было.

Президент Путин заявил, что существует несколько вариантов сокращения СНВ: можно отвернуть боеголовки и положить их рядом, и иметь так называемый *возвратный потенциал*, а можно их уничтожить. Он высказался в пользу «выработки надежной и контролируемой договоренности о дальнейших кардинальных сокращениях ядерных потенциалов России и США»¹.

Участовавшая в переговорах советник американского президента по национальной безопасности Кондолиза Райс сообщила корреспондентам, что Владимир Путин не привез с собой проект договора, но подробно изложил доводы в пользу детального договора, заключение которого потребует дальнейших существенных обсуждений. «Мы более чем готовы вести с русскими переговоры относительно различных уровней кодификации такого соглашения. Мы не сказали, что это будет *договор*. Они же заявили о заинтересованности в заключении договора. Но это – открытый вопрос». Она добавила: «Мы заявили, обе стороны заявили, что готовы к тому, чтобы это (сокращения) контролировалось каким-то образом, может быть даже путем использования некоторых процедур верификации из прежних договоров. Но, в конце концов, ничто не исключается в том, что касается этого (верификации)»². Таким образом, можно констатировать определенный, скажем даже существенный,

прогресс в вопросе о сокращениях наступательных вооружений.

По другой проблеме – проблеме *стратегической обороны и договора по ПРО* президенты, как сказано в совместном заявлении, «договорились в свете меняющейся обстановки в области глобальной безопасности продолжить консультации в широких рамках новых стратегических взаимоотношений». За этой дипломатической формулировкой скрывается очевидный факт сохраняющихся разногласий относительно судьбы договора по ПРО в связи с планами администрации США по разработке и развертыванию национальной противоракетной обороны (НПРО). Джордж Буш продолжает считать, что договор по ПРО является реликтом прошлого, в то время как, по мнению России, он является важным элементом международной стабильности. Американская сторона, судя по всему, не склонна пойти на некоторую модификацию этого договора, о готовности к чему не раз заявляли в последнее время ответственные российские представители.

Как откровенно заявил президент Путин перед отъездом из Техаса, Россия и США расходятся в том, что касается способа и средств достижения общей цели, имея в виду вопросы, связанные с договором по ПРО. Обозначив цель своего визита в США как повышение доверия между странами, Владимир Путин сказал, что если Россия и США будут идти по этому пути, то будет найдено взаимоприемлемое решение и проблемы ПРО. «У нас есть различия во взглядах, но наши разногласия не разобьют нас как государства», – сказал в свою очередь президент Буш³.

Как сообщила *New York Times*, «официальные представители Пентагона заявили, что его планы не означают, что администрация Буша в настоящее время готова в одностороннем порядке выйти из договора, и отметили, что Пентагон может добровольно ограничить испытания и строительные работы, прежде чем договор будет нарушен в будущем году. Министр обороны США Дональд Рамсфельд заявил, что те, кто работает над реализацией программы ракетной обороны, могут действовать в рамках договора «в течение некоторого времени», даже хотя это «сдерживает» их работу»⁴. Все это – полезные разъяснения, но что же дальше, как в дальнейшем будут развиваться события?

Приветствуя результаты саммита как «одно из крупнейших явлений в области разоружения в истории человечества», влиятельная *Washington Post* писала в редакционной статье, что «если г-н Буш и г-н Путин действительно хотят достичь этого прорыва, то [...] необходим еще один шаг: оформленное письменно и контролируемое соглашение, в котором будут зафиксированы их обязательства относительно как наступательных, так и оборонительных вооружений, а также меры сотрудничества по предотвращению дальнейшего распространения ядерного оружия». Обосновывая это суждение, газета отмечает, что «достигнутый за последнее время прогресс в отношениях, как представляется, строится на личных контактах между двумя президентами». Однако, продолжает газета, «в обеих странах президенты приходят и уходят, и взаимоотношения должны строиться на такой основе, которая сможет пережить такие изменения. Верификация имеет значение потому, что она даст Соединенным Штатам возможность проводить мониторинг того, что будет дальше с российскими боеголовками и находящимися в них делящимися материалами, – это кардинальный вопрос в условиях, когда террористы и страны-изгои настойчиво стремятся овладеть такими материалами. Путем принятия формальных обязательств с Россией Соединенные Штаты будут также в состоянии заверить другие ключевые государства во всем мире, в том числе Китай, относительно размера и характера их ядерного арсенала, а также относительно того, какова их система противоракетной обороны. Отсутствие таких обязательств и контроля за их соблюдением может с вероятностью привести к постепенному наращиванию ядерных вооружений Китаем и, возможно, другими государствами, как это имело место до начала договоренностей о контроле над ядерными вооружениями 30 лет тому назад». Газета такими словами завершает свою редакционную статью: «Хорошо, что г-н Буш и г-н Путин заглянули друг другу в глаза. Но им еще нужно зафиксировать это на бумаге»⁵.

Газета *Washington Post* как нельзя лучше изложила (хотя и с позиции США) значение юридически обязывающих и предусматривающих должные меры контроля соглашений в такой чувствительной области, затрагивающей коренные интересы безопасности наших государств, как ограничение вооружений и разоружение. Но у России имеется аналогичная

заинтересованность к заключению таких соглашений. Мы хотим знать наверняка, действительно ли США сократят свои наступательные вооружения до объявленных президентом Бушем уровней и будет ли надежно и надлежащим образом соблюдаться та взаимоприемлемая договоренность по ПРО, которая может быть достигнута. Никак не меньше, и даже, пожалуй, больше, чем США, мы хотим, чтобы Китай и другие государства были уверены, что и Россия, и Соединенные Штаты скрупулезно выполняют взятые на себя обязательства. Потому что мы заинтересованы в том, чтобы и Китай, и другие страны не наращивали свои ракетно-ядерные арсеналы, ссылаясь на то, что им не ясно, идут ли две ведущие ядерные державы по пути ядерных сокращений. А от этого, в свою очередь, зависит, будут ли Индия и Пакистан развертывать и приводить в боевую готовность свои ядерные взрывные устройства и т.д., и т.п.

Выступая в американском Сенате 15 ноября, влиятельный сенатор Роберт Бэрд весьма образно продемонстрировал значение письменных соглашений: «Президент заявил, что он довольствовался бы тем, что переговоры о сокращении вооружений завершились бы ничем иным, как рукопожатием. Но это вызывает у меня озабоченность. Если я продаю или покупаю какую-нибудь собственность, я обмениваюсь рукопожатием с тем, кто покупает или у кого я покупаю собственность. Но будет еще акт купли-продажи, который будет зарегистрирован в суде графства, где расположена собственность. [...] Именно такой письменный акт даст уверенность моим внукам и их потомкам, что факт передачи собственности должным образом зарегистрирован. Одно лишь рукопожатие оставляет много вопросов без ответа. Что будет с ядерными боеголовками после того, как они будут сняты с ракет? Я должен обратить внимание на то, что администрация в предложенной смете бюджета на нынешний финансовый год сократила на 131 млн долл. ассигнования на программы, которые содействуют тому, чтобы это мощнейшее оружие не попало в руки злоумышленников. Как мы будем проверять? Как мы будем проверять, что Россия осуществляет сокращение вооружений, и как Россия, как президент Путин будет проверять, что мы осуществляем сокращения? Рональд Рейган сам сказал: «Доверяй, но проверяй». Другими словами, да, пожмите друг другу руки, но проверяйте»⁶.

Почему же американская администрация все же предпочитает путь *рукопожатий* вместо договоров? Не потому ли, что она хотела бы оставить себе свободу рук, и в какой-то момент изменить позицию? Хочется верить, что это не так.

Впрочем, накануне и после прихода к власти республиканской администрации в СМИ и среди широкой общественности как США, так и многих других стран стали распространяться тревожные опасения, что в Вашингтоне могут победить настроения в пользу односторонних действий Соединенных Штатов на международной арене и полного отказа от заключения соглашений по вопросам контроля над вооружениями и разоружения. Эти опасения подпитывались и тем обстоятельством, что США не пошли на ратификацию договора СНВ-2 в полном объеме и отказались от ратификации ДВЗЯИ.

Но трагические события 11 сентября и образование антитеррористической коалиции как будто вернули США на путь многосторонних усилий в борьбе с международным терроризмом, а также во имя поддержания мира и продолжения совместных действий по уменьшению ядерной угрозы и достижения новых соглашений по контролю над вооружениями. Так ли это? До конца ли администрация Буша прониклась пониманием того, что только коллективными усилиями можно решать накопившиеся и постоянно возникающие новые проблемы обеспечения мира и международной безопасности?

Как писали в журнале *Arms Control Today* бывший заместитель министра обороны в администрации Рейгана, а ныне вице-президент Совета внешних сношений Лоуренс Корб и научный сотрудник этого совета Алекс Тирский, «трагедия 11 сентября будет определять политику США в вопросах безопасности в течение многих лет. В этом сомнений нет. Вопрос в том, воспользуются ли Соединенные Штаты сейчас, когда почти весь мир объединился вокруг их проблемы, чтобы повести дело к возрождению сотрудничества в вопросах безопасности, которое приведет к более безопасному миру для всех. Или же Вашингтон вновь вернется к тому, что руководитель управления внешнеполитического планирования госдепартамента Ричард Хаас назвал «многосторонним подходом *a la carte*»?⁷ (то есть будет действовать так, как ему заблагорассудится, — иногда путем многосторонних усилий, а иногда и в одностороннем порядке).

Спустя два дня после нападений на Всемирный торговый центр и Пентагон, Джордж Буш-старший сказал: «Так же как Пирл-Харбор всколыхнул страну и разбудил ее от спячки и мыслей о том, что мы можем каким-то образом уклониться от нашего долга защитить свободу в Европе и в Азии во Второй мировой войне, так же и эти недавние нападения должны положить конец разделяемым некоторыми кругами представлениям о том, что Америка может как-то самостоятельно действовать в борьбе с терроризмом, да и во всем другом»⁸.

Лишь будущее покажет, насколько изменился подход администрации Джорджа Буша-младшего к решению международных проблем. Саммит в Вашингтоне и Кроуфорде порождает некоторые надежды, но пока что только надежды. Окончательный ответ дадут конкретные дела.

А как будет действовать российское руководство, полно ли оно решимости пройти весь путь к достижению взаимоприемлемых и — по необходимости — компромиссных договоренностей по наступательным и оборонительным вооружениям? К тому же ему тоже приходится иметь дело и, очевидно, учитывать мнения *некоторых кругов*, которые неоднозначно относятся к возможным соглашениям, затрагивающим такую *священную корову*, как договор по ПРО, и другие устоявшиеся стереотипы *холодной войны* в вопросах стратегических вооружений.

Представляется бесспорным, что времена *холодной войны* безвозвратно уходят в прошлое, и та система международных отношений и двусторонних договоров, основанных на принципах взаимного ядерного сдерживания, которая явилась ее порождением, тоже неизбежно отойдет в прошлое. Вопрос только в том, найдется ли у обеих администраций достаточно государственной мудрости и умения так гладко построить и осуществить переход к новым отношениям в области контроля над вооружениями и разоружения, чтобы *доброе старое* не было преждевременно разрушено и чтобы *светлое будущее* наступало постепенно и размеренно во благо двух стран, а также, конечно, и мира в целом.

Этот последний фактор следует подчеркнуть со всей определенностью. Любые договоренности должны принимать во внимание интересы других стран — и Китая, и Японии, и Западной Европы, и государств Южной Азии и оказывать соответствующее

благодарное воздействие на них, на перспективы их подключения к движению по пути сокращения ядерных вооружений. Ведь конечным результатом должен стать такой разоруженческий процесс, который будет подлинно *интернациональным*.

Как же все-таки могли бы выглядеть двусторонние договоренности по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям?

Ну, что касается наступательных вооружений, то общие параметры уже были обозначены президентами двух стран. Далее нужно будет определиться, следует ли прописать, как будут и будут ли затрагиваться те или иные конкретные стратегические системы. Например, будут ли Россия и США сохранять мирвоинные МБР или нет? Вопрос этот имеет одинаково немаловажное значение для обеих сторон. Стороны, судя по сделанным ими заявлениям, как видно, готовы договариваться и о том или ином уровне верификации, который, очевидно, неизбежно будет каким-то образом зафиксирован в виде формального документа. Дело за тем, чтобы выработать принципы и процедуры транспарентности и контроля за уничтожаемыми ядерными боезарядами. По мнению ряда независимых специалистов, несмотря на всю сложность этой задачи, она решению поддается.

Намного труднее будет, судя по результатам саммита, договариваться по оборонительным вооружениям. Мы не будем брать на себя непосильную задачу предлагать какие-либо конкретные решения, но некоторые интересные и продуктивные идеи буквально носятся в воздухе. Совершенно очевидно, что до развертывания даже ограниченной НПРО, дистанция, как говорится, огромного размера. Сейчас и в обозримом будущем, в течение, по крайней мере, одного десятилетия, а то и больше, будут проходить лишь ее разработки и испытания.

Вот одна из возможных идей, которая предлагается некоторыми независимыми экспертами из обеих стран⁹. Определенные испытания, как хорошо известно, договором по ПРО разрешаются. Если США захотели бы создать новый испытательный полигон, скажем, на Аляске, то, согласно статье IV, такой дополнительный испытательный полигон может быть согласован между сторонами. Что же касается, например, испытания систем или компонентов ПРО

морского и воздушного базирования, считают эти эксперты, то в течение определенного времени они могут проводиться на установленных наземных испытательных полигонах, то есть в рамках договора. Они предлагают внести поправку только в статью V, чтобы разрешались разработка, испытания и развертывание космических датчиков (*space-sensors*) взамен наземных радиолокационных станций ПРО, но сохранялся бы запрет на создание противоракет космического базирования. США, в свою очередь, согласились бы не настаивать на каких-либо других изменениях договора и на отмене его в течение длительного времени, и к вопросу о судьбе договора вернуться позднее.

Повторяем: это одна из возможных идей, которую мы здесь привели в качестве примера и для того, чтобы показать, что есть почва для продуктивных переговоров между сторонами. Считали бы, кстати говоря, полезным, чтобы к ним в том или ином качестве были привлечены и высококвалифицированные неправительственные эксперты, которых имеется немало и в России, и в США.

Из сказанного не следует делать вывод, что односторонние меры по ограничению и сокращению вооружений контрпродуктивны и неприемлемы. Наоборот, в целом ряде случаев, в том числе когда переговоры заходили в тупик, односторонние инициативы помогали вывести их из стагнации и способствовали достижению договоренностей. Так, например, односторонние моратории на ядерные испытания, которые СССР, США и Великобритания (единственные тогда ядерные державы) объявили и соблюдали в течение трех лет (с 1958 по 1961 годы) позволили начать переговоры о запрещении ядерных испытаний, завершившиеся в 1963 году заключением Московского договора о запрещении испытаний в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой.

Вот и сейчас было бы полезно, чтобы и Соединенные Штаты, и Россия после выполнения к 5 декабря своих обязательств по договору СНВ-1 о сокращении стратегических ядерных вооружений до 6000 единиц и 1600 носителей продолжили – уже в одностороннем порядке – процесс их сокращения. А тем временем между сторонами велись бы переговоры о заключении контролируемого соглашения, которое основывалось бы на верификационном механизме СНВ-1 или его отдельных элементах и на мерах контроля за уничтожением ядерных боезарядов.

В целом же можно с определенным основанием говорить, что ноябрьские переговоры между президентом Владимиром Путиным и президентом Джорджем Бушем создают определенную основу для дальнейшего движения вперед как по пути сокращения стратегических наступательных вооружений, так и по нахождению общеприемлемого решения проблемы противоракетной обороны. Эту возможность упустить нельзя. ■

¹<http://president.kremlin.ru>, 13 и 15 ноября 2001

²*New York Times*, 16 November 2001

³president.kremlin.ru, 15 ноября 2001

⁴*New York Times*, 16 November 2001

⁵*Washington Post*, 16 November 2001

⁶<http://thomas.loc.gov/r107/r107.html>, p.S11893

⁷*Arms Control Today*, No.8, Vol.31, October 2001, p.7

⁸*Ibid.*

⁹Amb. Thomas Graham, member of US SALT, INF, START delegations, Jack Mendelsohn, member of US SALT and START delegations, John Rhineland, member of US SALT I delegation, Alexander Yereskovsky, former Russian Deputy Commissioner to the Standing Consultative Commission of the ABM Treaty. Squaring the Circle: Can NMD and Nuclear Arms Control be Reconciled? *Disarmament Diplomacy*, July/August 2001, pp.3–6

Вышли в свет в октябре–декабре 2001 года

- *Ядерный Контроль*. Том 7, №5. Сентябрь–Октябрь 2001. В номере: Владимир Орлов, Роланд Тимербаев «Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности», Сергей Загидуллин: «Российский ядерный комплекс и Государственная Дума: проблемы и перспективы», Анатолий Шевцов, Алексей Ижак «Циклы расширения НАТО», Игорь Рыбальченко «Контроль за нераспространением химического оружия: Международный межлабораторный квалификационный эксперимент», Валерий Семин «О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения», Евгений Горьковский «Образование в области разоружения: требуется активизация усилий», Фидель Кастро Диас-Баларт «Ядерный путь Кубь». Цена 1500 руб.
- *Ракеты и Космос*. Том 1, №3. Зима 2001. В номере: Евгений Сиротинин, Юрий Подгорных «О правовых аспектах применения средств предупреждения о ракетном нападении», Клэй Мольц «Ядерные испытания в космосе, Договор о запрещении испытаний в трех средах и Договор об использовании космического пространства: уроки для сегодняшних политиков», Раджеш Кумар Мишар «Ракетно-космическая программа Индии: на пути к самодостаточности», Сергей Орджоникидзе «Выступление на Первом комитете 56-й сессии ГА ООН по вопросу о договоре по ПРО». Цена 2500 руб.
- *Серия «Библиотека ПИР-Центра»*. Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия». М., ПИР-Центр, 2001, 328 с. Цена 170 руб.

См. также с.64

Информация и оценки (по материалам печати)

Ниже приведены выборочные материалы российской печати из «ядерного и ракетного досье», «досье по обычным вооружениям» и «досье по химическому и биологическому оружию» ПИР-Центра, опубликованные в октябре–декабре 2001 года. Редакция Ядерного Контроля приводит фрагменты из статей дословно или в пересказе, предлагает точки зрения различных изданий и не комментирует их. Размещение материалов в данном разделе не означает, что редакция разделяет ту или иную из них.

В РОССИИ

ИЗ ЯДЕРНОГО И РАКЕТНОГО ДОСЬЕ

- **В министерстве обороны**

Принимаются меры по обеспечению безопасности ядерных объектов

25 октября состоялась пресс-конференция начальника 12-го Главного управления Минобороны (ГУМО) РФ генерал-полковника Игоря **Валынкина**.

Игорь Валынкин отметил, что министерство обороны принимает дополнительные меры по обеспечению безопасности и усилению охраны ядерных объектов. Введены «дополнительные штатные мобильные подразделения на объектах хранения ядерных боеприпасов с более усиленным вооружением и лучшей подготовкой», сказал генерал. По его словам, «эти подразделения сегодня способны противостоять террористическим группам, таким, как те, которые действуют в Чечне».

Он также сообщил, что Минобороны «дополнительно скорректировало планы обеспечения безопасности объектов хранения ядерных боеприпасов с ФСБ, МВД и командованием военных округов, которые будут оказывать нам помощь в случае нападений террористов».

По словам генерала Валынкина, «усиление мер безопасности и физическая защита самих объектов делают невозможным проникновение на них террористов в короткие сроки».

«На сегодняшний день наши сооружения с нашей охраной вполне надежны и не вызывают опасений за их безопасность», – подчеркнул генерал.

Г-н Валынкин допускает возможность проведения терактов со стороны наземных групп террористов против ядерных объектов. Вместе с тем он подчеркнул, что в Минобороны не опасаются атаки, подобной

той, которую террористы совершили в США 11 сентября. Подобной «прямой атаки мы не боимся», – отметил Игорь Валынкин. При этом он заявил, что «сооружения, в которых в России хранятся ядерные боеприпасы, спроектированы таким образом, что выдерживают ядерный удар». (Александр Коновалов. Минобороны принимает дополнительные меры по обеспечению безопасности и усилению охраны ядерных объектов. РИА *Новости*. 25 октября 2001.)

Генерал Валынкин также заявил, что в 2001 году российские военные зафиксировали два случая проведения разведки террористами объектов хранения ядерных боеприпасов. Обе попытки террористов были предотвращены соответствующими службами. Игорь Валынкин заявил, что «попыток непосредственно проникнуть в сооружения, где хранятся боеприпасы, не было ни одной». (Павел Коряшкин. В этом году военные зафиксировали два случая разведки террористами объектов хранения ядерных боеприпасов – представитель Минобороны. *Итар-Тасс*. 25 октября 2001.)

- **Сокращение ядерных вооружений**

Россия и США заявляют о выполнении договора СНВ-1

5 декабря закончился период сокращений стратегических наступательных вооружений, предусмотренный Договором о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (договор СНВ-1), участниками которого являются Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина – государства-правопреемники Советского Союза, и Соединенные Штаты Америки. Согласно этому договору, стороны взяли на себя обязательства через семь лет после его вступления в силу уменьшить количество своих стратегических носителей до 1600 единиц, а числящиеся за ними боезаряды – до уровня 6000 единиц у каждой из сторон, установить также другие ограничения.

Российская сторона полностью выполнила свои обязательства по указанным сокращениям, и на контрольную дату 5 декабря 2001 года фактически снизила количество своих развернутых стратегических носителей (межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет на подводных лодках и тяжелых бомбардировщиков) до 1136 единиц, а количество числящихся за ними боезарядов – до 5518 единиц.

Ожидаем, что и Соединенные Штаты Америки достигнут установленных договором уровней сокращений. В то же время у нас есть вопросы относительно выполнения ряда обязательств по этому договору. Исходим из того, что эти вопросы будут урегулированы в самое ближайшее время.

Полная и своевременная реализация положений договора СНВ-1 создает хорошие предпосылки для выработки соглашения о дальнейших радикальных сокращениях стратегических наступательных вооружений, о которых условились президенты России и США в ходе ноябрьского саммита. (Заявление официального представителя МИД России Александра Яковенко в связи с окончанием периода сокращений стратегических наступательных вооружений по договору о СНВ. *Департамент информации и печати МИД РФ*. 5 декабря 2001.)

США объявили, что выполнили свои обязательства по договору СНВ-1. Как отметил 5 декабря официальный представитель госдепартамента Филипп Рикер, уровень сокращений, установленный договором, достигнут к указанному в документе контрольному сроку.

Как следовало из слов Филиппа Рикера, которого журналисты попросили прокомментировать заявление МИД РФ, Соединенные Штаты, так же как и Россия, выполняют взятые на себя обязательства. По его словам, «дата 5 декабря ознаменовала собой успешное завершение третьей и финальной фазы сокращения стратегических наступательных вооружений в соответствии с договором СНВ-1». При этом г-н Рикер обратил внимание на то, что сегодня стороны располагают даже меньшим количеством стратегических носителей и боезарядов, чем это предусмотрено договором. США и Россия, подчеркнул Филип Рикер, предпринимают важные шаги, направленные на то, чтобы избавиться от наследия *холодной войны*. (Андрей Суржанский. США объявили, что

выполнили свои обязательства по договору СНВ-1. *Итар-Тасс*. 6 декабря 2001.)

Президент США Джордж Буш объявил о выходе США из договора по ПРО

13 декабря президент США Джордж Буш объявил о выходе США из договора по ПРО 1972 года. Выступая на церемонии в Розовом саду Белого дома, он сказал:

«Я только что завершил встречу со своим Советом национальной безопасности. Мы рассмотрели то, о чем я говорил с моим другом президентом Владимиром **Путин** в ходе многих встреч на протяжении многих месяцев, а именно – необходимость для Америки выйти за рамки Договора 1972 года об ограничении систем противоракетной обороны.

Сегодня я подал официальное уведомление России, в соответствии с договорными условиями, о том, что США выходят из этого почти тридцатилетнего договора. Я пришел к выводу, что договор по ПРО сковывает способность нашего правительства разрабатывать пути защиты нашего народа от будущих ракетных атак со стороны террористов или государств-изгоев.

Договор 1972 года по ПРО был подписан Соединенными Штатами и Советским Союзом в совершенно иное время, в разительно ином мире. Одна из подписавших его сторон – Советский Союз – более не существует, как не существует теперь и та враждебность, которая в свое время заставляла наши страны держать тысячи ядерных вооружений в состоянии полной боевой готовности, нацеленными друг на друга. Существовала мрачная теория, гласившая, что ни одна из сторон не нанесет ядерного удара, поскольку знает, что другая ответит тем же, и обе будут уничтожены.

Сегодня, как со всей очевидностью показали события 11 сентября, величайшие угрозы для обеих наших стран исходят не от друг друга или других крупных мировых держав, а от террористов, которые наносят удары без предупреждения, или государств-изгоев, стремящихся завладеть оружием массового уничтожения.

Мы знаем, что террористы и некоторые из тех, кто их поддерживает, стремятся получить возможность доносить смерть и разрушения к нашему порогу с помощью ракет, и мы должны иметь свободу и гибкость действий,

чтобы создавать эффективную систему обороны против таких атак.

У меня как у главнокомандующего нет приоритета выше, чем защищать американский народ, и я не могу позволить и не допущу, чтобы США оставались участником договора, не дающего нам создавать эффективные средства обороны.

В то же время Соединенные Штаты и Россия строят новые, гораздо более обнадеживающие и конструктивные отношения. Мы движемся к тому, чтобы заменить взаимное гарантированное уничтожение обоюдным сотрудничеством.

Начиная с Любляны и далее на встречах в Генуе, Шанхае, Вашингтоне и Кроуфорде, мы с президентом Путиным заложили общие основы для новых стратегических взаимоотношений. Россия находится на переходе к свободным рынкам и демократии. Мы привержены установлению прочных экономических связей между Россией и Соединенными Штатами и новых уз между Россией и нашими партнерами по НАТО. НАТО ясно выразила свое стремление выявить и использовать благоприятные возможности для совместных действий в формате *двадцатки*.

Я с радостью жду возможности посетить Москву для продолжения наших дискуссий в поисках путей оформления новых стратегических отношений, которые намного переживут наши сегодняшние правительства, закладывающих основы мира на многие годы.

Мы уже тесно сотрудничаем в рамках борьбы с терроризмом, на которую поднимается весь мир. Я очень высоко ценю важные рекомендации и содействие со стороны президента Путина в наших усилиях, направленных на искоренение сети *Аль-Каида* в Афганистане.

Я ценю его приверженность сокращению российских наступательных ядерных вооружений. Я вновь подтверждаю наше обязательство сократить наш собственный ядерный арсенал до уровня от 1700 до 2200 стратегических ядерных вооружений, находящихся на оперативном дежурстве.

Мы с президентом Путиным также договорились, что мое решение о выходе из договора никак не подрывает ни наши новые отношения, ни безопасность России. Как президент Путин говорил в Кроуфорде, мы на

пути к фундаментально иным отношениям. *Холодная война* давно осталась позади. Сегодня мы оставляем позади один из последних ее реликтов.

Но сегодня не тот день, чтобы оборачиваться назад. Это день для того, чтобы смотреть вперед с надеждой и предвкушением большего процветания и мира – для россиян, американцев и всего мира». (Андрей Шитов. Джордж Буш заявил о выходе США из договора по ПРО. *Итаp-Гасс*. 13 декабря 2001.)

Заявление президента Российской Федерации Владимира Путина

Администрация Соединенных Штатов Америки объявила сегодня о выходе через шесть месяцев из Договора по противоракетной обороне 1972 года.

Договор действительно дает каждой из сторон право выйти из него при наличии исключительных обстоятельств. Руководство США говорило об этом неоднократно, и такой шаг не явился для нас неожиданностью. Однако мы считаем данное решение ошибочным.

Как известно, Россия, так же как и США, в отличие от других ядерных держав давно располагает эффективной системой преодоления противоракетной обороны. Поэтому я с полной уверенностью могу заявить, что принятое президентом США решение, не создает угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем, наша страна не пошла на настойчиво предлагавшийся США совместный выход из договора по ПРО и сделала все от нее зависящее, чтобы этот договор сохранить. Продолжаю считать и сегодня, что такая позиция является верной и обоснованной. При этом Россия прежде всего руководствовалась заботой о сохранении и укреплении международных правовых основ в области разоружения и нераспространения оружия массового уничтожения.

Договор по противоракетной обороне как раз и является одной из несущих конструкций правовой системы в этой области. Эта система создавалась совместными усилиями на протяжении последних десятилетий.

По нашему убеждению, развитие ситуации в современном мире настоятельно диктует определенную логику действий.

Сегодня, когда мир столкнулся с новыми угрозами, нельзя допустить правового вакуума в сфере стратегической стабильности, нельзя подрывать режимы нераспространения оружия массового уничтожения.

Считаю, что нынешний уровень двусторонних отношений между Российской Федерацией и США должен быть не только сохранен, но и использован для скорейшей выработки новых рамок стратегических взаимоотношений.

Наряду с проблемой противоракетной обороны, особое значение в этих условиях приобретает и правовое оформление достигнутых договоренностей о дальнейших радикальных, необратимых и проверяемых сокращениях стратегических наступательных вооружений, по нашему мнению, до уровня 1500–2200 ядерных боезарядов у каждой стороны.

В заключение хочу отметить, что Россия и дальше будет твердо следовать в мировых делах своему принципиальному курсу, направленному на укрепление стратегической стабильности и международной безопасности. (Заявление президента Российской Федерации Владимира Путина. *Пресс-служба президента РФ*. 13 декабря 2001.)

- **Экспорт и экспортный контроль**

Россия и Индия развивают сотрудничество

6 ноября в принятом совместном заявлении РФ и Индии по стратегическим вопросам говорится, что Россия и Индия поддерживают сохранение существующих соглашений в области контроля над вооружениями и разоружения, включая договор по ПРО от 1972 года.

В документе отмечается, что Россия и Индия «придают приоритетное значение укреплению региональной и международной безопасности». Они также поддерживают продвижение к всеобщему и полному разоружению, в частности, «по средствам систематических и последовательных усилий по сокращению ядерных вооружений во всем мире для достижения конечной цели – ликвидации таких вооружений».

Приветствуя готовность РФ и США «и далее сокращать свои стратегические наступательные вооружения», Индия призвала другие государства, обладающие ядерным оружием, «на определенном этапе также

присоединиться к процессу сокращения ядерных вооружений».

«Россия и Индия полны решимости и далее укреплять свои системы национального контроля за экспортом материалов и технологий двойного назначения в соответствии с поставленными целями нераспространения во всех его аспектах без ущерба для мирного использования», – подчеркивается в заявлении.

«С тем, чтобы не допустить милитаризации космического пространства и в то же время обеспечить его использование для осуществления самых разных видов деятельности, направленной на укрепление сотрудничества, мира и развития, Россия и Индия призвали международное сообщество приложить усилия к тому, чтобы заключить в этих целях соответствующие юридически обязывающие договоры, в том числе достичь всеобъемлющей договоренности о неразмещении оружия в космосе, неприменении силы или угрозы ее применения в отношении космических объектов», – отмечается в документе. (Сергей Яковлев. Россия и Индия поддерживают сохранение существующих соглашений в области контроля над вооружениями и разоружения. *Итаp-Тасс*. 6 ноября 2001.)

6 ноября Россия и Индия подписали меморандум о строительстве силами российских специалистов атомной электростанции в индийском городе Куданкулам. Об этом заявил журналистам вице-премьер правительства РФ Илья **Клебанов**.

По его словам, в ходе переговоров с прибывшим с официальным визитом в Россию премьер-министром Индии Атал Бихари **Ваджпай** достигнута договоренность о строительстве еще двух блоков АЭС в Индии стоимостью 2,6 млрд долл.

Вице-премьер подчеркнул, что данный проект проходит под эгидой МАГАТЭ, «поэтому ничего запрещенного или противоречащего международным обязательствам строительства АЭС нет». (Андрей Малосолов. Россия и Индия подписали меморандум о строительстве российскими специалистами атомной станции в Куданкуламе. *РИА Новости*. 6 ноября 2001.)

Индия рассматривает возможность заказать у России сооружение еще двух–четырех блоков

АЭС плюс к тем двум, документы на строительство которых были подписаны 6 ноября. Об этом сообщил секретарь департамента по атомной энергии правительства Индии Анил **Какодкар**.

Российский *Атомстройэкспорт* и корпорация по атомной энергии Индии подписали генеральное соглашение о сооружении АЭС *Куданкулам*, которое включает объемы поставок и услуг российской стороны, взаимные обязательства сторон и график сооружения объекта. (Вероника Воскобойникова. Индия может заказать у РФ сооружение еще двух–четырех блоков АЭС; российские реакторы выбраны потому, что «это технологии будущего». *Итар-Тасс*. 6 ноября 2001.)

Как заявил генеральный директор *Атомстройэкспорта* Виктор **Козлов**, Россия получит за выполнение этого проекта полтора–два миллиарда долларов.

По его словам, Россия будет строить АЭС в Индии на условиях обычной мировой практики, то есть 15% средств за оказанные услуги будут получены сразу, а 85% – это кредит. Как подчеркнул г-н Козлов, Россия дает кредит Индии не в деньгах, а в форме поставок оборудования и материалов, необходимых для сооружения атомной станции. (Вероника Воскобойникова. РФ и Индия подписали документы о строительстве АЭС *Куданкулам* стоимостью 1,5–2 млрд долл. *Итар-Тасс*. 6 ноября 2001.)

• Международное сотрудничество

В Конгрессе США обсуждаются возможности сотрудничества с Россией в области нераспространения

Американский Конгресс намерен вплотную заняться рассмотрением законопроекта о помощи иностранным государствам. В 2001 году этот законопроект пополнился довольно экзотическим предложением сенатского комитета по международным делам в отношении России. Дуэт сенаторов в лице председателя комитета Джозефа **Байдена** и не менее уважаемого его коллеги Ричарда **Лугара** предложил списать 3,5 млрд долл. из общей суммы долга бывшего СССР, если Москва согласится активно сотрудничать с Америкой в деле нераспространения ядерных технологий.

Идея списания части советских долгов начала беречь американские умы после теплой,

хотя и малопродуктивной встречи Джорджа Буша и Владимира Путина сначала в Вашингтоне, а потом в Техасе. При этом каждая из групп влияния добивается своих целей. Предшественник г-на Байдена на посту председателя сенатского комитета по международным делам, известный всему миру Джесси **Хелмс** также положил глаз на часть советских долгов. Однако его интересуют не военные связи Москвы и Тегерана, а бедственное состояние российской прессы. На ее нужды г-н Хелмс предлагает выделить до 10% всех долгов СССР Америке.

Идея профинансировать Россию ее же собственными деньгами, а заодно решить некоторые собственные задачи будет бесспорно укрепляться в сознании все новых групп влияния США. (Евгений Бай. За нашу и вашу свободу. *Известия*. 27 ноября 2001.)

Siemens не будет экспортировать в Россию завод по производству МОКС-топлива

Компания *Siemens Power Generation* подтвердила намерение приступить к демонтажу завода по производству МОКС-топлива в Ханау, строительство которого было прекращено в 1995 году. Это решение было принято после неудачной попытки, предпринятой на июньской встрече *большой восьмерки* в Генуе, получить политическую и финансовую поддержку планам экспорта оборудования из Ханау в Россию.

По словам представителей компании, США и Франция выделили на эти цели 500 млн марок, в то время как общая стоимость работ составляет около двух миллиардов марок. Кроме того, *Siemens* говорит, что ей неизвестно о планах немецкого правительства принять участие в финансировании. В таких условиях руководство компании заявляет, что «больше не чувствует себя связанными какими-либо обязательствами».

Компании предстоит демонтировать существующий завод по производству МОКС-топлива, второй, незавершенный завод, а также завод по производству уранового топлива, который также был остановлен в сентябре 1995 года. Общая стоимость демонтажа оценивается в 0,7 млрд евро. Работы будут включать в себя четыре стадии, на каждую из которых требуется получить отдельную лицензию надзорных органов: извлечение топлива, демонтаж перерабатывающих мощностей, демонтаж вспомогательных мощностей и снос зданий с последующей реабилитацией площадки.

(Компания *Siemens Power Generation* окончательно отказалась от планов экспортировать в Россию оборудование завода по производству МОКС-топлива в Ханану, заявив о намерении приступить к работам по демонтажу предприятия. www.nuclear.ru. 6 ноября 2001.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ОБЫЧНЫМ ВООРУЖЕНИЯМ

В Женеве обсуждаются проблемы ограничения обычных видов вооружений

11 декабря в женевском Дворце Наций открылась Вторая конференция государств-участников Конвенции о запрещении или ограничении видов обычного оружия, наносящих чрезмерные поражения или имеющих неизбирательное действие.

Конвенцию, действующую с 1981 года, к настоящему времени ратифицировали 87 стран, в том числе Россия.

Задачей конференции является оценка результатов выполнения конвенции и протоколов к ней за последние пять лет, определить возможности обеспечения универсального характера этих документов и повышения их эффективности.

В своем выступлении на форуме глава российской делегации Леонид **Скотников** подчеркнул, что реализуя эти цели, конференция «не может отстраниться от задач и императивов, диктуемых разворачивающейся борьбой с террором».

Столь же очевидно, считает он, что усилия участников конференции «должны быть вписаны в работу по обеспечению стратегической стабильности». По словам г-на Скотникова, это связано с сохранением и укреплением действующих договоров в сфере международной безопасности и разоружения.

Он также указал, что российская делегация выступает за рассмотрение предложений о распространении сферы применения конвенции и протоколов к ней на вооруженные конфликты немеждународного характера и нахождение общеприемлемого решения этого вопроса.

По словам г-на Скотникова, российская сторона также считает необходимым серьезное обсуждение проблем, создаваемых «взрывоопасными пережитками войны» (минные поля, неразорвавшиеся бомбы и

снаряды, мины). Как заявил глава делегации РФ, следовало бы «договориться о конкретной работе по данной проблематике в постконференционный период».

Тщательного анализа требуют и другие предложения, поступившие в ходе подготовки конференции, отметил Леонид Скотников. (Борис Тарасов. На конференции в Женеве Россия высказывается за укрепление и универсализацию Конвенции о запрещении или ограничении видов обычного оружия. РИА *Новости*. 12 декабря 2001.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ И БИОЛОГИЧЕСКОМУ ОРУЖИЮ

Россия подтвердила приверженность Конвенции о запрещении биологического оружия

19 ноября Россия подтвердила свою приверженность Конвенции 1972 года о запрещении биологического оружия и высказалась за принятие протокола к ней, содержащего эффективные меры контроля.

«Недавние трагические события в США и сохраняющаяся опасность терроризма с применением оружия массового уничтожения еще более усиливают нашу уверенность в необходимости укрепления режима Конвенции путем принятия многостороннего юридически обязывающего документа», – заявил на проходящей в Женеве пятой конференции, посвященной ходу выполнения конвенции, глава российской делегации Леонид **Скотников**.

Работа над протоколом, продолжавшаяся шесть лет, была заблокирована в июле Соединенными Штатами, которые сочли проект неприемлемым. 19 ноября в Женеве заместитель госсекретаря США Джон **Болтон** вновь заявил о неприемлемости имеющегося текста, предложив одновременно ряд иных мер контроля, устраивающих Соединенные Штаты.

Леонид Скотников выразил от имени РФ «глубокую обеспокоенность» тем фактом, что переговоры по протоколу не были завершены в намеченные сроки. «Считаем, что ситуация, сложившаяся с протоколом, может привести к усилению угрозы распространения биологического оружия, а значит и вероятности того, что оно попадет в руки террористов», – отметил он. В России по-прежнему считают, что принятие протокола к конвенции «является важнейшим и наиболее

эффективным средством ее укрепления». Делегация РФ высказывается за продолжение переговоров в рамках Специальной группы государств-участников конвенции, и предлагает запланировать ее заседание уже на

первую половину 2002 года. (Константин Прибытков. Россия подтвердила на конференции в Женеве приверженность Конвенции о запрещении биологического оружия. *Итаp-Тасс*. 19 ноября 2001.)

В МИРЕ

• Северная Корея

Северная Корея отказывается принимать международную инспекцию

Пхеньян заявляет о беспочвенности требований США провести международную инспекцию в Северной Корее для выявления там оружия массового уничтожения (ОМУ). Представитель МИД КНДР в этой связи даже пригрозил принять *ответные меры*, не уточняя, что именно он имеет в виду.

Заявление представителя северокорейского внешнеполитического ведомства распространено в Пхеньяне 29 ноября по каналам Центрального телеграфного агентства Кореи.

В документе отмечается, что правительство КНДР не может оставаться безучастным в складывающейся ситуации. В американской администрации, как утверждает представитель МИД КНДР, замалчивают о предложении Пхеньяна возобновить диалог с США без предварительных условий, которые ранее выдвинул президент Джордж Буш.

Американский лидер призвал Северную Корею допустить на свою территорию иностранных инспекторов с тем, чтобы снять с себя подозрения в обладании ОМУ. Джордж Буш также призвал Пхеньян прекратить экспорт ракет и ракетных технологий.

Представитель северокорейского МИД подтвердил, что КНДР не имеет ничего общего с террористическими государствами, и всеми доступными средствами участвует в борьбе против терроризма. (Константин Слюсаренко. Пхеньян заявляет о

беспочвенности требований США провести международную инспекцию в КНДР для выявления там оружия массового уничтожения. РИА *Новости*. 30 ноября 2001.)

• Индия

В Индии утверждена программа развития ракетной группировки

Правительство Индии утвердило программу развития ракетной стратегической группировки в рамках национальной системы ядерного сдерживания. Ее основную ударную силу составят баллистические ракеты наземного базирования *Агни*, способные нести ядерные боезаряды. По словам представителя Минобороны Индии, реализация пятилетней программы начнется в 2002 году.

Программа, в частности, предусматривает создание двух новых ракетных полков, которые будут дислоцированы в северном штате Пенджаб, граничащем с Пакистаном.

В настоящее время в составе сухопутных войск Индии находится один такой полк, располагающий восемью мобильными пусковыми установками.

Баллистическая ракета *Агни* способна нести ядерную боеголовку весом до тысячи килограмм и поражать цель на расстоянии до двух–пяти тысяч километров. Первые испытания этой ракеты состоялись в 1989 году. (Валерий Севрюков. Правительство Индии утвердило программу развития ракетной стратегической группировки в рамках национальной системы ядерного сдерживания. РИА *Новости*. 19 ноября 2001.)

ДУМА И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

В данном разделе собраны материалы, освещающие работу парламента в указанной области за декабрь 2001 года. Основными источниками информации являются средства массовой информации, пресс-служба Государственной Думы, собственные источники.

Российские парламентарии о выходе США из договора по ПРО

Алексей Арбатов, заместитель председателя комитета Госдумы по обороне, заявил, что

«объявленное решение президента США о предстоящем выходе из договора по ПРО не предназначалось для того, чтобы оскорбить

или нанести удар по России. Но это решение будет иметь именно такие последствия.

Во-первых, договор по ПРО – это главный документ, который связывает Россию с США в области ограничения стратегических вооружений и стабильности.

Во-вторых, у США пока нет программы испытания и развертывания системы противоракетной обороны, которая потребовала бы денонсации договора по ПРО. США могли бы еще много лет проводить НИОКР и испытания, не разрушая договора по ПРО, а внося в него поправки вместе с Россией. Этот шаг, говоря словами Талейрана, хуже преступления, это ошибка.

Решившись на него вопреки аргументам и доводам РФ и даже своих союзников, США показали, что вновь собрались принимать односторонние решения, оставляя другим странам возможность следовать в фарватере американской политики. Это большое заблуждение в отношениях с Россией.

Решение руководства США наносит большой удар по России в условиях беспрецедентного сближения двух стран и их военного сотрудничества в вооруженной акции против международного терроризма. Это также осложняет совместные усилия по нераспространению ядерного оружия и получения доступа к нему со стороны международного терроризма». (Это не преступление, это ошибка. *Независимая Газета*. 14 декабря 2001.)

По словам председателя Государственной Думы Геннадия **Селезнева**, решение американских властей было прогнозируемым, «от этого шага небо на землю не упадет». Геннадий Селезнев уверен, что «международное сообщество не оставит без внимания этот факт и выскажет свою точку зрения относительно решения США». (США объявили о выходе из договора по ПРО. Россия этим недовольна, но не видит причин драматизировать ситуацию. *Итаp-Тасс*. 13 декабря 2001.)

На выход США из договора ПРО 1972 года Россия найдет адекватный ответ. Об этом заявил председатель комитета по международным делам Госдумы Дмитрий **Рогозин** после состоявшейся 13 декабря встречи с находящимся в Москве с визитом начальником Генштаба вооруженных сил Франции Жан-Пьером **Кельшем**.

По словам депутата, решение США не представляет «драмы для национальной безопасности России», и «резких движений с российской стороны не будет». В этой связи г-н Рогозин напомнил, что «Россия надеялась найти компромисс с США по договору ПРО».

При этом председатель профильного комитета нижней палаты российского парламента подчеркнул, что, несмотря на такое решение администрации, все договоренности между президентом Владимиром **Путиным** и Джорджем **Бушем** по сокращению стратегических наступательных вооружений, а также дух сотрудничества двух держав в совместной борьбе против терроризма сохраняются. Вместе с тем, Дмитрий Рогозин отметил, что решение США вызывает беспокойство среди европейских государств, может привести к ослаблению единства в рядах НАТО, а также подхлестнуть гонку вооружений. Как определенную угрозу может воспринять выход США из договора по ПРО Китай, отметил он.

Г-н Рогозин считает также, что подобные шаги Вашингтона могут вызвать серьезный пересмотр международных соглашений по коллективной безопасности, в частности, поставить под вопрос договоры СНВ-1 и СНВ-2, ратифицированные Госдумой. (Роберт Серебренников. На выход США из договора по ПРО Россия найдет адекватный ответ, заявил Дмитрий Рогозин. *Итаp-Тасс*. 13 декабря 2001.)

Заместитель председателя думского комитета по международным делам Константин **Косачев** (фракция *Отечество – Вся Россия*) считает, что России «по факту выступления Джорджа Буша о выходе США из договора по ПРО следует сделать заявление о выходе из договора СНВ-1».

Парламентарий отметил, что одностороннюю денонсацию Вашингтоном договора от 1972 года «следует рассматривать с трех точек зрения – военной, экономической и политической».

С военной точки зрения это решение не представляет серьезной угрозы для безопасности России, полагает г-н Косачев, так как «мы обладаем необходимыми технологиями преодоления противоракетных систем». По его словам, «кто действительно должен волноваться – так это Китай».

В то же время с экономической точки зрения шаг Белого дома «невыгоден для России, так как потребует затрат на увеличение ядерного арсенала», продолжил заместитель председателя думского комитета.

Что касается политического аспекта проблемы, то, по его словам, «решение США идет вразрез с новым климатом доверия и сотрудничества, установившемся между нашими странами после террористических актов 11 сентября». Американская администрация, на взгляд депутата, могла бы проявить «добрую волю».

В сложившейся ситуации, убежден Константин Косачев, реакция Москвы «должна последовать незамедлительно». «Нам следует сразу же объявить американцам, что после истечения шестимесячного срока Россия выйдет из договора СНВ-1», заявил г-н Косачев. Он напомнил, что это «первый в современной американской истории односторонний отказ от международного договора».

В то же время депутат указал, что «российско-американские отношения не исчерпываются проблемой ПРО – есть еще много направлений, по которым они могут и должны развиваться и крепнуть». (Галина Филиппова. Константин Косачев считает, что России после выступления Буша о выходе США из договора по ПРО следует сделать заявление о выходе из договора СНВ-1. РИА *Новости*. 13 декабря 2001.)

Руководитель думской фракции *Отечество – Вся Россия* Вячеслав **Володин** заявил, что решение США о выходе из договора по ПРО является огромной ошибкой, которое не поддержит множество стран НАТО. «События в США 11 сентября показали, что сейчас ни

одна из держав мира не может быть защищена от такого зла, как международный терроризм, поэтому необходима система защиты, которая строится на основе совместной борьбы против международного терроризма, наркомафии и организованной преступности», – заявил Вячеслав Володин.

Руководитель депутатской группы *Народный Депутат* Геннадий **Райков** заявил, что решение США вызывает глубокое сожаление, однако он не считает, что в результате этого российско-американские отношения претерпят серьезные изменения. В то же время, заметил депутат, выход США из договора по ПРО от 1972 года означает для России пересмотр позиций по ряду международных соглашений, в том числе по СНВ-2.

Первый заместитель руководителя фракции СПС Виктор **Похмелкин** выразил мнение, что «решение США идет не в русле сегодняшних отношений между Россией и США». «Равноправное сотрудничество и совместные действия по борьбе с международным терроризмом потребовали более внимательного подхода к вопросу, по которому Россия занимает другую точку зрения», – считает Виктор Похмелкин.

КПРФ и *Народно-патриотический союз России* (НПСР) решительно осудили заявление президента США Джорджа Буша о выходе из договора по ПРО. По мнению руководства НПСР, это «крайне опасный шаг, ведущий к дестабилизации обстановки в мире, к окончательному разрушению эффективной системы международной безопасности, сложившейся после Второй мировой войны». (Ирина Колгина. Российские парламентарии осудили выход США из договора по ПРО от 1972 года. РИА *Новости*. 13 декабря 2001.)

Полная электронная версия бюллетеня «Дума и контроль над вооружениями» находится в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу:
<http://www.pircenter.org/russian/publications/duma/index.htm>.

Бюллетень выпускается при содействии Фонда Плаушер. Для ежемесячного получения бюллетеня по электронной почте направляйте заявки Дмитрию Ковчегину по электронной почте **kovchegin@pircenter.org**.

Анализ**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННО-
КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Василий Лата
Владимир Мальцев

Сегодня все ведущие страны мира пришли к пониманию своих геополитических интересов в космосе и развернули широкомасштабную космическую деятельность. Без космической деятельности сейчас уже немислимо экономическое и социальное развитие государств. В настоящее время космические средства обеспечивают эффективное решение целого ряда задач. К ним относятся: мониторинг окружающей среды; контроль за чрезвычайными ситуациями и ликвидацией их последствий; глобальное и высокоточное координатно-временное обеспечение в любой точке земного шара; исследования природных ресурсов; обеспечение глобальной и непрерывной связи на любые расстояния и прочие.

Имеется целый спектр задач, решаемых космическими средствами, и в области национальной обороны и безопасности, которые в общем случае позволяют:

- обеспечить политическому руководству государства гарантию того, что подготовка к войне и начало военных действий будут своевременно вскрыты, что позволит государству осуществить подготовку к отражению агрессии или упредить ее;
- верховному и высшему военному руководству государства в процессе ведения войны надежно осуществлять управление ведением вооруженной борьбы или вооруженного насилия любого размаха во всех четырех сферах применения вооруженных сил;
- значительно облегчить высшим штабам разработку планов ведения вооруженной борьбы, кампаний, стратегических операций в сферах применения вооруженных сил и осуществлять контроль за их выполнением;
- проводить в случае возникновения необходимости силовые операции по завоеванию господства в околоземном космическом пространстве и тем самым лишать противника возможности использовать космос в своих интересах;
- осуществлять во взаимодействии с группировками войск, сил флота в

процессе наземных, воздушных и океанских операций силовое воздействие через космос по группировкам войск, сил флота противника в любом регионе мира, превратить стратегические, оперативные и даже тактические действия наших группировок войск, флота в глобально-объемные.

О масштабах развернувшегося процесса свидетельствует тот факт, что более 130 государств мира участвуют в космической деятельности, порядка 40 из них работают над программами по использованию результатов применения космических средств при решении задач обороны, около 20 государств имеют собственные космические программы. Мировой спутниковый парк насчитывает более 700 космических аппаратов при их многомиллиардной стоимости. Значительная часть из общей численности орбитальных средств являются космическими аппаратами военного назначения. Более тысячи компаний во всем мире напрямую связаны с космической индустрией.

Благодаря использованию космического пространства происходит ускорение информатизации мирового сообщества путем полного задействования ресурсов и возможностей космических средств. На орбитах развертываются дорогостоящие космические системы и комплексы как элементы национального достояния суверенных государств.

Вместе с тем, подобный информационный рынок мирового сообщества в космос без совершенствования международно-правового регулирования, может создать для человечества серьезные угрозы. Предпосылками, обеспечивающими ускоренное возникновение таких угроз, являются возрастание влияния освоения космического пространства на превращение информации в новую составляющую вооруженной борьбы и, как следствие, – возможность создания перспективных систем оружия посредством сопряжения космических

информационных систем со всем существующим спектром средств поражения.

В результате этого, указанные средства будут приобретать возможность решения не только оперативно-тактических, но и стратегических задач.

Основой для таких впечатляющих преобразований является то, что ряд

космических систем по своим качественным и количественным параметрам или уже достигли, или в ближайшее время достигнут готовности для включения в контур боевого управления оружием. Поэтому в общей классификации космических систем появляется новый классификационный параметр – космические информационные системы как функциональные подсистемы перспективных систем оружия (рис.1).

Рис. 1. Новый классификационный параметр в общей классификации космических систем



В связи с этим возникает вопрос: насколько соответствует развернувшийся процесс создания информационно-ударных систем оружия с наведением из космоса их поражающих элементов интересам мирового сообщества? Видимо целесообразно, чтобы этот вопрос решался путем международно-правового регулирования.

Кроме того, ряд государств обладают научно-производственным потенциалом по созданию и производству ударных средств, которые могут поражать объекты во всех сферах военных действий, в том числе и в космосе.

Это позволяет говорить о возможности в перспективе окончательного формирования потенциала угрозы в космосе.

Указанные особенности формирования потенциала угрозы в космосе позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, стремление к монопольному господству в космосе может составить один из основных аспектов реализации национальных военных стратегий отдельных государств. В результате над космическим пространством может быть установлен национальный

суверенитет, что не позволит другим странам осваивать и использовать преимущества околоземного космического пространства.

Во-вторых, не исключается возможность создания ведущими странами мира новых систем космических вооружений.

В-третьих, для обеспечения военных действий на Земле расширяется использование коммерческих и гражданских спутниковых систем связи, телекоммуникации и дистанционного зондирования Земли, что приводит к объективной необходимости международно-правового регулирования этого процесса.

В-четвертых, возникает опасность смещения центра тяжести в планировании использования космического пространства в интересах национальной безопасности с обеспечивающих (информационных) функций на чисто боевые.

В-пятых, без принятия дополнительных международно-правовых документов космическое пространство в перспективе может выделиться в самостоятельную сферу подготовки и ведения военных операций.

Приведенные выводы с особой остротой ставят вопрос о необходимости регулирования использования космического пространства на базе норм международного права, в основу которого положен основной принцип – «что не запрещено – то разрешено». С учетом этого обстоятельства военно-космическая деятельность и была условно разделена на три

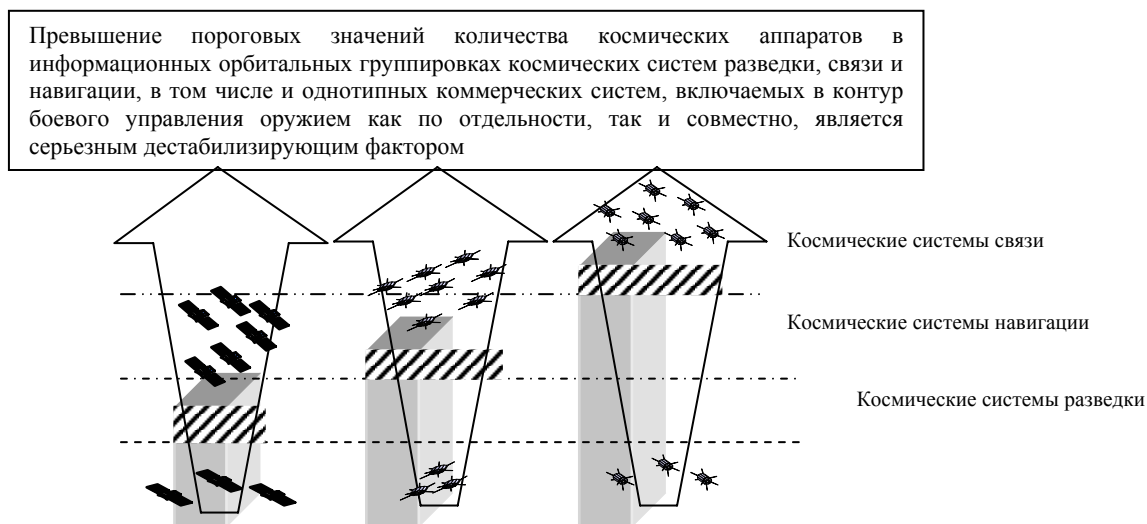
категории: разрешенную (оговоренную), запрещенную и неоговоренную международным правом.

В рассматриваемом контексте и в связи с особенностями формирования потенциала угрозы в космосе, наибольшую сложность при решении проблемы международно-правового регулирования представляют виды военно-космической деятельности, которые не оговорены международным правом. К ним, на наш взгляд, могут быть отнесены такие виды военно-космической деятельности, как:

- проведение военно-прикладных космических экспериментов, в том числе связанных с отработкой технологии наведения средств поражения из космоса;
- создание и развертывание в космосе средств оптико-электронного и радиоэлектронного подавления;
- создание, испытания и развертывание ударных средств, которые могут поражать объекты в космосе и из космоса.

Кроме того, возникает необходимость определения и контроля пороговых значений количества космических аппаратов в отдельных информационных орбитальных группировках и, прежде всего, разведывательных космических систем, так как резкое одностороннее наращивание орбитальных группировок, используемых в контуре управления оружием, может привести к срыву стратегического равновесия и стабильности как в космосе, так и на Земле (рис.2).

Рис.2. Влияние количественных параметров орбитальных группировок на поддержание стратегического равновесия



Такой контроль может достигаться на основе проведения комплексной оценки общей численности функционирующих космических аппаратов и их технических возможностей (с учетом наличия на орбитах космических аппаратов как военного, так и двойного назначения).

В рамках развития существующей международно-договорной базы по использованию космического пространства было бы целесообразно рассмотреть вопрос по установлению такого международно-правового режима, который бы запрещал размещение в нем боевых средств и военного персонала, что может обеспечить недопущение милитаризации космического пространства. Такой режим предполагает:

- разработку международно-правовых норм по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве и мер укрепления доверия;
- позволяет исключить превращение космического пространства в театр военных действий и плацдарм для вооруженного нападения на другие государства.

Существующий сегодня международно-правовой режим, регламентирующий решение в космосе вопросов военно-космической деятельности, не успевает за развитием ракетно-космической техники и технологий. Принимаемые политические меры также не в полной мере способны обеспечить эффективный контроль за развитием космических вооружений.

В этих условиях необходимо решить ряд ключевых задач международного сотрудничества, без которых немислима всеобщая и устойчивая безопасность:

- во-первых*, укрепление и развитие существующих международно-правовых механизмов, обеспечивающих снижение уровня противостояния сторон и предупреждающих риск возникновения конфликтов в космическом пространстве;
- во-вторых*, создание международно-правового режима по контролю за распространением технологий производства принципиально новых вооружений на основе сопряжения космических информационных систем с существующими ударными средствами;
- в-третьих*, совершенствование международной системы обеспечения коллективной безопасности.

В этой связи, усилия мирового сообщества целесообразно направить на международно-правовое регулирование создания и развертывания в космическом пространстве любых видов оружия, которое обеспечит установление в космическом пространстве режима недопущения гонки вооружений.

В связи с этим, возникает вопрос координации отдельных направлений военно-космической деятельности:

- совершенствование понятийного аппарата по вопросам военно-космической деятельности (понятий военно-космической деятельности, космических вооружений, космических систем военного и двойного назначения и ряда других);
- расширение понятий Конвенции 1975 года о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство.

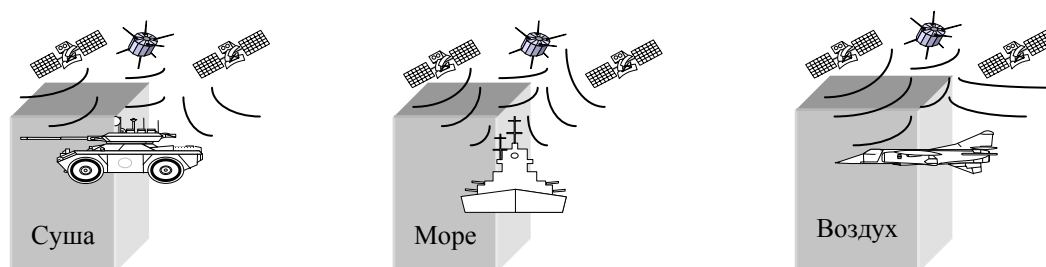
Кроме того, в целях дальнейшего недопущения милитаризации космического пространства, на наш взгляд, представляется целесообразным проведение следующих мероприятий:

- во-первых*, заключение многосторонних международно-правовых соглашений, запрещающих испытание и развертывание в космическом пространстве любых видов оружия;
- во-вторых*, заключение международного соглашения об иммунитете искусственных спутников Земли;
- в-третьих*, определение и контроль пороговых значений количества космических аппаратов в информационных орбитальных группировках, потенциально используемых в контуре боевого управления оружием;
- в-четвертых*, наложение международных ограничений на количественные параметры средств поражения, сопряженных с информационными космическими системами, в военных арсеналах ведущих мировых держав (рис.3);
- в-пятых*, создание международного космического инспектората и арбитражных органов космической инспекции;
- в-шестых*, разработка *кодекса поведения* в космическом пространстве (в том числе: запрет опасных маневров, запрет маневров преследования, запрет опасных сближений, соблюдение минимальных дистанций между космическими объектами и т.д.);
- в-седьмых*, достижение возможности инспектирования космических запусков в ходе их подготовки и проведения на соответствующих космодромах и полигонах.

Рис.3. Влияние процесса сопряжения ударных средств с информационными космическими системами на вооруженную борьбу

Превышение пороговых значений количества ударных средств различных сфер вооруженной борьбы, сопряженных с информационными космическими системами, приводит к скачкообразному приобретению той или иной стороной односторонних преимуществ, существенному изменению характера вооруженной борьбы, повышению ее интеллектуализационных параметров и возникновению условий решения стратегических задач без применения ядерного оружия

Перспективные средства вооруженной борьбы, определяющие характер операций будущего



Таким образом, можно сделать вывод, что распространение на космос гонки вооружений не может укрепить чью-либо безопасность. Создание систем оружия на основе широкого использования в их составе космических средств может привести к увеличению масштабов и числа участников военных конфликтов, так как космос является умножителем возможностей вооруженных сил государств. При этом государства, имеющие значительный космический потенциал, будут обладать серьезными стратегическими преимуществами. Это стимулирует (провоцирует) другие государства к бесконтрольной разработке и развертыванию подобных систем военного назначения. Процесс приобретает цепную реакцию.

Для решения этих проблем необходимо плодотворное и конструктивное сотрудничество всего мирового сообщества под эгидой ООН. Непринятие эффективных

мер по ограничению и нераспространению космических систем военного назначения в космосе, более того, ударных космических средств, уже в ближайшей перспективе остро поставит вопрос, подобный тому, который сейчас решают ведущие государства мира – «ограничение и нераспространение ядерного оружия и технологий его производства».

Список используемой литературы:

1. Боев С.Ф., Лобузько В.В., Турко Н.И. Стратегический потенциал глобальных информационных систем. *Стратегическая Стабильность*, №3, 2001, с.37–42.
2. Борчев М.А. О войне и вооруженной борьбе. *Стратегическая Стабильность*, №3, 2001, с.9–14.
3. Актуальные проблемы развития вооружения. М., Российская Академия ракетных и артиллерийских наук, 2000, 255 с.

Анализ**ТЕРРОРИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

Александр Федоров

«Перед международным сообществом во весь рост встает задача дать адекватный, а главное – солидарный ответ на вызовы времени».

Игорь Иванов. Из выступления на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН

В этом году ПИР-Центр начал новую программу – «Информационные вызовы национальной и международной безопасности». В сентябре 2001 года увидела свет коллективная монография с тем же названием¹. Что вызвало интерес к этой теме? Закономерен ли он, и если да, то чем обусловлен? Существует ли эта проблема как комплексная единая, или представляет собой лишь конкатенацию отдельных задач защиты информационного ресурса и, напротив, воздействия на таковой противника? Самостоятельна ли она, или связана с другими глобальными проблемами современности, в частности с проблемой борьбы с супертерроризмом.

Информационная основа супертерроризма

Возникнув на стыке проблем военной безопасности и противодействия новым видам преступности в сфере высоких технологий, эта проблема является *эпохально обусловленной*. Несмотря на вечность информации и вечность необходимости ее защиты, тема международной информационной безопасности (МИБ) могла возникнуть только теперь. Переход человечества к информационной эре, глобализация, сделавшие информацию непосредственной производительной силой, одновременно средством и объектом воздействия, ударной силой и наиболее слабым звеном постиндустриального общества², вывел задачи защиты информации и противодействия распространению информационного оружия на уровень глобальной проблемы безопасности. И именно это привлекло к ней внимание и военных стратегов, и преступников, и, что наиболее опасно, террористов. Принятие последними на вооружение информационных средств воздействия и технологий информационной войны превратили классическую террористическую деятельность в супертерроризм – терроризм информационной эры.

В самом общем плане к концу XX века стремительное развитие и повсеместное внедрение новых информационных и телекоммуникационных технологий, являясь естественным и необходимым условием экономического и научно-технического прогресса, породили целый комплекс негативных последствий, связанных прежде всего с появлением реальной возможности использования этих технологий в преступных, в том числе террористических и военных целях, привели к созданию нового вида оружия – информационного, и резко усилили потенциал традиционных форм терроризма.

Информатизация меняет представления о мире, в том числе и в глазах террористов. И если в середине 2001 года писали о терроризме планетарного масштаба лишь как о гипотетически возможных асимметричных ответах на современные глобальные политические проблемы, то после 11 сентября, когда в течение нескольких минут в результате проведенных при явной информационно-технической поддержке трех террористических актов погибло несколько тысяч человек – граждан 60 стран, в условиях нависающего над человечеством уже более двух месяцев угрозы спровоцированной террористами пандемии *сибирской язвы* можно и должно прямо говорить: терроризм на новой информационно-ориентированной базе – супертерроризм – стал реальностью.

Особая опасность супертерроризма состоит в том, что в силу высокого потенциала воздействия и скрытности источника, он может стать катализатором международных конфликтов, особенно в условиях напряженности в межгосударственных отношениях.

Под *супертерроризмом* в настоящее время понимается использование (угроза использования) в террористических целях наиболее передовых вооружений или технологий, вызывающее массовое поражение населения или нанесение ошутимого (на

уровне государства) экономического или экологического ущерба. Таковыми на сегодняшний день в первую очередь являются элементы оружия массового уничтожения – ядерные, химические и бактериологические (токсинные) средства, а также средства воздействия на экосферу и информационное пространство (информационное оружие).

Угроза ядерного терроризма (применение ядерных взрывных устройств или нападение на ядерные объекты в террористических целях) привлекает внимание исследователей достаточно давно, примерно, с начала шестидесятих годов прошлого столетия, и человечество значительно продвинулось на пути борьбы с ней. Имеется целый ряд международных соглашений, снижающих риск попадания расщепляющихся материалов и ядерных взрывных устройств в руки террористов. Эта опасность отражена и в национальных законодательствах. Постоянно совершенствуется система защиты АЭС и других объектов ядерного комплекса. По инициативе России в рамках ООН началась подготовка Конвенции по борьбе с ядерным терроризмом.

Сложнее обстоит дело с терроризмом с применением химических отравляющих веществ. Единственный существующий механизм в области химоружия – Конвенция о запрещении разработки и применения химического оружия и существующая на ее основе Организация по запрещению химического оружия, – хоть и нацелены на сокращение запасов химоружия в мире, не являются сколько-нибудь действенной преградой для террористов. Еще меньше их волнуют ограничения, связанные с экспортным контролем товаров и технологий, применимых для целей создания химоружия. То, что сильнодействующие отравляющие вещества не стали обычным оружием террористов, никак не может быть следствием международных усилий. Терракт, проведенный членами японской секты *Аум Синрикё* в 1995 году в Токио с использованием самостоятельно полученного в лабораторных условиях нервно-паралитического газа типа зарин, стал первым и, к счастью, пока единственным известным проявлением супертерроризма.

Биологический терроризм – явление относительно новое. Из сферы гипотетической он перешел в реальную жизнь лишь в сентябре 2001 года. Распространение спор сибирской язвы в конвертах обычных почтовых

отправлений было изобретением поистине дьявольского гения. Однако еще предстоит выяснить, был ли этот биотеракт самостоятельным или средством воздействия на что-то иное, например, на основной канал коммуникации населения Соединенных Штатов Америки, каким является почта, то есть средством информационно-психологического воздействия. Но в любом случае нанесенный экономический и психологический ущерб уже сейчас трудно оценить.

Не менее новым и пока не имеющим известных примеров является воздействие в террористических целях на окружающую среду. Однако для специалистов экологический терроризм уже перестал быть абстракцией.

Заметным фактором международной жизни становится в последние годы информационный терроризм (кибертерроризм). Выросший из простого использования отдельными хакерами, фрикерами и им подобными информационными хулиганами методов и средств воздействия на информационные и коммуникационные системы, он постепенно преобразовался в самостоятельное направление криминальной деятельности с неограниченным, по сути, потенциалом воздействия на любые, в том числе на наиболее критичные структуры государства.

Особенность информационного терроризма состоит в том, что его проявление, будучи опасно само по себе, может быть составной частью или средством обеспечения проведения другого теракта, более масштабного или имеющего другую направленность. Мало того, можно утверждать, что именно он будет сутью и обязательным элементом всех будущих (если такие беды не удастся предотвратить) супертеррористических актов. Весьма вероятно, что в случае с биотерактом в США, как уже упоминалось, для распространения возбудителя сибирской язвы террористы сознательно выбрали именно почту, то есть канал связи, канал передачи информации. Расчет был безукоризненный. Американцы могут прожить без метрополитена (именно в метрополитене секта *Аум Синрикё* провела свою супертеррористическую атаку), могут ходить в противогозах и перейти на автономное водоснабжение (классические гипотетические варианты использования биологического оружия – распыление в

атмосфере и заражение источников питьевой воды), но они не могут обойтись без почты – даже загранпаспорт и водительские права в США можно получить по почте, не говоря уже о пересылке банковских чеков и счетов в качестве формы оплаты и совершения сделок. Итог: серьезное падение деловой активности (резкое падение индексов всех основных бирж), почти полупроцентное падение ВВП Соединенных Штатов в октябре 2001 года. Это, а не несколько десятков пострадавших (наверное, один Гарлем ежедневно *даёт* гораздо большую статистику жертв и инфицированных опасными заболеваниями) было целью акта, хоть и названного уже биотеррористическим, но по сути являющегося актом информационного терроризма. Отсюда, кстати, становится объяснимым, почему выбран возбудитель столь *слабого* заболевания – антракс (сибирская язва), который в кожной форме легко диагностируется и достаточно просто лечится, плюс относительно безопасен для исполнителей акции. Нельзя исключать, что организаторы акции расценивали это как акт гуманизма.

В некотором смысле можно говорить о естественном развитии событий. Более чем представительный список ставших известными кибератак показывает, что такие средства и методы уже освоены и международными террористическими, и экстремистскими организациями (в том числе такими, как *Аум Синрикё*, *Хамаз*, группировки того же Усамы бен Ладена и Тупек Амару), и национальными сепаратистскими движениями, такими, как индонезийское движение за отделение Восточного Тимора (*East Timor Company*), *Тигры освобождения Тамил Илама* и другие. Уже имеются сведения об атаках на информационные системы (следующей мишенью могут быть системы управления) ядерных центров. В 1998 году такой атаке подвергся индийский Центр ядерных исследований им. Хоми Баба (*Bhabha Atomic Research Center*). Не только аналитики, но и террористы понимают, что на государство, страну, ее экономику, население можно и наиболее эффективно воздействовать через информационные системы, а последние не есть только компьютерные сети, а следовательно воздействовать на них можно не только программными вирусами или электронными импульсами и не только через интернет.

Чтобы понять потенциальную угрозу, исходящую от информационного терроризма, надо учесть, что потенциальным объектом его

воздействия могут стать ключевые элементы всех управленческих, экономических, транспортных, финансовых, военных структур государства, средств массовой информации.

Но этот список еще не полон. При попадании в руки террористов средств непосредственного воздействия на психику потенциальной целью станет человеческое создание. Нельзя не учитывать и косвенный ущерб, например, авиакатастрофы в случае паралича диспетчерских служб, вследствие проведенной информационной атаки.

Огромное количество террористов и террористических группировок используют информационные средства для поддержания контактов и организации своего *дела*, в том числе средства криптозащиты данных с ключами высокой стойкости.

Уже давно практикой стало использование террористами для выставления своих требований и последующих переговоров по ним *одноразовых* мобильных телефонов, делая бессмысленным определение исходящего звонка.

Мало того, информационные средства выступают в последнее время в качестве обеспечивающего элемента террористических действий. Террористы, как правило, что называется, до зубов вооружены всяческими информационно-техническими средствами, относимыми к разряду элементов или компонентов информационного оружия: всяческие сканирующие радиостанции, постановщики помех, имитаторы радио- и прочих сигналов и т.д., и т.п. По проскочившим (позже их публикации, вероятно, в одном ряду с фотографиями и интервью Усамы бен Ладена признаны вредными и запрещены) данным, *авиационному налету* 11 сентября сопутствовали, а вероятнее всего его обеспечивали, *сбои* в работе систем управления ряда американских аэропортов, диспетчерских служб и системы противовоздушной обороны США. Выше уже показано, что антраксная террористическая война также ведется, фактически, на информационном поле боя. Ну и наверное, на сегодняшний день уже и ребенку понятна роль средств массовой информации в катализации террористического эффекта проведенных акций. Тому, кто в *живом* эфире CNN видел события 11 сентября, этого объяснять не стоит: произвести психологическое воздействие такого масштаба – передача в

реальном времени на весь мир – не удастся даже за годы интенсивной работы самых талантливых социопсихологов и тележурналистов.

Сами СМИ, кстати, могут быть страшным оружием в руках супертеррористов. Эффект CNN более чем показателен и здесь. Если этот канал покажет кадры последствий теракта, то сам теракт будет в общем-то и не нужен. После такого репортажа (лучше серии репортажей), ретранслированного в тысячах копий всеми телестудиями мира, проверить, а тем более опровергнуть сообщение будет практически невозможно. Это ли не власть над миром? Достаточно, чтобы центральные аппаратные CNN всего на полчаса попали в нужные руки специалистов-информтеррористов.

Но даже без последних событий в той или иной мере и в той или иной форме акты информационного терроризма уже ощутили все развитые государства. Едва ли можно антиглобализм отнести к терроризму (хотя, если считать глобализм мировой политикой, то, вероятно, это не лишено смысла), но уж больно показателен пример использования информационного оружия (в этой ипостаси такие средства уже известны и, по некоторым данным, применялись), который придал гласности канал *Euronews* 12 ноября 2001 года. Неизвестные хакеры (так считает выступивший сотрудник Интерпола) сделали в интернете аж два дубля сайта Всемирной торговой организации с тем же дизайном и совершенно другим информационным наполнением. К сожалению, канал не указал, в отношении каких еще сайтов проделаны такие хакерские шутки (требующие, кстати, огромного объема работы и доступа к узлам и серверам сети). Впору задуматься, что мы ищем и что находим во всемирной паутине.

Ясно, что чем выше уровень развития государства, тем более уязвимы для кибератак его структуры и для психологического воздействия его население. Однако, как и в случае военного применения, опасность от использования информационных средств одинаково велика как для высокоразвитых стран, так и для стран со слабо развитой инфраструктурой.

Все эти факторы, а также то, что производство и распространение электронных и программных средств, используемых информтеррористами, не регламентировано ни одним из существующих международных

договоров, говорят о необходимости международного сотрудничества в области проблем информационной безопасности, средств и методов противодействия всем формам информационного криминала, в первую очередь – терроризма как на национальном, так и на международном уровнях.

Естественно, специалисты все это видели, и предпринимали соответствующие шаги задолго до 11 сентября.

Стоя на этих позициях и учитывая теснейшую связь между проблемами информационной безопасности и борьбы с информационной преступностью (и информационным терроризмом как ее частью), Россия всегда выступала сама и поддерживала любые инициативы, направленные на противодействия любой угрозе в информационной сфере.

Российское национальное законодательство относит информационные преступления к разряду криминальных, установив значительные наказания (до семи лет лишения свободы) за их совершение.

Россия поддержала инициативу США по вынесению на 55-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН отдельной резолюции по борьбе с киберпреступностью.

Российские эксперты активно участвуют в проработке этой проблемы в рамках *большой восьмерки* и Лионской группы.

В России воспринимается как актуальная и важная инициатива Совета Европы по разработке Конвенции по киберпреступности (*Cybercrime Convention*). Ее открытие для подписания 23 ноября 2001 года, вероятно, надо считать знаковым событием первого года нового тысячелетия.

Россия последовательно на четырех последних сессиях Генеральной Ассамблеи ООН выступает с проектами резолюций, призывающих приступить к разработке международного механизма контроля за распространением информационного оружия, предотвращения информационных войн и обеспечения международной информационной безопасности, подразумевая как военную, так и криминальную (в том числе террористическую) ее составляющие.

Все эти шаги должны были бы стать звеньями одной цепи, перегораживающей дорогу информационному оружию, информационной преступности и информационному терроризму. Кроме того, это стало бы существенной преградой и для супертерроризма в целом. Вероятно, так оно уже и было бы, если бы исходные посылки не вызывали бы столько споров. И копья скрещивались в связи с узловым моментом – международным противодействием распространению информационных средств воздействия (информационного оружия), как части проблемы международной информационной безопасности.

Чем плоха международная информационная безопасность?

Всемирная федерация ученых на своей 25-й сессии в августе 2000 года первой в списке угроз человечеству в XXI веке поставила угрозу международной информационной безопасности. Почему этот, своего рода *мозг человечества*, выделил информационную сферу, отодвинув экологию, энергетику и другие, постоянно звучащие темы? И главное, почему безопасность информационного пространства человечества вдруг стала проблемой? Ведь еще пять лет назад на международных мероприятиях любого уровня никто и не упоминал ни о какой МИБ.

Что же произошло за этот период? В великих муках рождается информационная эра: новый конфликт в Югославии, сопровождаемый активными информационными действиями США и НАТО, скандал вокруг *Эшелона*, тысячи кибератак на информационные и управляющие системы экономических и политических структур самых различных стран, *культуркампф* во всевозможных проявлениях, интернет, претендующий на формирование нового сознания *информационного общества* и, наконец, супертерроризм как финал-апофеоз. Мир получил исчерпывающую возможность ответственно взвесить свои представления о роли информации в мире, о мире и войне в информационной сфере, понять, что информация превратилась не только в реальную производительную силу, в основной инструмент управления критически важными структурами общества и государства, но и в ужасающей силы оружие. На конкретных примерах трансграничных информационных операций, в том числе непосредственно военного и террористического характера, в умах многих политических деятелей *несуществующая война* приобрела реальные

очертания, лишь тень которых мир увидел в репортажах CNN 11 сентября. Почему человечеству не дают спокойно жить лавры Франкенштейна?

Постепенно осознавая серьезность угрозы, некоторые страны на национальном уровне начали реализацию долгосрочных государственных программ, направленных на обеспечение информационной безопасности в первую очередь критически важных инфраструктур. Однако при этом они столкнулись с феноменом глобальной взаимозависимости национальных информационных пространств, и вынуждены были признать, что успех их национальных усилий по охране своего информационного ресурса, в том числе от криминальных и террористических воздействий, в конечном счете будет зависеть от уровня защищенности и *неагрессивности* информационных пространств других, в том числе и не соседних государств, с которыми их информационные ресурсы объективно связаны. Глобализация, в первую очередь, реализуется (и это естественно) в создании единого общемирового информационного пространства, в зависимости от которого все более увязают страны и общества, и без которого дальнейшее развитие человечества становится просто невозможным. А следовательно, и охрана этого единого пространства, обеспечение безопасности его элементов и через них безопасности государств должны стать общим делом.

Для политического трезвомыслия вопрос об императивности создания международного механизма, призванного воспрепятствовать распространению информационного оружия и приравнять акты информационного воздействия к уголовным и государственным преступлениям, предотвращая глобальные и локальные информационные войны, казалось, должен был бы уже стать риторическим. Генассамблея ООН по инициативе России уже на 4-й своей сессии призывает всех членов мирового сообщества обсудить эту проблему и принять меры по исключению возможности использования информации в целях, не совместимых с обеспечением международной безопасности. Но, увы, нет! На своей первой конференции в третьем тысячелетии Всемирная федерация ученых подтвердила упомянутые решения 2000 года, но почему-то не нашла средств для проведения практических действий, в том числе в части уже начатой работы по подготовке Международной белой книги по

информационной безопасности, хотя за год до того это даже не рассматривалось как вопрос. В чем же причина?

А ларчик открывается достаточно просто, и причина в том, что на кону доминирование в информационной сфере! Что это означает на практике, по крайней мере в региональном измерении, человечество имело возможность убедиться в ходе локальных войн и миротворческих операций последнего десятилетия.

К чему же апеллируют противники скорейшего начала проработки на международном уровне проблемы МИБ? В целом их аргументы сводятся к следующим семи тезисам.

Проблема не содержит военной составляющей. Интересно, а как же тогда понимать достаточно многочисленные официальные американские материалы, в которых сказано прямо противоположное? В частности то, что информационные операции должны быть составной частью каждой войсковой, а тем более стратегической операции. Но есть и более *доходчивые* примеры. Незначительные *закладки* в бортовые компьютеры самолетов позволяют им в нужный момент отказаться подчиняться своим пилотам. Кто в это не верит, пусть обратится к урокам *Бури в пустыне*. А что должен делать командир части, когда он увидит на экране своего монитора или услышит в трансляции по радиосвязи выступление главнокомандующего, отдающего приказ о прекращении военных действий? Еще интереснее, что будет в этом случае делать сам главнокомандующий, для которого это будет такой же неожиданностью? А такие или подобные разработки уже завершены. Но это может выглядеть невинной шуткой по сравнению с *незначительным* вмешательством в работу навигационных спутниковых систем, на которые *завязана* вся стратегическая авиация и подводный флот, систем управления ракетных комплексов, ядерных реакторов или других стратегических систем противника. В этом случае для потенциального агрессора обладание ядерным оружием станет излишней роскошью. Таких примеров, к счастью, пока нет, но реальные угрозы уже отмечены и выше приведены.

Представляют реальную опасность криминальное и террористическое направления проблемы. С точки зрения сегодняшнего дня, особенно после 11 сентября, этот тезис

выглядит безусловно верным, однако... Что делать с так любимым в некоторых странах термином *государственный терроризм*? Преступление, совершенное одним государством против другого в политических целях, разве называется иначе как война? И что есть война, если не преступление, совершаемое одним государством или группой государств против другого государства или группы государств?

Следует особо отметить, что еще авторы текста Вашингтонского договора 1949 года не делали разницу между нападением со стороны государства или негосударственной группировки. Именно это дало возможность странам НАТО в октябре 2001 года на полностью законной основе присоединиться к американской *акции возмездия* в Афганистане.

Таким образом, рассмотрение в качестве актуальной опасности только криминал и терроризм является явным зауживанием проблемы МИБ. Однако забывать о преступности, конечно же, нельзя, и терроризм должен быть пресекаем вне зависимости от инструмента проведения акций.

Информационное оружие – это только средство воздействия на информационно-вычислительные системы и сети, остальные средства следует относить к другим видам оружия или вообще считать методами ведения психологической войны. В целом являясь вопросом сугубо терминологическим, этот тезис требует рассмотрения в рамках гармонизации систем понятий. А именно от этого и отказываются противники международного обсуждения проблемы и именно это и предлагается международному сообществу совместно сделать в первую очередь. А с другой стороны, если психологическая операция проведена с нанесением значительного экономического или военного ущерба, большим числом жертв, что это? Опять вспомним антракс...

Нет возможности отслеживать и фиксировать акторов информационного воздействия. Во-первых, даже если это так, то надо добавить *пока нет*. Полная невозможность такового требует доказательства. Исторически мы помним проблему определения мест стартов ракет, которая на сегодняшний день успешно разрешена. Во-вторых, мир уже знает огромное количество судебных процессов против хакеров, когда они сами и их действия

успешно и доказательно идентифицировались. И, *в-третьих*, что в этом случае имели в виду Соединенные Штаты, предлагая 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию по борьбе с кибертерроризмом и киберпреступностью, из которой с очевидностью ясно, что технических сложностей в выявлении преступника ее авторы не видят? И зачем нужна Конвенция о киберпреступности?

Отсутствует терминологическое единство в подходах к пониманию различных аспектов МИБ. Вот это действительно проблема, особенно, в международном плане. Но проблема, что называется, техническая. Она требует скорейшего разрешения. Но выработка такой системы понятий в условиях стремительного развития опасности может быть проведена в минимальные сроки лишь при общем стремлении участников мирового сообщества и организующей роли ООН как единственного политического органа глобального масштаба. И это, опять-таки, прямо содержится в российских инициативах в области МИБ, в частности в уже упоминавшемся предложении о создании группы правительственных экспертов.

Национальные законодательства не гармонизированы. Да, это так. И ясно, что это надо исправлять. Однако естественным образом встает вопрос: на какой основе? На основе законодательства одного отдельно взятого государства? И кто же тот счастливчик, кто сумеет распространить свои национальные правовые подходы (а следовательно и интересы) на всю планету? Будем прагматичны, как нас усиленно к этому призывают. Кто в свои национальные законодательства будет инициативно вносить положения о защите информационного пространства других государств? Видимо, и это не реально. Основой может стать только международное право, международно-правовые документы, именно к выработке которых и призывают резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 53/70, 54/49 и 55/28.

Проблема не достаточно проработана, следует дождаться получения законченных результатов научных исследований. Трудно спорить: на базе завершенных фундаментальных исследований много легче и естественнее решать прикладные задачи. Но кому на деле придется ждать и чего? Разработчикам военных средств? Едва ли. Они получают достаточно времени для завершения своих работ. Напротив, государства, такие

разработки не проводящие, окажутся под угрозой их изоляции от активного участия в решении этой злободневной проблемы. Мало того, их уязвимость от информационной агрессии на этот период будет фактически законсервирована. Будет ли этот путь дорогой к созданию преграды для информационных войн и информационного доминирования или приведет к обратному результату? Второе видится более реальным. И сколько еще террористических актов получат информационное обеспечение и поддержку, многократно усиливающую их эффективность.

Выводы

Анализируя сложившуюся ситуацию, и с учетом здравого смысла представляется естественным, и теперь уже исторически оправданным, исходить из того, что:

- основным объектом внимания международного сообщества должно стать информационное оружие во всех его формах, как инструмент и обеспечивающее средство военных, криминальных и террористических актов;
- под террористическим актом должно пониматься любое противоправное действие, совершенное в политических целях, или угроза таковым;
- любое деяние государства, юридического или физического лица или группы таковых может квалифицироваться как терроризм только на основе доказанных в правовом порядке данных;
- национальное законодательство — прерогатива государства, и никто не вправе навязывать ему принятие тех или иных законов или включение в его законодательные акты тех или иных положений. Основой для гармонизации национальных законодательств должны быть международные правовые нормы;
- государство, проводящее или потворствующее проведению информационных акций, должно рассматриваться как агрессор и его действия и действия других членов международного сообщества в отношении него подлежат квалификации в соответствии с действующими нормами международного права;
- используемый понятийный аппарат должен быть согласован на международном уровне и закреплён в рамках соглашения или другого многостороннего документа;
- ключевую роль универсального координатора усилий государств по созданию системы противодействия

международному терроризму призвана сыграть ООН;

- национальное информационное пространство должно рассматриваться как часть международного с распространением на него всех норм международного права. Вмешательство в информационные системы государства, затрагивающее работу международных и глобальных систем, должно также рассматриваться как воздействие на эти системы.

Наряду с проработкой международно-правовых документов в сфере общих вопросов международной информационной безопасности, на этом уровне актуальным является (и это может стать первым шагом) многостороннее сотрудничество конкретно в области борьбы с информационным терроризмом, в частности:

- выработка международного законодательства, соглашений и договоренностей, противодействующих терроризму в информационном пространстве;
- организация специальных структур (по аналогии с Интерполом или в его рамках) для содействия расследованию террористических актов в информационной сфере или с применением информационного оружия;
- совместная разработка технологий и методов мониторинга, обнаружения и воспрепятствования информационному терроризму;
- создание международной программы или структуры, призванной проводить проверку компьютерного оборудования и программного обеспечения массового использования на наличие в них *логических бомб*, *тройанских коней* и т.п. скрытых средств;
- выработка рекомендаций по сдерживанию роста компьютерных преступлений и оповещению о возникающих проблемах и информационных атаках (может быть, в рамках развития Конвенции о киберпреступности).

Наряду с поиском общих решений, на международном уровне допустимо и даже желательно заключение соглашений и ведение кооперации на двустороннем или региональном уровнях. Впоследствии такие соглашения и взаимодействие могут расширяться. Базовыми элементами для такого сотрудничества могли бы стать:

- определение и актуализация характеристик угроз, связанных с незаконной деятельностью в информационном пространстве, и достижение общего понимания потенциальных угроз;
- выработка защитных механизмов и практических методов снижения уязвимости информационных систем и систем передачи данных;
- обмен результатами анализа ситуации в информационном пространстве и данными о потенциальных противоправных действиях, чрезвычайных ситуациях или происшествиях, связанных с работой информационных инфраструктур, с целью выработки адекватных мер противодействия потенциальным или актуальным угрозам;
- выработка и организация совместных или согласованных мер по идентификации атак на критические информационные инфраструктуры, их обнаружению и пресечению, а также установлению источника агрессии или террористического акта;
- выработка и согласование мер взаимопомощи в случае повреждений объектов информационной инфраструктуры в результате агрессии или террористического акта.

Вместе с тем, решая наиболее актуальные задачи борьбы с информационным терроризмом, нельзя забывать, что противодействие этому виду преступности является частью общей проблемы обеспечения международной безопасности и, в частности, информационной безопасности. И ее решение будет в максимальной степени обеспечивать решение конкретных проблем борьбы с информационным терроризмом, а опосредованно и с супертерроризмом других видов, и также другими формами информационной преступности.

Таким образом, единственным, адекватным угрозе решением проблемы, остается создание международного механизма ограничения гонки информационного оружия и предотвращения информационных войн и информационного терроризма. Альтернативой видится только мировой информационный беспредел и следующий за ним уже не только информационный апокалипсис.

Сейчас трудно моделировать конкретный вид такого международного механизма. Это вопрос договоренности международного

сообщества. Однако по мере определения в ходе проработки проблемы общих подходов будут выработаны и общие международные принципы, которые могут быть закреплены первоначально в многосторонней декларации, а возможно и в масштабной концепции международной информационной безопасности. В дальнейшем можно иметь в виду заключение многостороннего международно-правового документа в форме договора или конвенции. При этом следует исходить из необходимости рассмотрения и принятия международным сообществом таких принципов в комплексе, то есть с учетом угроз как военного, так и криминального, в первую очередь террористического, характера, и применительно как к военным, так и к гражданским сферам. При этом, как отметил заместитель министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Орджоникидзе в своем выступлении на проходящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «приоритетом должна стать задача формирования глобальной системы противодействия новым угрозам и вызовам, которая обеспечивала бы, в частности, неотвратимость наказания организаторов и исполнителей терактов»³.

Во всей этой работе может быть задействован опыт, полученный международной дипломатией как в рамках ООН, так и на уровне двусторонних отношений, а также при подготовке и заключении широкомасштабных международных конвенций и соглашений. Однако, что абсолютно очевидно, полезные и

реализуемые результаты могут быть получены только на основе самого широкого международного сотрудничества. В отношении супертерроризма это уже констатировала 56-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Оно и только оно может гарантировать миру решение новых сложных проблем, порожденных вхождением человечества в информационную эру, и обеспечение реальной международной информационной безопасности. Международное информационное пространство должно быть зоной, свободной от оружия. Только это может гарантировать человечество от новых войн и актов супертерроризма в информационный век. ■

¹Федоров Александр, Цыгичко Виталий. (Ред.). Информационные вызовы национальной и международной безопасности. М., ПИР-Центр, 2001, 328 с.

²Термины *информационное общество, информационная эпоха, информационная эра, постиндустриальное общество* и т.п., по мнению автора, весьма условны и спорны. Автор не считает целесообразным доказывать или опровергать правомерность их существования и использует их только, исходя из удобства изложения.

³Орджоникидзе С.А. Выступление по пункту 166 повестки дня 56-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Меры по ликвидации международного терроризма», Нью-Йорк, 1 октября 2001.

Анализ**КИТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ****Тимоти Томас**

За последние пять лет было опубликовано большое количество статей китайских военных и гражданских экспертов, посвященных вопросам информационной войны и связанным с этим проблемам (теория информации, развитие сетей, имитационные игры и т.п.). Подобные аналитические разработки привели к некоторым интересным результатам.

Во-первых, Китай испытывает необходимость в создании собственной теории информационной войны. Эта теория должна соответствовать китайской культуре, экономической и военно-политической ситуации в стране, характеру предполагаемых угроз, а также не идти в разрез с китайской военной философией и терминологией.

Во-вторых, китайская теория информационной войны находится под сильным влиянием военного искусства Китая. Пекин быстро интегрирует теорию информационной войны в стратегию Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Этот факт часто игнорируют на Западе, однако это может иметь далеко идущие последствия, с точки зрения стратегии и оперативного искусства. КНР также рассматривает возможность создания независимого вида вооруженных сил – сетевых войск – для поддержки ВМС, ВВС и сухопутных войск, и пытается применить 36 стратегий войны к методам информационной войны.

В-третьих, китайская военная наука выделяет элементы информационной войны, которые заметно отличаются от классификаций, принятых в США. Это касается форм, сущности, особенностей, принципов, типов, циклов и уровней информационного противоборства. Это напоминает методологию информационной войны, принятую в России, и приводит к появлению терминологии и возникновению дискуссий, сильно отличающихся от западных.

Китайская теория информационной войны активно развивается, однако гораздо труднее воплотить ее в жизнь. В этом нет ничего необычного, поскольку КНР по-прежнему создает гражданскую и военную

инфраструктуру для внедрения в жизнь своей философии¹. В данной статье рассматриваются основные аспекты китайского подхода к проблемам информационной войны. Вначале стоит проанализировать влияние информационной эпохи на китайские взгляды в отношении военного искусства, а также дать оценку тех исторических факторов, которые определяют позицию КНР. Затем рассматриваются китайская терминология, касающаяся информационной войны, а также существующие структуры и курсы подготовки к ведению информационной войны. Наконец, дается анализ китайской интерпретации информационной войны в Косово, а также исследуются учения в военных округах, в ходе которых НОАК пыталась реализовать теоретические положения на практике.

Информационная война: взгляд из Китая

Как изменилось китайское военное искусство в век информации? Будет справедливо сказать, что главное изменение касалось переоценки способов ведения войны и методов оценки эффективности военных действий. Китай понял, что при нынешнем состоянии ядерного арсенала он не в состоянии угрожать другим странам так, как это могла бы сделать настоящая сверхдержава. Однако кое-что можно изменить, используя силы для ведения информационной войны. Например, КНР теоретически может угрожать финансовой стабильности США, применяя методы информационного противоборства мирного времени. Электроника лежит в основе не только информационной войны, но и мирового экономического бума, связанного с рынками ценных бумаг и электронной торговлей. Информация с ее специфическими характеристиками (глобальным охватом, возможностями легкой и быстрой передачи, нелинейными эффектами, неисчерпаемостью, возможностью обеспечить доступ множества пользователей и прочие) позволяет контролировать материальные и энергетические ресурсы ведения войны так, как это не могут никакие ядерные вооружения². Информационное оружие позволяет быстро, четко и надолго вывести из строя противника³, да еще и практически без каких-либо дистанционных ограничений. Таким образом, имеет смысл наращивать

усилия по созданию информационного потенциала для гражданских и военных целей. С точки зрения Пекина, благодаря информационному оружию, у китайского *тигра* буквально вырастают крылья, что заметно усиливает его боевые возможности.

Недавние сообщения о хакерских атаках против лабораторий США показывают, что Китай постепенно переходит от теории к практике и в том, что касается безопасности. Газета *Washington Times* писала 3 августа 2000 года, что хакеры, вероятно, работающие на правительственное учреждение КНР, вошли в компьютерную систему Лос-Аламосской лаборатории и скачали большое количество критической, хотя и не секретной, информации. Представитель лаборатории Джим Даннeshельд утверждал, что «китайцы в значительной степени поражают наши сайты открытого доступа», причем происходит это постоянно⁴.

Целями китайских специалистов в области информационной войны становятся источники, каналы передачи и получатели информации⁵, объекты командования, управления, связи, компьютеров и разведки, а также средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Первыми объектами нападения, по мнению экспертов, могут стать компьютерные системы, объединяющие политические, экономические и военные объекты страны, а также общество в целом; кроме того, КНР может стремиться к поражению механизмов принятия решений для нарушения координации действий противника. Это требует разрушения когнитивных и информационных систем⁶. Подобная стратегия подразумевает, что в будущем войну будут вести не только военные, но и гражданские специалисты. Некоторые китайские теоретики рекомендовали организовать специальные отряды для ведения сетевой войны, в которые вошли бы и гражданские компьютерные специалисты. Это позволило бы создать ударную бригаду сетевых *воинов* для выполнения целого круга задач. Мишенями для такой бригады стали бы критические узлы и центры управления сетей, подлежащие выводу из строя⁷. Таким образом, и компьютерные специалисты, и военные могут вести боевые действия, что отражает трансформацию китайских взглядов на военное искусство.

Информационное оружие также заставляет китайских специалистов изменить методы расчета соотношения сил. КНР полагает, что

военная сила больше не измеряется количеством бронетанковых дивизий, авиационных соединений и ударных групп авианосцев. В информационный век важную роль играют невидимые силы – компьютерный потенциал, средства связи и надежность систем⁸.

Претерпела изменения и старая китайская теория войны. По мнению китайских теоретиков, новые возможности, предоставляемые информационными технологиями, вдохнули новую жизнь в теорию народной войны Мао Цзэдуна. Впервые это подметил генерал Ван Пуфен в 1995 году⁹. Его идея была подхвачена другим военным специалистом Вэйем Чжинченем в 1996 году, который подчеркнул, что в народной войне в контексте информационной войны «могут быть задействованы сотни миллионов людей, использующих современные открытые информационные системы. Поскольку изменился традиционный способ промышленного производства и произошел переход от централизации к дисперсии, а коммерческая деятельность охватила не только города, но и сельские районы, то методы производства и взаимодействия стали сильно зависимы от информации. Вероятность того, что люди возьмут на себя инициативу и смогут произвольно участвовать в военных действиях, значительно возросла»¹⁰.

Специалисты в области электроники и компьютерной техники имеют все шансы стать подлинными героями новой народной войны, полагают некоторые эксперты¹¹. Возможно, это объясняет почему, помимо экономических причин, КНР стремится к сокращению своей армии. Пекин может противодействовать другим державам, используя множество компьютерных инженеров и простых граждан, вооруженных ноутбуками, вместо того, чтобы бросать в бой солдат. Понятно, что у Китая есть людские ресурсы для ведения *домашних* войн – боевых действий с привлечением тысяч людей, вооруженных ноутбуками и по команде атакующих из дома зарубежные компьютерные системы. У Пекина есть некоторое количество высококлассных разработчиков компьютерного обеспечения и неограниченный потенциал в информационной сфере. По мнению одного из авторов, если лишь один–два процента всего населения Китая имеют индекс интеллектуального развития (IQ) выше 139 (согласно исследованиям), то, следовательно,

КНР обладает десятками миллионов таких интеллектуалов. Проблема в том, как найти им оборудование и обеспечить долю в информационном пространстве¹².

Специалист по информационной войне Шен Вэйгуан писал, что участниками боевых действий могут быть солдаты и подростки, то есть все те, кто обладает таким оружием, как компьютер. По мнению Шена Вэйгуана, общество заменит собой традиционные поля сражений, а различные классы и социальные группы примут участие в политической деятельности в своей стране или в любом другом государстве. Он также выступал за создание войск по защите информации, состоящих из ученых, сотрудников правоохранительных органов, военных и других специалистов в области информационного оружия, которые заботились бы о безопасности национальных информационных границ и были бы готовы начать контрнаступление в ответ на информационное вторжение других стран¹³. Целью китайской доктрины является объединение концепции народной войны и теории победы при помощи информации¹⁴.

Китайские аналитики часто указывают на возрастающую роль общества в зарубежных сценариях ведения информационных войн. Ван Сяодон заметил при изучении одного из документов корпорации РЭНД, что в нем фактически говорится о той же концепции народной войны в информационную эру. Авторы американского доклада попробовали исследовать возможности общества по защите от информационного воздействия. Китайский специалист добавил: «Что касается войск, мобилизуемых государством, число и задачи традиционных бойцов заметно уменьшились по сравнению с техническими экспертами во всех областях. Поскольку тысячи персональных компьютеров могут быть соединены вместе для осуществления общей операции и могут выполнять множество задач, заменяя мощные военные компьютеры, победа в информационной войне будет, скорее всего, зависеть от того, какая из сторон сможет мобилизовать больше компьютерных экспертов и добровольцев. Это будет настоящая народная война»¹⁵.

Идея объединения концепций народной войны и информационной войны нашла благодатную почву среди полутора миллионов резервистов Китая. В некоторых округах НОАК превращает резервистов в мини-полки для ведения информационных войн. Например, в

округе Эчен (около 1200 км от Пекина) в провинции Хубэй Народное управление вооруженных сил объединило около 20 городских департаментов (телекоммуникаций, энергетики, финансов, телевидения, медицины и т.п.) в запасной полк информационной войны. У полка имеется батальон сетевой войны и подразделения радиоэлектронной разведки, а также батальоны психологической войны и 35 технических подразделений (от отделения до батальона). Создана также первая база подготовки резервистов к ведению информационных войн. На ней могут обучаться до 500 человек. Инструкторами базы была проведена сетевая имитационная игра «Народная война в век информации». У управления в Эчене есть даже свой Веб-сайт (<http://ezarmy.net>)¹⁶.

27 июня 2000 года в городе Эчжу (в округе Эчен провинции Хубэй) были проведены национальные мобилизационные учения через компьютерную сеть. Изначальной задачей, по словам Чжу Дзянчжиана, командующего военным районом округа, было исследовать возможности применения гражданских сетей в военное время, а также возможности использования сетей для быстрой мобилизации, для повышения качества и эффективности национальной мобилизационной системы. Второй задачей стало привлечение технического и научного персонала и оборудования, согласно национальной мобилизационной базе данных. Кроме того, необходимо было создать органы командования в военное время и сформулировать различные предварительные планы действий. В ходе учений сети командного центра и членов городского мобилизационного комитета были соединены для передачи аудио и видео информации. Кабельное телевидение и компьютерные сети были объединены и использованы на практике¹⁷.

Эчен – это не единственный округ, где подразделения резервистов проходят подготовку к ведению информационных войн. В провинции Фуцзянь, согласно опубликованному докладу, в декабре 1999 года прошла встреча, в которой приняли участие силы резервистов и милиции. Высокотехнологичные подразделения осуществляли меры радиоэлектронного противодействия, организовывали сетевые наступления и оборону, а также проводили операции разведки с помощью радаров. Все эти операции реализовывались в рамках усиления блокады острова. Данный район

является особой экономической зоной, которая привлекает большее, чем обычно, количество наукоемких и технологичных производств¹⁸. Это главная зона для ведения боевых действий с применением информационного оружия. Также имеются сообщения о схожей деятельности резервистов районов Цзиань и Датун.

В Цзиане подразделения информационной войны местного управления НОАК стали ударной силой в ходе учений, проводившихся в военном округе Цзинань. Были выделены десять способов ведения информационных операций: размещение информационных мин; проведение информационной разведки; изменение данных в сетях; использование информационных бомб; сброс информационного мусора; ведение пропаганды; применение информационных средств введения противника в заблуждение; сброс информационных клонов; организация информационной обороны и создание сетевых шпионских станций¹⁹. В Датуне более сорока членов высокотехнологичного подразделения сосредоточили свое внимание на обеспечении информационной безопасности и получении частичного сетевого преимущества в сетевой войне. Подразделением были проведены три демонстрационных учения по сетевой войне в Пекинском военном округе, а также для Центральной военной комиссии, Генерального штаба и частей и подразделений НОАК, дислоцированных в Северном Китае²⁰.

В специальной статье в августе 2000 года «Армия КНР обращает внимание на роль сетевой войны» говорилось, что «по некоторым данным военных, концепция народной войны претерпела эпохальную трансформацию: от поддержки фронтовых войск, ведущих наступление на боевых машинах, до современной сетевой войны *на клавиатурах*. *Жефангжун Бао* [газета китайских вооруженных сил – Авт.] утверждает, что необходимо сформулировать правила мобилизации и подготовки к ведению «современной народной войны», сбора и обработки информации, онлайн-вого наступления и обороны, исследований в сфере сетевых технологий, обмена данными и прочее, дабы иметь устоявшиеся процедуры для должной подготовки и ведения сетевой народной войны»²¹.

В век информации могут получить новое звучание и 36 китайских стратагем. Около 300 лет назад неизвестный ученый решил собрать все 36 китайских стратагем и записать их. Эта

работа получила название «Тайное искусство войны: 36 стратагем». В ней подчеркивалась важность введения в заблуждение противника как один из методов достижения военных целей. В эпоху информации, характеризующуюся анонимными атаками и неопределенностью (например, что касается *национальности* вируса или существования *черного хода* в программе, делающих всех уязвимыми), стратагема может возродиться, но уже в виде тактики. В результате будет легче ввести противника в заблуждение или нанести ему ущерб, нарушив восприятие (в китайской терминологии – *нарушение ориентации*). Информационная эра трансформируется в эпоху анонимных *средств убеждения*.

Иногда утверждают, что в современном высокотехнологичном мире древние стратагемы больше неприменимы. Однако стоит взглянуть лишь на пять первых стратагем, чтобы понять, что это не так. Первая стратегия – «обманом заставить императора пересечь море»²². Это означает, что для снижения бдительности противника необходимо действовать в открытую, скрывая при это свои истинные намерения за повседневной деятельностью. В терминах информационной войны это означает – нужно использовать обычную электронную почту или деловую связь через интернет для маскировки внедрения злокачественных программных кодов или вирусов. Стратегия два – «осаждать Вэй для спасения Чжао». Это значит, что когда противник слишком силен для прямого нападения на него, то нужно атаковать нечто слишком ему дорогое. Применительно к современным условиям, это можно трактовать следующим образом: если ты не можешь поразить цель с помощью ядерного оружия, опасаясь катастрофических последствий для собственной страны, то атакуй серверы и сети, отвечающие за стабильность финансовых, политических и властных систем Запада. Стратегия три – «убить с помощью взятого взаймы меча». То есть, если у тебя нет сил, чтобы атаковать противника напрямую, используй силу другого. В рамках информационной войны все просто – посылай вирусы и программные коды через другую страну или прорывы в киберпространстве. Стратегия четыре – «спокойно жди истощенного противника». Это означает, что выбор времени и места для битвы является большим преимуществом. Позвольте противнику потратить энергию на бесплодные поиски, сами при этом сохраните свою силу. Когда противник истощен и

находится в смятении, тут и надо атаковать со всей энергией и волей. В современных условиях это означает использование теории народной войны для многочисленных мелких нападений на противника, приберегая главный удар до тех пор, пока не будут задействованы все западные группы по ликвидации компьютерных ЧП. Наконец, стратегия пять – «грабь горящий дом». Это значит, что когда страна раздираема внутренними конфликтами, ей будет трудно противостоять внешней угрозе. В рамках информационной войны, таким образом, следует разместить хакеров на Западе (под видом студентов или бизнесменов) и нападать изнутри. Как только это спровоцирует хаос, можно спокойно взламывать базы информационных ресурсов.

В одной из китайских статей по войне в интернете, опубликованной в мае 2000 года, говорилось о том, почему китайским военным следует и сегодня полагаться на стратагемы. Отмечалось, что КНР в настоящий момент относительно слаба с точки зрения проведения информационных операций, и должна использовать различные тактические приемы и стратегию в качестве невидимой боевой силы, призванной восполнить недостаток материальных ресурсов²³.

Китай также стремится сосредоточить внимание на интеллектуальной войне, помимо просто информационной войны. Интеллектуальная война означает битву мозгов (лиц, принимающих решения по обеим сторонам фронта), которая приводит к практически бесконечным потокам информации (связь с информационной войной) и выбросу информации в понятной и пригодной для применения форме, давая преимущество одной из сторон. Важны инновационные подходы и возможность мыслить нестандартно. Таким образом, скорость обработки информации и инновационного мышления является частью боевого потенциала²⁴. Это означает, что командир должен уметь мыслить не только в категориях двухмерных карт, телефонов и т.п. Образ мышления может быть гораздо важнее, чем образ действия. Шен Вэйгуан, например, считает, что в будущей войне проиграет те, кому будет не хватать командного мышления, а не технологий²⁵. Таким образом, противостояние командования противников, как вид интеллектуальной войны (включающей в себя пробу сил в сфере добычи, использования и контроля над информацией)²⁶, резко усиливает значимость интеллектуальных ресурсов. Знания

становятся главным стратегическим ресурсом, более важным для обеспечения баланса сил, чем оружие. Таким образом, война может начаться из-за борьбы за интеллектуальные ресурсы, например, за обладание экспертом в области высоких технологий или запатентованным правом на какой-то элемент технологии²⁷.

Наконец, рассматривается возможность создания *сетевых сил* – специального вида вооруженных сил для будущих битв в сфере высоких технологий. Это будет значительный шаг вперед (если это когда-либо произойдет; по мнению авторов статьи, это «весьма вероятно»), поскольку будет означать отход от традиционной трехвидовой структуры вооруженных сил. Китайцы полагают, что нарушение киберпространства так же важно, как и нарушение национального суверенитета (если даже не более значимо, учитывая скрытую природу электронных нападений), особенно если это касается жизненно важных информационных ресурсов или банков данных²⁸. Таким образом, необходимы сетевые силы.

Сетевые силы должны защищать суверенитет сети и быть вовлечены в сетевые войны – технологически и интеллектуально емкий вид военных действий. Сетевые технологии включают сканирующие технологии для взлома кодов, похищения информации и восстановления испорченной или удаленной информации. Кроме того, сюда относятся и наступательные технологии для осуществления атак и принятия контрмер в сети, включая программное обеспечение для парализации информационных потоков, блокирования информации и проведения мероприятий по введению в заблуждение. Есть и *маскарадные* технологии – использование методов поддельной идентификации для осуществления контроля над сетью. Оборонительные технологии служат для отражения атак, а также работают как электронные *ворота* для предотвращения внутренних утечек и блокирования произвольных действий, то есть выступают в роли электронного полицейского²⁹.

Есть также несколько терминов, которые используются только в китайской военной науке и служат для характеристики специфического китайского понимания теории информационной войны. Это понятия военной науки программного обеспечения³⁰, информационных границ, информационного союза, информационной фабрики,

информационной полиции и информатизированной армии³¹, введения противника в заблуждение, оккупации, преграды, блокирования, нарушения управления³², негативной энтропии, информационного объема, качества информации³³, информационного вторжения, информационного сдерживания, войск защиты информации³⁴, информатизированной войны и информационного нападения³⁵.

Китайская терминология информационной войны: упор на сетевые и когнитивные процессы

Для целей сравнения необходимо дать американские определения информационных операций и информационной войны. Информационные операции – действия, предпринимаемые для воздействия на информацию и информационные системы противника и для обеспечения защиты собственной информации и информационных систем. Основными видами информационных операций являются, в том числе оперативная безопасность, психологические операции, введение противника в заблуждение, РЭБ, физическое нападение и уничтожение и прочие³⁶. Информационная война – это информационные операции, проводимые во время кризисов или конфликтов, а также для достижения конкретных целей в отношении конкретного противника или противников³⁷.

Есть несколько китайских аналитиков, заслуживающих уважения за глубокое содержание их трудов по вопросам информационной войны. Шен Вэйгуан, генерал-майор Ван Пуфен, полковник Ван Баокун и генерал Юань Банген входят в их число и, пожалуй, даже возглавляют этот список.

Изучение китайской терминологии информационной войны год за годом позволяет понять направления развития теории ведения информационной войны. В определении информационной войны, предложенном Шен Вэйгуаном одним из первых в 1996 году, говорилось, что информационная война – это война, где обе стороны стремятся захватить инициативу на поле боя, установив контроль над потоками информации и разведывательных данных. В этом первичном определении ничего не говорилось об информационном превосходстве или информационных операциях, лишь о контроле. Вместо того, чтобы, как американцы, защищать дружественные информационные системы и

атаковать системы противника, Шен Вэйгуан предлагал защищать себя и контролировать противника³⁸. Ван Пуфен также в 1996 году утверждал, что центральным элементом для достижения победы в информационной войне является контроль над информацией. Янг Шуки и Гуо Рубин также поддержали идею контроля, подчеркнув, что инициатива на поле боя завоевывается путем установления контроля над информацией. Победу одержит та сторона, которая сможет контролировать информационные ресурсы и их использование. Все это показатели возможности нации вести войну, писали они³⁹. Таким образом, в 1996 году основное внимание уделялось вопросам контроля.

В 1997 году были предприняты немногочисленные попытки дать определение информационной войны. Лян Чженсин утверждал, что информационная война включает в себя все типы военных действий, связанных с эксплуатацией, модификацией и парализацией информации и информационных систем противника, а также все те виды действий, которые связаны с защитой собственной информации и информационных систем от эксплуатации, модификации и парализации противником. Лян Чженсин добавлял, что китайское определение информационной войны должно учитывать китайскую специфику, но при этом следовать в русле тех определений, которые признаны на международном уровне. Возможно, поэтому его определение информационной войны было столь близко к американскому. Лян Чженсин отмечал, что суть информационной войны заключается в том, чтобы окутать противника информационным туманом, который при этом был бы прозрачен для собственных войск⁴⁰. В том же году другой автор – Ван Баокун – дал высококлассное описание информационной войны глазами китайской военной науки. В его статье излагались формы, природа, уровни, особенности и принципы информационной войны. По форме информационная война делилась на действия мирного, кризисного и военного времени; по сути – на наступательные и оборонительные операции; по уровням – на национальные, стратегические операции, операции театра военных действий и тактические. Отличительными особенностями информационной войны являются: командование и контроль, разведка, РЭБ, психологические операции, киберпространство, хакеры, виртуальность, экономический характер, стратегия и точность. Среди характеристик информационной войны выделяются сложность, ограниченные цели,

непродолжительность, меньший ущерб, большее поле боя, меньшая плотность войск, прозрачность, интенсивная борьба за информационное превосходство, повышенные требования к командованию, новые аспекты сосредоточения сил, а также тот факт, что основной целью может вовсе не быть эффективный силовой потенциал. Среди принципов информационной войны можно выделить *обезглавливание, ослепление, прозрачность, быстрое реагирование и обеспечение выживаемости*⁴¹. Определение, данное Ваном Баокуном, позволяет лучше понять феномен китайской информационной войны.

В 1998 году о терминологии информационной войны говорили еще меньше. Один из специалистов определил информационную войну как возможность воспрепятствовать процессам принятия решений у противника и обеспечить защиту собственного потенциала принятия решений. Интересно, что китайцы говорят не о нападении на информацию и информационные системы противника, а о воспрепятствовании процессам принятия решений⁴². Это небольшое, но важное отличие от американской терминологии.

В 1999 году в Китае возобновились серьезные дебаты по вопросам информационной войны. Шен Вэйгуан дал на этот раз более широкое определение информационной войны. По его словам, информационная война подразумевает вовлечение двух сторон в жестокое противостояние в сфере политики, экономики, науки, культуры, технологии и общества. Борьба ведется за информационное пространство и ресурсы. Было дано и узкое определение информационной войны – противостояние воюющих сторон на информационном поле. Суть информационной войны, по мнению Шена Вэйгуана, заключается в том, чтобы «заставить войска противника сдаться без боя», используя информационное превосходство⁴³. Очевидно, что это определение отражает исторические китайские концепции войны. Тем не менее, похоже, что информационное превосходство – это скорее когнитивный, чем системный процесс.

Другой китайский аналитик Юань Банген, начальник управления Генерального штаба, писал в том же году, что информационная война ведется ради получения и удержания контроля над информацией. Борьба ведется между воюющими сторонами за то, чтобы захватить инициативу в получении, контроле и

использовании информации. Это достигается путем эксплуатации информационных ресурсов, систем и информатизированных систем вооружений противника, а также за счет вывода их из строя. При этом необходимо использовать и защищать собственные информационные ресурсы, системы и вооружения. Юань Банген, таким образом, заменяет терминами *эксплуатация* и *вывод из строя* американский термин *нападение*. При этом подчеркивается необходимость контроля. Он также отмечает, что информационная война – это война знаний (см. выше), противостояние групп профессионалов, обладающих высокотехнологичными знаниями⁴⁴.

Полковник Ван Баокун, который провел столь блестящую работу в 1997 году, два года спустя внес новую струю в дискуссию об информационной войне. Он провел различие между информационной и информатизированной войной. При этом первая – это форма борьбы и часть настоящей войны, а вторая – эта новая форма военных действий. Информационная война постепенно становится информатизированной войной, однако это произойдет не раньше середины нынешнего столетия, когда появятся информатизированные войска. Это станет новым этапом после механизированных войск. Ван Баокун считает, что информатизированные силы станут основой для «одержания победы над противником без боя» – тактики, требующей военного превосходства, полной готовности, нарушения стратегических планов противника и культивации, обеспечения и укрепления дисциплины. Целью является заставить «противника считать его цели нашими целями», «сломить волю противника к сопротивлению и заставить прекратить борьбу». Это можно достигнуть путем воздействия на убеждения и восприятие противника через *информационную энергию*. Если правильно воздействовать на восприятие, то это приведет к падению морального духа и утрате контроля – основного компонента информационной войны. Правильная информационная атака способна привести к достижению этой цели⁴⁵. Таким образом, Ван Баокун привносит в дискуссию когнитивные аспекты информационной войны, и вновь говорит о контроле.

Цзэ Гуан, первый заместитель председателя комитета по оборонной науке, технологии и промышленности, также в декабре 1999 года высказался по проблемам информационной

войны. По его мнению, информационная война в «военном смысле этого слова означает полномасштабное использование различных информационных приемов, оборудования и систем, включая помехи, дезинформацию и уничтожение информационных систем противника, особенно его систем командования, ослабление решимости лиц, принимающих решения. При этом должны быть использованы все возможности для предотвращения повреждения или внесения помех в работу собственных информационных систем»⁴⁶. Таким образом, внешней целью информационной войны становится ослабление решимости руководства противника, а внутренней задачей является защита информационных систем. Цзэ Гуан также описывает три области информационной войны: командование, управление, связь, компьютеры, разведка и наблюдение; РЭБ; методы компьютерного наступления и обороны.

Наконец, в 2000 году Ван Пуфен дал еще более глубокое объяснение феномена информационной войны, отделив его от феномена информационных боевых действий. По его словам, информационная война – это вид войны и модель ведения войны, а информационные боевые действия – это вид операции и тип операционной модели. Новая операционная модель относится к операциям в компьютерном сетевом пространстве. Информационные боевые действия включают в себя системы обнаружения информации, системы передачи информации, ударные системы информации и вооружений и системы обработки и использования информации. Информационная война включает в себя информационные боевые действия. В обоих случаях речь идет об информации и энергии, а также использовании поля боя, основанного на информационных сетях⁴⁷.

Лишь немногие китайские специалисты пытались дать определение информационных операций, упоминавших Ван Пуфен. Юань Банген в 1999 году указывал, что информационные операции – это специфический вид операций информационной войны. Информационная война есть суть информатизированной войны, в то время как информационные операции являются проявлением информационной войны на поле битвы. Информационные операции – это информационные войны в узком смысле слова, в военном смысле; они представляют собой обычно интегрированные контрмеры, основанные на новых высоких технологиях.

Теоретическая система информационных войн состоит из двух уровней – базового и прикладного. Базовые теории состоят из фундаментальных концепций информационных операций, касаются их организационной структуры и технологического оснащения, командования и управления операциями и т.п. Прикладные теории можно разделить на наступательные и оборонительные информационные операции на стратегическом и оперативном уровнях, уровне кампании и тактическом уровне, а также на информационные операции мирного и военного времени и кризисного периода. Все действия в рамках информационных операций сосредоточены на командовании и управлении. Двумя задачами информационных операций выступают подготовка и реализация соответствующих действий. Среди принципов можно выделить централизованное командование, многоуровневая делегация полномочий, многомерные инспекции и испытания, своевременное принятие решений и интеграция военных и гражданских действий для сосредоточения усилий на ключевых участках⁴⁸.

Юань Банген также говорит о цифровых войсках и цифровом поле боя. Цифровые войска – это боевые части и подразделения нового поколения. Это силы, преимущественно вооруженные цифровым электронным информационным оборудованием и боевым оружием. Они характеризуются высокой степенью интеграции командования и управления, средств разведки, раннего предупреждения, обнаружения и связи, а также средств противодействия РЭБ, и высоким *интеллектом* основных видов вооружения. Цифровое поле боя – это поле боя, где происходит эффективное объединение и использование стратегических и тактических автоматизированных систем командования, которые строятся на цифровой информационной технологии. Цифровые силы и поля боя являются двумя основными компонентами информационной войны. Цифровые войска также можно назвать информатизированными войскам, а цифровые поля боя можно назвать информатизированными полями боя⁴⁹. Внедрение цифровых стандартов связи оказывает влияние на качество и процессы создания цифровых войск и цифровых полей боя. Следовательно, создание цифровых систем связи – это основа основ при формировании цифровых войск и образовании цифровых полей боя⁵⁰.

Один из авторов вкратце описал феномен информационной сетевой войны. Он дал широкое определение: это война, в которой две противоборствующие стороны пытаются занять информационное пространство и конкурируют за информационные ресурсы. В узком смысле этого слова информационная сетевая война – это противостояние в сети между двумя воюющими сторонами. В ходе такой войны идет проверка человеческой воли, интеллекта и технологий⁵¹. Ки Дзянгуо предложил объединить понятия сетевой войны и народной войны. Он рекомендовал НОАК создать авторитетный, централизованный и единый сетевой орган для организации народной войны. Этот орган контролировал бы информационные операции и деятельность в сети, а также позволил бы проводить мобилизационные учения и готовить людей к народной войне через сеть. Похожие структуры можно было бы создать на разных уровнях – в провинциях, городах и префектурах. Необходимо было бы сформулировать законы и правила для стандартизации подготовки и развертывания сетевой народной войны⁵². Отмечалось, что Китай должен поддерживать принцип создания сетей одновременно и для мирного, и для военного времени, для военных и гражданских целей и развивать услуги интернет в ограниченном масштабе⁵³.

В то время, как большинство вышеуказанных определений, в основном, уделяли внимание системам, китайские специалисты пытаются также изучать и когнитивные процессы. Некоторые, например, Шен Вэйгуан, считают, что суть информационной войны – это сумма информационных возможностей, позволяющих сломить волю противника к сопротивлению, воздействуя на его сознание, восприятие и убеждения и заставляя его прекратить войну. Главной задачей информационной войны становится слом когнитивной системы и системы доверия у противника, отмечал Шен Вэйгуан в 1996 году⁵⁴.

Ван Баокун также твердо убежден во взаимосвязи информационной войны и когнитивных процессов. В одной из своих статей он описывает структуры восприятия, системы восприятия и комплексы верований как компоненты информационной войны. Он определяет структуры восприятия как «все то, что индивид или группа считают правильным или истинным, независимо от того, пришло это через восприятие или через веру». Структуры восприятия состоят из систем восприятия, которые «созданы и действуют

для того, чтобы понимать и наблюдать за верифицируемыми феноменами, превращая их в воспринимаемую реальность, и, следовательно, принимать решения или действовать на основе интуитивного понимания такой реальности». Комплексы верований – это «системы, служащие для управления проверяемой эмпирической информацией и такой информацией и сознанием, которые не могут быть проверены или которые трудно проверить»⁵⁵.

Подобный упор на восприятие и убеждения интересен, поскольку некоторые китайские специалисты по информационной войне полагают, что связь и средства массовой информации являются основным предметом озабоченности сегодня, с точки зрения информационной войны. Согласно Янгу Минкину, информационная война выражается в борьбе сторон за обладание инициативой в отношении информационных ресурсов и контроля над производством, передачей и обработкой информации, дабы воздействовать на общественное мнение противника (также основанное на информации). Янг Минкин считает, что информационная война делится на две сферы. Есть национальные информационные войны (когда сторона пытается перехватить информацию с помощью разведки, дипломатии, операций в сфере бизнеса или стратегической психологической войны) и национальная оборонительная информационная война (когда сторона пытается удержать превосходство в области получения информации для своих вооруженных сил с помощью разведки, РЭБ, борьбы с системами командования и управления и психологической войны). В обоих случаях борьба ведется за информационное пространство и информационные ресурсы. Предметом озабоченности, таким образом, становятся связь и средства массовой информации, которые могут сыграть стратегически важную роль. Связь также может оказывать сдерживающий эффект и позволит манипулировать населением, которое и представляет собой важную мишень⁵⁶.

Структуры для организации информационной войны и системы подготовки к ней в Китае

Есть несколько организаций, которые занимаются обучением методам информационной войны в рамках НОАК. Главной из них стала Командная академия связи. Академия расположена в Ухане, столице провинции Хубэй в центральном

Китае. В 1998 году академия опубликовала две книги «Командование и управление в информационной войне» и «Технология в информационной войне», которые стали ведущими китайскими руководствами по информационной войне. В первой книге говорилось о том, кто должен осуществлять командование и управление, какими средствами, каковы сферы, принципы и формы информационных операций, каковы новые концепции формирования информационного корпуса и принципы, на которых должна строиться информационная война. Во второй книге рассматривались устройство, характеристики и тенденции развития основных технологий для целей информационной войны, включая получение, передачу и обработку информации. Также предлагалась структурная система информационной войны и стратегии технологического развития армии. Программа подготовки к информационной войне, разработанная академией, пользуется большим авторитетом. В ходе такого курса анализируются стратегические, оперативные и тактические требования к информационной войне⁵⁷. Почти два года спустя академией был проведен курс подготовки по информационной войне, исследования в области информационной тактики и командования и исследования по информационным боям⁵⁸. Интересно, что академия находится недалеко от резервного полка информационной войны в округе Эчен.

Другой ведущий институт НОАК в области информационной войны – это Университет информационной техники, созданный путем объединения Института информационной техники, Училища электронных технологий и Училища геодезии и картографии. Университет расположен в Чжэнчжоу – столице провинции Хэнань. В нем проходят подготовку специалисты по высокотехнологичной войне, включая и использование информации. По словам ректора университета генерал-майора Чжу Ронтина, учреждение обучает и нескольким новым специальностям, таким, как информационная техника управления удаленными изображениями, техника позиционирования и спутниковой навигации и работа с банками картографических данных. Основными специальностями являются информационная безопасность, современные технологии связи и космические технологии⁵⁹.

Третья организация – это Университет науки и техники. Был создан после объединения

Института инженеров связи, Военно-инженерного института, Метеорологического института ВВС и 63-го НИИ Генерального штаба. В нем готовят молодых военных специалистов в области информационной войны, автоматизации связи и управления и прочие⁶⁰. Ректор университета генерал-майор Си Лайи заявил, что в новом Институте компьютерной техники и автоматизации управления появились шесть дисциплин (включая электронную технику, информационную технику, сетевой инжиниринг, инженерные аспекты автоматизации управления и контринформацию), где акцент делается на основные технологии ведения информационной войны. В университете более 400 экспертов и профессоров, преподающих теорию информационной войны и технические предметы⁶¹.

Четвертый ВУЗ НОАК – это Национальный оборонный университет науки и техники в Чанше. Именно в нем под командованием Центральной военной комиссии разрабатывается серия суперкомпьютеров *Ин Хэ*⁶². С апреля по июнь 1999 года около 60 старших офицеров (средний возраст 53 года) изучали способы ведения высокотехнологичной войны в университете в то время, как шла война в Косово. На занятиях среди других предметов изучались разведка, технологии мониторинга, высокоточного наведения, РЭБ и информационной войны. Одним из выводов относительно будущих войн стал следующий: «информационный зонтик стал самым важным фактором, и нервные узлы противника стали самыми важными военными целями»⁶³. Университет, по-видимому, организует такой курс несколько раз в год на уровне армий и выше⁶⁴. Один из последних примеров – занятия в апреле 2000 года. Около 300 офицеров прошли подготовку в университете к этому времени. Особый упор в ходе этих занятий делался на обучение и обсуждение электронных и информационных методик (и связанных с этим вопросов, в частности управление наведением, автоматизация командования и т.п.) и подготовку по трем наступательным и трем оборонительным схемам (см. ниже)⁶⁵.

Учреждением ВМС, занимающимся информационной войной, является Военно-морское инженерное училище, возглавляемое Шао Цзичжуном. Общий ориентационный курс училища предполагает интегрированный подход к вооружениям и информации. Училище надеется адаптировать китайские

ВМС к боевым требованиям информационной войны. Оно также расположено в Ухане и, возможно, проводит совместные исследования с Командной академией связи⁵⁶.

В работе этих университетов и училищ отражены те изменения в сфере информационной войны, которые предвидит НОАК. Информация рассматривается в качестве средства повышения боевой эффективности и стратегического ресурса. По мнению некоторых инструкторов, война сегодня – это, прежде всего, разведка и изобретательность, новые временные и пространственные концепции, решимость и *мягкие научные* технологии, заключенные в новом оружии⁶⁷. Все это создает значительные проблемы для китайских преподавателей военной науки, поскольку уровень науки и культуры среди командования относительно низок. Система подготовки была улучшена в 1996 году, дабы решить эту проблему. Было решено вначале закладывать прочную стратегическую основу, а затем повышать знания каждого об информационной войне путем изучения опыта иностранных армий. После этого следует расширение навыков ведения информационной войны, особенно РЭБ и психологической войны, а также навыков организации информационного наступления и обороны. Наконец, значительное внимание уделяется переводу знаний в практическую плоскость через проведение учений по информационной войне. Согласно сообщениям прессы, этот план реализуется⁶⁸. Первый год был потрачен на обсуждение стратегии и теории революции в военном деле и использовании информационного оружия в ходе войны в Персидском заливе. После этого последовала общая дискуссия о значении и использовании наступательных и оборонительных компонентов информационной войны. Наконец, начиная с 1997 года, начали проводиться многочисленные учения по информационной войне.

Одна из наиболее интересных статей по подготовке специалистов в области информационной войны появилась в феврале 1999 года. Информационная война была в ней определена как интеллектуальная война, особый вид пробы сил между высокоталантливыми людьми. Это определение появилось, благодаря тому факту, что высокотехнологичная война требует наличия высокого уровня знаний у командования и исполнителей, устойчивой психики, способностей к командованию и

оперативных навыков. Учитывая, что Китай отстает в некоторых из этих областей, руководство НОАК решило провести курсы повышения квалификации на различных уровнях. Каждый курс зависит от возраста слушателей.

Первая категория курсов предназначена для руководящего звена старше 40 лет, которых обучают методам организации боевого обеспечения с помощью информационных средств. Это лица, принимающие решения, поэтому необходимо ликвидировать их информационную безграмотность, изменить их менталитет (переход от концепции механизированной армии к имитационным играм по информационной войне) и научить их применять новые идеи в будущей войне. Поэтому обучение включает в себя основы информационной технологии, теорию информационной войны и общие знания об информационном оружии. Методика проста – упор на краткие курсы подготовки в сочетании с другими методами⁶⁹.

Вторая категория – это лица в возрасте 30–40 лет, своего рода переходное поколение. Будущие лидеры Китая, они должны стремиться к расширению возможностей командования в условиях информационной войны. Поэтому они должны обучиться тем аспектам информационных технологий, которые они не смогли изучить в училищах, а также понять требования, особенности и законы будущей информационной войны. Им также важно разбираться в компонентах информационного оружия и получить прочные знания в области информационной теории. Наконец, они должны освоить принципы, формы, методы и навыки командования в условиях информационной войны⁷⁰.

Последняя категория – это лица до 30 лет. Они уже адаптировались к информационному обществу и имеют общие всесторонние знания о современной теории информационных технологий. Поэтому им необходимо сосредоточиться на командовании и на технологии. Они проходят усиленную подготовку по информационной войне – от идеологической концепции и теоретических основ до прикладных навыков. В отличие от двух других возрастных групп, их обучение занимает длительное время⁷¹.

Курс подготовки для каждой из возрастных групп включает следующие предметы:

- базовая теория, включая основы компьютерного дела и пользования программным обеспечением, технологии сетей связи, информационные магистрали и цифровые подразделения;
- меры противодействия РЭБ, радарные технологии;
- правила информационной войны;
- стратегия и тактика информационной войны;
- информационная война на театре военных действий и на стратегическом уровне;
- информационные системы, включая сбор, обработку, распространение и использование информации;
- системы боевого командования, наблюдения, принятия решений и управления;
- информационное оружие, включая концепции применения, принципы уничтожения программного обеспечения и компьютерной техники и методы прикладного использования;
- имитационные информационные войны, защиту информационных систем, вирусные атаки и контратаки, осуществление помех, борьба с помехами в сетях связи⁷².

Согласно этой статье, получается, что Китай находится на пути к созданию первоклассной программы обучения информационной войне. Однако более поздние сообщения свидетельствуют о том, что пока желаемое достаточно далеко от действительного. Например, в июле 1999 года китайские авторы утверждали: «Иррациональность в системе, структуре и содержании курсов обучения, касающихся информационной войны, препятствует тому, чтобы они стали главным направлением нашей военной подготовки. В настоящее время все делается *методом тыка* – содержание не систематично, операциям не хватает порядка, нет стандартов оценки эффективности, и менеджменту не достает правил и процедур»⁷³.

В октябре 1999 года Фу Кванью, начальник Генерального штаба НОАК, подчеркивал необходимость борьбы с этими недостатками. Он написал о четырех аспектах подготовки к информационной войне: создание новых теорий информационной войны, разработка современной системы высокотехнологичной военной подготовки, выработка форм и методов высокотехнологичной военной подготовки, а также создание оперативных и координационных механизмов обучения и механизмов поддержки управления⁷⁴.

Наконец, следует отметить стиль подготовки, известный как «поражение трех вещей и защита от трех вещей», который, как утверждают китайцы, был обновлен с учетом стандартов информационной эпохи. Раньше принцип *три плюс три* делал упор на истощение жизненных сил противника, защиту жизненно важных сил Китая и борьбу за превосходство в людских ресурсах, огневой мощи и механизированной мощи. Главным было обрести превосходство в материальной сфере. Новый подход к теории *три плюс три* сосредоточен на получении, передаче, обработке и защите информации, а главным предметом борьбы является достижение информационного превосходства. «Поразить три вещи» – это значит противостоять деструктивным действиям противника с помощью активного наступления, дабы обеспечить стабильность информационных систем Китая. Также это означает защиту от точных атак и получение информации о целях. Объединения на уровне армии и фронта должны сконцентрироваться на разведке и раннем предупреждении, координации командования и применении стратегии. Дивизии и бригады должны делать упор на применение огневой мощи и модернизацию материальных средств. На уровне полков и нижестоящих подразделений личный состав должен готовиться к тому, «чтобы быстро нанести точный ответный удар»⁷⁵.

«Защита от трех вещей» означает получение оптической, инфракрасной и электромагнитной информации о целях. Главное состоит в том, чтобы защитить свои цели, снизив их внешнее излучение, или заставить противника получать ложную информацию. Кроме того, поскольку китайские военные проходили курс диалектики, они смотрят на информационную войну через призму тезы и антитезы и применяют аналогичные подходы к обучению и исследованиям. Они рекомендуют проводить различные типы антиподготовки, например, антиразведку, антикрылатые ракеты и антиобучение в отношении помех. Они мыслят в терминах установления антимонополии на информационном поле боя, дабы лишить противника информационного превосходства.

Китайский взгляд на информационную войну в Косово

Китайский специалист по информационной войне Ван Баокун дает наилучший анализ ведения информационной войны против сербской армии силами НАТО. Он определяет

информационную войну как «военную борьбу на информационной арене для получения возможностей создания информации» и говорит о наступательных операциях НАТО и оборонительных операциях сербов⁷⁶.

По мнению Вана Бакуна, НАТО использовала информационное оружие на предконфликтной стадии, проводя обширную разведку и наблюдая за потенциальной зоной конфликта. Это включало в себя использование военных спутников, разведку, электронный мониторинг и то, что Ван Бакун называет, использованием 400 шпионов. НАТО начала следующую фазу операции (ударную), *обезглавив* систему командования югославской армии через серию ударов. НАТО затем использовала информационное превосходство в воздухе (у *МиГ-29* нет современных электронных информационных систем для борьбы с этим) и начала эффективную воздушную войну. В то же время, колоссальный потенциал РЭБ был сосредоточен на оценке ущерба. Таким образом, с точки зрения Вана Бакуна, *пакет* НАТО включал в себя меры противодействия РЭБ, высокоточные удары и оценку ущерба. При этом использовались и различные методы психологической войны. Ван определяет психологическую войну, как «*наступательную войну*, направленную на изменение ментального состояния армии и населения противника». Вначале НАТО усилила защиту своей собственной информации и лишила третьи страны возможности передавать разведывательную информацию Югославии. Ван Бакун сообщил о информационной блокаде НАТО, дабы не лишит югославскую армию и население возможности получать критически важную информацию⁷⁷.

Защитные меры, предпринятые НАТО, были хорошо подготовлены и принесли определенные плоды. Газета НОАК *Liberation Army Daily* сообщила 27 июля 1999 года, что после бомбежки 8 мая китайского посольства в Белграде развернулась сетевая война между китайскими и американскими хакерами. Согласно сообщениям, американские хакеры направили свое контрнаступление против следующих сайтов: Xin Lang Wang или Sina (<http://home.sina.com.cn>), Zhongwen Re Xun или Yesite (<http://www.yesite.com>), Shanghai Wang Sheng или Shanghai Web Boom (точный адрес не приведен).

Китайцы начали наступление на США, модифицировав домашнюю страницу

американского посольства в Пекине и поместив там надпись «назад к варварству». Была нарушена работа нескольких американских политических и военных сайтов, а также около 300 гражданских сайтов. Согласно вышеупомянутой статье, методика КНР заключалась в том, чтобы, мобилизовав тысячи сетевых пользователей одновременно вызвать команду переброски результатов на определенных сайтах. Это приводило к перегрузке серверов и параличу сайтов. Кроме того, каждый день противнику посылались тысячи сообщений по электронной почте, дабы заблокировать почтовые серверы. По электронной почте посылались вирусы, а атаки производились при помощи *хакерских орудий*, замаскированных в некоторых программах. В статье содержался призыв к развитию потенциала ведения сетевой компьютерной войны, подготовке большого количества сетевых *воинов* в учебных заведениях НОАК, укреплению сетевой обороны в Китае и привлечению к участию в сетевой войне гражданских компьютерных специалистов⁷⁸.

Ван Бакун высоко оценивает контрмеры в сфере информационной войны, использованные сербами против воздушных ударов НАТО. Основным средством противодействия стало применение маскировки для защиты военного потенциала Югославии. Самолеты прятали в пещерах и вдоль кольцевых дорог и автомагистралей; бронетехнику скрывали в лесах, около зданий в городах и в горах; армия рассредоточивалась в городах и деревнях; сербы смешивались с албанцами; структуры командования и управления ушли под землю. Так же были использованы технические средства для воспрепятствования разведке противника. Эти меры включали в себя: выключение радаров ПВО; расчет времени прохода военных спутников над целями; применение маскировочных сетей для бронетехники или размещение ее около источников тепловой энергии; выставление на показ предметов из гофрированного железа и других радарных *приманок* для ракет и самолетов противника («скрывай истинное, показывай ложное»); а также использование слабых мест противника (например, наблюдение не может осуществляться через дым и облака). Наконец, как и Китай, сербы пользовались интернетом для борьбы с НАТО. Они создали несколько сайтов во *Всемирной паутине*, где описывался ход авиационных ударов НАТО, а также пытались создать перегрузку систем НАТО с

помощью избыточного количества направленных электронных сообщений⁷⁹.

Один из китайских аналитиков отмечал, что в то время как расстояние на земле уменьшается, благодаря применению информационных технологий (телекоммуникаций, интернета и прочие), размер поля боя в реальности увеличивается. Оно включает, разумеется, все нервные узлы современных виртуальных сетей. Китайцы называют атаки на ключевые узлы *акупунктурной войной*. Подобные узлы являются критически важными для поддержания работоспособности сети. По закону Меткальфа «ценность сети есть квадрат количества сетевых узлов». Таким образом, уничтожая сетевые узлы, можно получить вдвое более эффективный результат при вдвое меньших затратах. Помимо *акупунктурной войны*, сербы научились у китайцев и методу «три анти и одно сопротивление». Три анти – это антиразведка, антипомехи и антиневидимость, а сопротивление работает против уничтожения. Китайские военные также отмечают, что вооруженные силы должны изменить свою организационно-штатную структуру и перейти от организации по системам вооружения к организации по информационным системам. Войска должны быть гибкими, скорее *кирпичиками*, которые легко перестроить и реорганизовать⁸⁰.

В одной из статей утверждалось, что конфликт в Косово стал примером того, как США ведут асимметричную войну. Последняя была определена как «война между силами различного типа, например, ВВС против ВМС, ВВС против сухопутных войск, ВМС против сухопутных войск, сухопутные войска против ВВС». Главным при ведении такой войны является максимально полное использование преимуществ того или иного вида вооруженных сил, правильный выбор вида вооруженных сил, дабы обеспечить превосходство, и удары по слабым местам противника, избегая при этом столкновений с его реальной мощью. Интересно, что автор цитировал Мао Цзэдуна, говорившего, что многие армии были против того, чтобы вступать в прямое противоборство с армиями противника. Напротив, Мао Цзэдун считал, что «мы не такие до безрассудства гуманные, справедливые и добродетельные». Это придает новое качество теории асимметрии и звучит больше, как название книги двух полковников НОАК «Война без правил!» Асимметричная война далее описывалась как *умная война*, основанная на технологиях, информации,

развивающаяся в сторону бесконтактных военных действий и многомерного поля боя. Хотя подобное описание асимметричной войны есть некоторое преувеличение по сравнению с изначальной концепцией, тем не менее, оно хорошо отражает китайское видение данного феномена⁸¹.

В другой статье обсуждалась информационная монополия НАТО на асимметричном поле боя. Это означало, что НАТО могла выбирать силы, время и место, необходимые для применения боевой мощи на поле боя, что позволяло одной из сторон контролировать большую часть поля боя, чем другой. Понятно, что антенны и датчики одной стороны имеют большую дальность действия, чем другой, и позволяют ей вести бесконтактную войну или войну «за линией обороны». Это дает возможность полностью контролировать ситуацию. В качестве противовеса китайцы рекомендовали развивать антиинформационную и антивоздушную монополию, а также антимонополию на поле боя. В статье говорилось, что для ликвидации этой монополии китайцы должны «изменить менталитет, создавать новые поля боя, как, например, поля боя для специальных операций, поле боя в тылу противника и поле боя психологической войны». Некоторые из этих мер должны быть приняты на начальной стадии войны или в ходе подготовки к ней, дабы не упустить ни одного шанса нанести противнику удар. Автор также повторил высказывание Мао Цзэдуна об отказе от любой *идиотской гуманности*⁸².

По мнению китайских авторов, даже простые приготовления помогли осложнить осуществление информационных операций НАТО. Такими простыми мерами стали: французский офицер из миссии ОБСЕ в Косово, который передал сербским войскам часть планов наступления НАТО; военные эксперты, посланные в Ирак для изучения опыта борьбы с самолетами США и НАТО (радарные ключи, модели полетов и т.п.); учения по перехвату крылатых ракет⁸³. Маскировка ключевых позиций и военной техники, создание ложных целей (сгоревшая бронетехника с отпиленными кусками телеграфных столбов в качестве башен; ложные коммуникации, имитирующие командные посты, и прочие), а также ложных позиций (мостов и т.п.) заставили НАТО зря расходовать свою мощь на бесполезные мишени.

В китайской прессе появилась также интересная статья по военной подготовке, в которой упоминалась информационная война в Косово. Статья давала обзор первого общевоинского курса повышения квалификации для начальников штабов на уровне дивизий и бригад. Курс проводился Командной академией связи, и инструктора использовали войну в Косово в качестве наглядного примера (семинар проходил 13 июля 1999 года, вскоре после окончания боевых действий). Один из офицеров Лю Цзиншен отметил, что в боевых планах НАТО можно было выделить четыре стадии: НАТО использовала информационные разведывательные операции для получения точной информации о целях предполагаемых ударов; НАТО применяла тяжелое оружие для уничтожения и нейтрализации систем командования и управления и систем ПВО Югославии; НАТО наносила высокоточные удары, направляемые средствами РЭБ, по различным военным, экономическим, транспортным, энергетическим и другим целям (в том числе, чувствительным для населения); наконец, НАТО осуществляла оценку ущерба, применяя аэрофотосъемку и наземную съемку, и наблюдение, дабы определить следующие цели бомбовых ударов и внести соответствующую корректировку. Информационные операции, например, информационная блокада НАТО, составляли суть этой стратегии⁸⁴.

Югославские вооруженные силы хорошо маскировали военную технику и использовали традиционную тактику, противодействуя, например, разведывательным операциям НАТО. Дабы противостоять высокоточному оружию, сербы разделили целое на части, сочетали действия с бездействием и активно *конструировали* наземное поле боя, служившее им укрытием. Они также изучили характеристики крылатых ракет *Томагавк* и все уязвимые места этого оружия. Тактика включала в себя:

- избегание ударов – выключение радаров ПВО не позволяло самолетам НАТО обнаруживать эти цели;
- ловля рыбы – гофрированное железо и другие материалы использовались для создания радарных ловушек, и становились мишенями для ракет и самолетов противника;
- прятки – использовались преимущества *слепых зон* и *мертвых углов*, возникающих на орбите разведывательных спутников НАТО;

- перехват – радары размещались вместе с другими источниками излучения, вооружения с различным радиусом действия разворачивались вперемешку для создания засад на путях наступления; затем неожиданно включался радар, осуществлялся перехват с помощью огневой мощи разного уровня и сосредоточения огня. Эта тактика была основана на приверженности сил НАТО смешанным боевым порядкам и концепции наступления в несколько эшелонов⁸⁵.

Наконец, конфликт в Косово убедил НОАК в том, чтобы в процессе модернизации использовать и краткосрочные решения. Догнать Америку в области информационной войны в течение следующих двух десятилетий – это звучит не очень оптимистично, учитывая высокие показатели систем вооружений НАТО. Но есть воля к достижению этой цели, особенно учитывая, что развитие информационной экономики и потенциала информационной войны НОАК идут рука об руку. Информационная война – это не только имитационные игры и высокоточное оружие, но и хакерство, электронные помехи и парализация систем, проведение кампаний по дезинформации. Промежуточной целью является «опустошение цифровых архивов противника». Таким образом, военные действия в Косово применительно к КНР помогли ускорить модернизацию НОАК.

Учения по информационной войне

Китай провел несколько важных военных учений по информационной войне за последние три года. Каждые из них были по-своему важны, поскольку показывали переход от теории к практике. Первое специальное (то есть информационное) сражение было организовано НОАК в октябре 1997 года. В военном округе Шэньян армейская группа подверглась компьютерному нападению, в результате которого были парализованы информационные системы. В ответ она применила антивирусное программное обеспечение. Учения проходили в формате *вторжение–антивторжение* и включало развертывание наземных, тыловых, медицинских и авиационных соединений и частей. Один из наблюдателей отмечал: «Скорость нанесения советниками отметок и картографических данных на компьютерные экраны была в 20 раз выше, чем традиционные методы нанесения данных вручную, а точность была на 100% выше. Компьютерная сеть командного звена включала более 100 терминалов. [...] Внимание командира было

сосредоточено не на количестве обрабатываемых документов, а на оценке качеств высокотехнологичного дизайна. Он думал не о том, стандартизованы ли командные процедуры и передвижения войск, а о том, в какой мере применяются высокие технологии при разработке стратегии и проведении операций»⁸⁶.

Центральное агентство новостей Тайваня сообщило 27 сентября об этих учениях и обвинило НОАК в разработке вирусов для наращивания потенциала компьютерной войны⁸⁷.

В октябре 1998 года китайцы провели еще одно широкомасштабное учение с применением высоких технологий, в котором были задействованы несколько военных округов страны. Центром стал Пекинский военный округ, где впервые для совместных оборонных учений были использованы «военные информационные супермагистральи». Они представляли собой информационную сетевую подсистему системы автоматизации командования⁸⁸, которая состояла из цифровой, аналоговой и командной сетей и каналов с ограниченным доступом. Другими элементами системы автоматизации командования являются командные операции, обработка и контроль над аудио- и графической информацией и подсистемы шифрования данных. Учения начались 20 октября и скоординированно прошли в нескольких других округах. По супермагистральям передавались графические изображения, символы и аудиоданные, а также карты с военной обстановкой⁸⁹.

В военном округе Ланьчжоу, в который входит и пустыня Гоби, по-видимому, также проводились эти учения, поскольку 26 октября было сообщение о участии этого округа (как и Пекинского военного округа) в высокотехнологичных учениях с акцентом на электронное противоборство⁹⁰. Основное внимание было сосредоточено на электронной разведке и контрразведке, электронных помехах и противодействии помехам, а также электронном уничтожении целей и борьбе с ним⁹¹. Ранее, в октябре, Генеральный штаб НОАК сообщал, что им также проведены общевойсковые высокотехнологичные учения для обсуждения вопросов подготовки и разработки программ, которые отвечали бы на вызовы глобальной революции в военном деле. Фу Кванью, начальник Генерального штаба, лично присутствовал и даже возглавил эти учения. Генеральный штаб также

наблюдал за ходом учений в Шэньяне⁹², которые также могли быть частью вышеупомянутых учений.

В октябре 1999 года НОАК провела другие учения по информационной войне. Две армейские группы Пекинского военного округа провели кампанию сетевого противоборства. Отрабатывались разведка и контрразведка, помехи и борьба с ними, блокирование и разблокирование, воздушные удары и меры противодействия воздушным ударам. Что касается программного обеспечения, то были выделены шесть категорий – совместное пользование ресурсами, командные операции, отображение обстановки, дополнительные оценки ситуации, связь и разведка. Компьютерная система анализировала и оценивала поведение участников по качественным и количественным параметрам. Оперативное управление Генерального штаба заявило, что впервые компьютерное противоборство развернулось на уровне объединений между армией *красных* и армией *синих*⁹³. Схожие реальные операции на поле боя (контрразведка и прочие) проводились параллельно на театре военных действий в Цзинане. По словам одного из наблюдателей, высокотехнологичное оружие по своим характеристикам напоминало тигра, оснащенного крыльями⁹⁴. Была продемонстрирована новая тактика использования интеллектуального оружия для поражения крылатых ракет противника и компьютерных технологий для поражения информационных сетей, связи и командных пунктов⁹⁵. По мнению Чжан Фена, преимущество использования подобного высокотехнологичного оружия заключается в том, что оно позволяет получить почти реальное впечатление о работе *лаборатории войны*. Это повышает качество науки и техники, повышает уровень стратегического мышления командования и штабных офицеров, помогает выработать качества, необходимые для командования совместными операциями, и высокопродуктивно по критерию *стоимость–эффективность*⁹⁶.

Количество учений по информационной войне, проводимых НОАК, постоянно растет. В июле 2000 года в военном округе Чэнду прошло учение по интернету. Были поставлены три учебные задачи: организация и планирование кампании; захват контроля над воздушным и информационным пространством; осуществление прорывов и недопущение их. Для учений использовались

более 100 терминалов⁹⁷. Три недели спустя в военном округе Гуанчжоу также были проведены высокотехнологичные учения. Нижестоящим частям и подразделениям была поставлена задача установить контроль над каналами связи. Некий полк «выполнял основную задачу по проведению информационных операций и поддержке с помощью электромагнитных колебаний для целей будущей войны»⁹⁸.

Заключение

В этой статье мы изложили теорию информационной войны с точки зрения Китая. Какие выводы можно сделать, какие рекомендации предложить американским вооруженным силам?

Есть несколько вопросов, которые следовало бы осветить, говоря об информационной войне с китайской спецификой. *Во-первых*, китайские военные теоретики нашли в информационной войне сравнительно дешевого и удобного союзника, который может позволить КНР догнать Запад, с точки зрения военно-стратегического и международного статуса. КНР может начать играть важную роль стратегического сдерживания (или потенциального *enfant terrible*) в Азиатско-Тихоокеанском регионе в будущем и постепенно перерасти в экономического конкурента, достойного более детального изучения.

Во-вторых, Китай делает неожиданный упор на создание новых войск информационной войны. Это – и сетевые войска (отдельный вид вооруженных сил), и ударная бригада сетевых *воинов*, и войска защиты информации, и информационный корпус, и электронная полиция, и объединенный сетевой орган народной войны. Последняя особенно интересна для большинства зарубежных аналитиков из-за своей уникальной природы и потенциала. Примечательно, что западные страны сегодня имеют наилучшие возможности для разработки такой концепции, поскольку компьютеры есть во многих домах и офисах, однако идея формирования армии из общества в этих странах не возникла. Китайские теоретики полагают, что победа в информационной войне будет определяться возможностями сторон по мобилизации компьютерных специалистов для участия в таких домашних батаях. Эти силы будут использовать такую стратегию, как сетевая *акупунктурная война*, направленная на вывод из строя нервных узлов информационных сетей. Китайцы верят в силу сетевой

стабильности, и уделяют большое внимание вопросам защиты своих сетей.

В-третьих, китайские представления об информационной войне являются сегодня смесью западных и китайских теорий, однако наблюдается постепенный отход от западных концепций. КНР делает акцент на контроле, компьютеризированной войне, сетевой войне и интеллектуальной войне, а не об информационном превосходстве и *системе систем*, которые стали нормой на Западе. В значительной степени китайское мышление здесь ближе к российскому, поскольку базовые рамки схожи (военное искусство и марксистская диалектика). Появился и специфический китайский лексикон информационной войны, который отличается от российской и западной терминологии – *акупунктурная война*, мягкая военная наука⁹⁹ и информатизированная армия.

В-четвертых, китайская информационная война базируется на китайской истории и находит в ней ответы на вопросы современности. Такие ответы можно найти в 36 стратагемах – тайном искусстве войны. Природа и свойства информационного противоборства хорошо вписываются в эти стратагемы. Американцы пока уделяют такого рода поиску исторических параллелей крайне мало времени. *С другой стороны*, КНР признает возможности, заложенные в западных концепциях информационной войны, и дважды подумает перед тем, как вступить в бой с высокотехнологичным противником, который может победить в стратегии. Тем не менее, НОАК была поражена способностью сербов противостоять авиационным ударам НАТО. Это показало китайскому руководству мощь народной воли и укрепило его в уверенности относительно потенциала народной войны – теории, которая в наши дни получила применение в сфере высоких технологий.

Однако у китайцев есть много слабых мест, которые пока перевешивают количество преимуществ. В этой статье мы попытались показать сильные стороны и особенности китайского мышления в отличие от американского мышления. Но краеугольным камнем оперативной теории информационной войны является сохранение целостности и стабильности инфраструктуры, необходимой для ведения информационной войны. В информационную эпоху устойчивость инфраструктуры также важна, как выживаемость вооруженных сил. И именно в

инфраструктуре и заключается главная слабость Китая. В то же время КНР быстро наращивает свой телекоммуникационный сектор и создает объединенную информационную инфраструктуру для военных и гражданских целей. Китай учится на ошибках других, и может скоро обрести заметный потенциал для ведения информационной войны. Информационное оружие также позволяет Китаю перешагнуть некоторые фазы технологического развития и пользоваться достижениями Запада, экономя при этом время и средства («взять лестницу, чтобы забраться на дерево») ¹⁰⁰. Кроме того, некоторые китайские теоретики полагают, что слишком большое удаление от общепринятых в мире концепций информационной войны помешает КНР в обсуждении этих проблем с другими странами. Но, в конце концов, Китай разработает инновационную стратегию информационной войны, не являющуюся прямым продолжением имеющихся теорий и отличающуюся новизной предлагаемых мер.

Что касается влияния китайской теории и практики информационной войны на США, то есть несколько моментов, заслуживающих внимания. *Во-первых*, китайские подходы к информационным операциям основаны на диалектической логике, сочетании тезы и антитезы, которое неизбежно должно привести к синтезу.

Диалектический подход предлагает уникальные возможности для понимания и оценки полезного использования информационных технологий и оружия. Чтобы понять этот подход, американцы должны подготовить соответствующее количество специалистов, владеющих этим методом. Поскольку Россия также привержена диалектике, то можно убить сразу двух зайцев.

Во-вторых, китайцы постоянно совершенствуют свои подходы (интеллектуальная война, пространственно-временной анализ и т.п.) и рассматривают различные аспекты информационной войны (противоборство систем командования и управления, систем верований и восприятия и т.п.), что практически не обсуждается американскими аналитиками. Это особенно характерно для китайского многостороннего подхода к военному искусству, одним из примеров которого являются 36 стратегий войны. Изучение китайского контекста и военной стратегии информационной войны может помочь избежать или сдержать конфликты в будущем, выявив сферы, где

возникают наибольшая напряженность, недопонимание и даже скрытая агрессия.

Наконец, изучение китайских теорий может помочь американскому руководству лучше понять китайскую политику по другим военно-политическим вопросам, начиная от китайской реакции на российские заявления по информационной войне в ООН до стратегического контекста любого потенциального конфликта с Тайванем.

Есть и другие сферы информационной войны, в которых Китай, как и Россия, может достичь превосходства в ближайшем десятилетии. С академической точки зрения, Китай обладает большим количеством ученых и технических специалистов в области инженерного дела, математики и т.п., которые сами по себе представляют прочную интеллектуальную основу для ведения информационной войны. По своим функциям математики могут сосредоточиться на разработке алгоритмов, необходимых для производства программного обеспечения, а ученые и теоретики – на выработке инновационных подходов к изучению информационной войны, используя свой диалектический метод. Китайцы прекрасно играют в го, и могут формулировать стратегические концепции, просчитывая вперед свои ходы и ходы противника. Эти вопросы в гораздо меньшей степени освещаются в тех обществах, которые уверены в неизбежности прочного мира.

Кроме того, китайские специалисты уделяют много времени *мягким* и *асимметричным* подходам для сдерживания потенциальной внешней угрозы информационной войны. Эти исследования сосредоточены на методах воздействия на структуры командования и управления и тактике борьбы с разведкой и крылатыми ракетами противника. Это было четко видно из примеров анализа косовских событий китайскими военными. Способность сербов поддерживать мобильность своих комплексов ПВО и внезапно включать/выключать радары на короткий промежуток времени – это те виды асимметричного ответа, которые заметно снизили потери сербов от американских ударов.

Китайские военные также постепенно накапливают опыт и знания, изучая влияние информационной войны на военное искусство и когнитивные аспекты информационной войны. Китайские аналитики исследуют способы воздействия на ценности, эмоции и

убеждения целевых аудиторий, уделяют много внимания традиционной теории психологической войны, но уже с точки зрения концепций информационной войны.

Таким образом, американским военным, которые строят свои теории на информационном превосходстве, доминантном маневрировании, дигитализации и информационной уверенности, следовало бы изучить китайские методы ведения информационной войны. Подобное исследование позволило бы приоткрыть те слабости американской системы ведения информационной войны, которые могут быть видны лишь сквозь иную идеологическую призму. Самой большой ошибкой США стал бы самостоятельный анализ ошибок без учета зарубежных подходов (в частности, диалектики). Как говорят китайцы, побежденными в информационной войне станут не только те, у кого отсталая технология, но и те, кто не обладает командным мышлением и возможностью реализовывать стратегию. Поэтому американское интеллектуальное сообщество должно анализировать стратегию и тактику информационной войны с разных точек зрения, а не только с эмпирической американской точки зрения.■

¹Краеугольным камнем оперативной теории информационной войны для некоторых китайских теоретиков являются целостность и устойчивость инфраструктуры для выполнения этих функций. Устойчивость инфраструктуры более важна, чем выживаемость частей и подразделений. См.: Wang Jianghuai, Lin Dong. Viewing Our Army's Quality Building from the Perspective of What Information Warfare Demands. *Beijing Jiefangjun Bao*, 3 March 1998, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 16 March 1998.

²Shen Weiguang. Focus of Contemporary World Military Revolution – Introduction to research in IW. *Jiefangjun Bao*, 7 November 1995, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-95-239, 13 December 1995, pp. 22-27

³Ibid.

⁴Bill Gertz. Hackers Linked to China Stole Documents from Los Alamos. *Washington Times*, 3 August 2000, p.1

⁵Wang Jianghuai, Lin Dong. Viewing Our Army's Quality Building from the Perspective of What Information Warfare Demands. *Beijing Jiefangjun Bao*, 3 March 1998, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 16 March 1998.

⁶Shen Weiguang. Checking Information Warfare-Epoch Mission of Intellectual Military. *Jiefangjun Bao*, 2 February 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 17 February 1999.

⁷Li Yinnina. In: Huang Youfu, Zhang Bibo, Hang Song. New Subjects of Study Brought about by Information War – Summary of Army Command Academy Seminar on 'Confrontation of Command on Information Battlefield. *Jiefangjun Bao*, 11 November 1997, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-97-354, insert date 23 December 1997.

⁸Hai Lung, Chang Feng. Chinese Military Studies Information Warfare. *Kuang Chiao Ching* (Hong Kong), 16 January, 1996, No.280, pp.22, 23, as translated and published by FBIS-CHI-96-035, 21 February 1996, pp.33, 34

⁹Wang Pufeng. Meeting the Challenge of Information Warfare. *Zhongguo Junshi Kexue* (China Military Science), 20 February 1995, No.1, pp.8–18, as translated and reported in FBIS-CHI-95-129, 6 July 1995, pp.29, 30

¹⁰Wei Jincheng. New Form of People's Warfare. *Jiefangjun Bao*, 11 June 1996, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-96-159, insert date 16 August 1996.

¹¹Shen Weiguang. Focus of Contemporary World Military Revolution – Introduction to research in IW. *Jiefangjun Bao*, 7 November 1995, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-95-239, 13 December 1995, pp. 22-27

¹²Wang Xiaodong. Special Means of Warfare in the Information Age: Strategic Information Warfare. *Jianchuan Zhishi*, 30 June 1999, as translated and downloaded from the FBIS web site on 27 July 1999.

¹³Shen Weiguang. Checking Information Warfare-Epoch Mission of Intellectual Military. *Jiefangjun Bao*, 2 February 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 17 February 1999.

¹⁴Yang Shuqi, Guo Ruobing. [no title provided]. *Beijing Zhongguo Guofang Keji X*, September-December 1996, No.5/6, pp.90–93, as translated and reported in FBIS-CHI-98-029, insert date 30 January 1998.

¹⁵Ibid.

¹⁶*China National Defense News*, 24 January 2000; по электронной почте от Уильяма Белка, который возглавляет группу американских резервистов, занимающихся китайскими исследованиями.

¹⁷Xu Jiwu, Xiao Xinmin. Civil Networks Used in War. *Beijing Jiefangjun Bao* (Internet version-www) in Chinese, 1 July 2000, p.2, as translated and downloaded by FBIS on 3 July 2000.

¹⁸*China National Defense News*, 15 December 1999, p.1, по электронной почте от Уильяма Белка.

¹⁹*Qianjin Bao*, 10 December 1999, по электронной почте от Уильяма Белка.

²⁰*China National Defense News*, 26 January 2000, по электронной почте от Уильяма Белка.

²¹PRC Army Pays Attention to the Role of Network Warfare. *Zhongguo Tonxun She* (Hong Kong), 0947 GMT, 6 August 2000, as translated and downloaded from the FBIS web site on 6 August 2000.

²²Эта стратегия и понятия были загружены с сайта www.chinastrategies.com, а интерпретация в свете информационной эпохи дана самим автором.

²³Qi Jianguo. Thought on Internet War. *Beijing Jiefangjun Bao*, 16 May 2000, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 16 May 2000.

²⁴Zhang Guoyu. Symposium on Challenge of Knowledge Revolution for the Military. *Jiefangjun Bao*, 5 January 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 27 January 1999.

²⁵Shen Weiguang. Focus of Contemporary World Military Revolution – Introduction to research in IW. *Jiefangjun Bao*, 7 November 1995, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-95-239, 13 December 1995, pp.22–27

²⁶Li Yinnina. In: Huang Youfu, Zhang Bibo, and Hang Song. New Subjects of Study Brought about by Information War – Summary of Army Command Academy Seminar on ‘Confrontation of Command on Information Battlefield. *Jiefangjun Bao*, 11 November 1997, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-97-354, insert date 23 December 1997.

²⁷Cui Yonggui. In: Zhang Guoyu’s. Symposium on Challenge of Knowledge Revolution for the Military. *Jiefangjun Bao*, 5 January 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS website on 27 January 1999.

²⁸Leng Bingling, Wang Yulin, Zhao Wenxiang. Bringing Internet Warfare into the Military System is of Equal Significance with Land, Sea, and Air Power. *Beijing Jiefangjun Bao*, 11 November 1997, p.7, as translated and downloaded from the FBIS web site on 11 November 1999.

²⁹Ibid.

³⁰Ibid.

³¹Hai Lung, Chang Feng. Chinese Military Studies Information Warfare. *Kuang Chiao Ching* (Hong Kong), 16 January, 1996, No.280, pp.22, 23, as translated and published by FBIS-CHI-96-035, 21 February 1996, pp.33, 34

³²Wang Huying. Exploring and Analyzing Characteristics of Information Warfare. *Jiefangjun Bao*, 30 January 1996, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-96-030, 13 February 1996, pp.21, 22

³³Su Enze. Logical Concept of Information Warfare. *Jiefangjun Bao*, 11 June 1996, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-96-135, insert date 15 July 1996.

³⁴Shen Weiguang. Checking Information Warfare-Epoch Mission of Intellectual Military. *Jiefangjun Bao*, 2 February 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 17 February 1999. Shen Weiguang. Checking Information Warfare-Epoch Mission of Intellectual Military. *Jiefangjun Bao*, 2 February 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 17 February 1999.

³⁵Wang Baocun. New Military Revolution in the World, ‘Subduing Enemy Force without Battle’ and Informationized Warfare. *Zhongguo Junshi Kexue*, 4 May 1999, pp.60–63, as translated and downloaded from the FBIS web site on 23 August 1999.

³⁶Joint Pub 3-13, Joint Doctrine for Information Operations, 9 October 1998, p.1–9

³⁷Ibid., p.1–11

³⁸Shen Weiguang. [no title provided]. *Beijing Zhongguo Guofang Keji X*, September-December 1996, No.5/6, pp.87–89, as translated and reported in FBIS-CHI-98-029, insert date 30 January 1998.

³⁹Yang Shuqi, Guo Ruobing. [no title provided]. *Beijing Zhongguo Guofang Keji X*, September-December 1996, No.5/6, pp.90–93, as translated and reported in FBIS-CHI-98-029, insert date 30 January 1998.

⁴⁰Liang Zhexing. [no title offered]. *Beijing Zhongguo Dianzi Bao (China Electronics News)*, speech presented 15 September 1997 but printed on 24 October 1998, as translated and reported in FBIS-CHI-98-012, insert date 13 January 1998.

⁴¹Wang Baocun. A Preliminary Analysis of IW. *Beijing Zhongguo Junshi Kexue*, No.4, 20 November 1997, pp.102–111, as translated and downloaded from the FBIS web site on 20 November 1997.

⁴²Wang Jianghuai, Lin Dong. Viewing Our Army’s Quality Building from the Perspective of What Information Warfare Demands. *Beijing Jiefangjun Bao*, 3 March 1998, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 16 March 1998.

⁴³Shen Weiguang. Checking Information Warfare-Epoch Mission of Intellectual Military. *Jiefangjun Bao*, 2 February 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 17 February 1999.

- ⁴⁴Yuan Banggen. On IW, Digital Battlefields. *Beijing Zhongguo Junshi Kexue*, 20 February 1999, pp.46–51, as translated and downloaded from the FBIS web site on 17 July 1999.
- ⁴⁵Ibid.
- ⁴⁶Xie Guang. Wars under High Tech. *Beijing Renmin Ribao*, 27 December 1999, p.7, as translated and downloaded from the FBIS web page on 30 January 1999.
- ⁴⁷Wang Pufeng. [no title provided]. *Hsien-Tai Chun-Shih (Conmilit)* (Hong Kong), 11 April 2000, pp.19–21, as translated and downloaded from the FBIS web site on 3 May 2000.
- ⁴⁸Ibid.
- ⁴⁹Ibid.
- ⁵⁰Ibid.
- ⁵¹Cui Yonggui. In: Zhang Guoyu's. Symposium on Challenge of Knowledge Revolution for the Military. *Jiefangjun Bao*, 5 January 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS website on 27 January 1999.
- ⁵²Qi Jianguo. Thought on Internet War. *Beijing Jiefangjun Bao*, 16 May 2000, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 16 May 2000.
- ⁵³Ibid.
- ⁵⁴Shen Weiguang. [no title provided]. *Beijing Zhongguo Guofang Keji X*, September-December 1996, No.5/6, pp.87–89, as translated and reported in FBIS-CHI-98-029, insert date 30 January 1998.
- ⁵⁵Wang Baocun. New Military Revolution in the World, 'Subduing Enemy Force without Battle' and Informationized Warfare. *Zhongguo Junshi Kexue*, 4 May 1999, pp.60–63, as translated and downloaded from the FBIS web site on 23 August 1999.
- ⁵⁶Yang Mingqing. Facing the Future Information War. *Jingji Cankao Bao*, 15 October 1999, p.5, as translated and downloaded from the FBIS web site on 29 November 1999.
- ⁵⁷Lei Yuanshen. New Breakthrough in the Study of Information Warfare. *Jiefangjun Bao*, 21 July 1998, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 12 August 1998.
- ⁵⁸Chinese Military Holds Training Course on Information War. *Beijing Xinhua*, 22 May 2000, as translated and downloaded from the FBIS web site on 22 May 2000.
- ⁵⁹University to Foster Talent for High-Tech Warfare. *Xinhua*, 17 November 1999, as translated and downloaded from the FBIS web site on 17 November 1999.
- ⁶⁰Ma Xiaochun. PLA Sets Up Four New Academies. *Beijing Xinhua*, 2 July 1999, as translated and downloaded from the FBIS web site on 7 July 1999.
- ⁶¹PLA Trains Personnel for Information Warfare. *Tai Yang Pao* (Hong Kong), 15 September 1999, p.A17, as translated and downloaded from the FBIS web site on 15 September 1999.
- ⁶²Guo Hao. Chinese Military Prepares to Fight Digital Warfare. *Kuang Chiao Ching* (Hong Kong), 16 March 2000, No.330 pp.19–21, as translated and downloaded from the FBIS web site on 16 March 2000.
- ⁶³Xi Qixin, Zhao Yongxin. Advancing Toward High Technology – High Ranking Military Cadres Attending a Hi-Tech Training Course. *Xinhua*, 13 June 1999, as translated and downloaded from the FBIS web site on 15 June 1999.
- ⁶⁴Zhang Zhenzhong, Chang Jianguo. Train Talented people at Different Levels for Information Warfare. *Jiefangjun Bao*, 2 February 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 10 February 1999.
- ⁶⁵Wang Wowen. PRC Senior Military Cadres Trained on High Technology. *Xinhua*, 11 April 2000, as translated and downloaded from the FBIS web site on 11 April 2000.
- ⁶⁶Shao Zijun. Says the Navy Engineering College is Aimed at Developing New Naval Military Talent. *Xinhua* (Hong Kong), 7 August 1999, as translated and downloaded from the FBIS web site on 26 August 1999.
- ⁶⁷Lei Zhuomin. Information Warfare and Training of Skilled Commanders. *Jiefangjun Bao*, 26 December 1995, p.6, as translated in FBIS document FBIS-CHI-96-036, 26 December 1995.
- ⁶⁸Cheng Bingwen. Let Training Lean Close to Information Warfare. *Jiefangjun Bao*, 12 November 1996, p.6, as translated and reported in FBIS-CHI-96-230, inserted on 29 November 1996.
- ⁶⁹Zhang Zhenzhong, Chang Jianguo. Train Talented people at Different Levels for Information Warfare. *Jiefangjun Bao*, 2 February 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 10 February 1999.
- ⁷⁰Ibid.
- ⁷¹Ibid.
- ⁷²Ibid.
- ⁷³Sun Haicheng, Yang Jie, Zhang Guoyu. Let Information Warfare Training Rule the Training Sites: Practice and Reflections from the First All-Army Collective Training Session for Division and Brigade Chiefs of Staff in Information Warfare Theory. *Jiefangjun Bao*, 13 July 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 8 August 1999.
- ⁷⁴Mao Xiaochun, Chen Hui. Chief of Staff Fu Quanyuou on High-tech Military Training. *Xinhua*, 0240 GMT, 16 October 1999, as

translated and downloaded from the FBIS web site on 16 October 1999.

⁷⁵Fan Changlong. Stand in the Forefront of the New Military Revolution in Deepening Troop training through Science and Technology. *Jiefangjun Bao*, 4 April 2000, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 6 April 2000.

⁷⁶Wang Baocun. Information Warfare in the Kosovo Conflict. *Beijing Jiefangjun Bao*, 25 May 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 23 June 1999.

⁷⁷Ibid.

⁷⁸Military Forum page. *Liberation Army Daily*, 27 July 1999, по электронной почте от Уильяма Белка, 1 June 2000.

⁷⁹Ibid.

⁸⁰Su Size. Kosovo War and New Military Theory. *Beijing Jiefangjun Bao*, 1 June 1996, as translated and downloaded from the FBIS web page on 1 July 1999.

⁸¹Jia Weidong. Asymmetrical War and Smart War – The Developing Trends of Future War from a Kosovo Perspective. *Beijing Jiefangjun Bao*, 17 April 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 10 May 1999.

⁸²Zhu Xiaoning. A Monopoly on the Asymmetrical Battlefield. *Beijing Jiefangjun Bao*, 23 November 1999, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 26 December 1999.

⁸³*Beijing Xinhua* (Hong Kong), 0527 GMT, 24 May 1999, as translated and downloaded from the FBIS web page on 26 May 1999.

⁸⁴Ibid.

⁸⁵Ibid.

⁸⁶*Beijing Xinhua*, 1508 GMT, 22 October 1997, as downloaded in translated form from the FBIS WebPages.

⁸⁷*Taiwan Central News*, 1057 GMT, 27 December 1997, as downloaded in translated form from the FBIS WebPages.

⁸⁸В июле 1999 года командование округа заявило, что создана первая автоматизированная система командования и управления. Система объединяет контрмеры в сфере командования, управления, разведки и связи и функции командования и управления в Гуанчжоу, что позволяет наземным, морским и воздушным силам осуществлять обмен информацией на уровне фронта, армии, дивизии и полка. Система «Бог полевых операций» сочетает процессы обработки информации, факсимильной передачи данных,

терминальной обработки данных и создание изображений по глобальной системе позиционирования. См.: Guangzhou Theater of Operation Builds Army's First Command Automation System. *Beijing Zhongguo Xinwen She*, 26 July 1999, as translated and downloaded from the FBIS web page on 10 August 1999.

⁸⁹*Beijing Xinhua*, 1148 GMT, 26 October 1998, as translated and downloaded from the FBIS web page.

⁹⁰Ren Yanjun, Zhang Jianjun. General Staff Department Holds All-Army Hi-Tech Training Exercise. *Beijing Jiefangjun Bao*, 2 October 1998, p.1, as translated and downloaded from the FBIS web pages.

⁹¹*Beijing Zhongguo Xinwen She*, 1309 GMT, 26 October 1998, as translated and downloaded from the FBIS web page on 3 November 1998.

⁹²*Beijing Zhongguo Xinwen She*, 1309 GMT, 26 October 1998, as translated and downloaded from the FBIS web page.

⁹³Yang Hong, Zhou Meng. Beijing Military Region Conducts Computer Exercise. *Beijing Jiefangjun Bao*, 8 November 1999, as translated and downloaded from the FBIS web site on 9 November 1999.

⁹⁴*Beijing Zhongguo Xinwen She*, 1339 GMT, 6 November 1999, as translated and downloaded from the FBIS web site on 9 November 1999.

⁹⁵*Beijing Xinhua*, 0905 GMT, 15 October 1999, as translated and downloaded from the FBIS web site on 15 October 1999.

⁹⁶Zhang Feng. The Chinese Armed Forces Advance toward the virtual Battlefield... *Beijing Jiefangjun Bao*, 24 November 1999, p.5, as translated and downloaded from the FBIS web site on 24 November 1999.

⁹⁷Xu Wenliang, Wan Yuan. Chengdu Military Region Conducts Long-Range Confrontational Exercises on Internet. *Beijing Jiefangjun Bao*, 10 July 2000, as translated and downloaded from the FBIS web site on 10 July 2000.

⁹⁸Yang Quansheng, Zhang Shusong, Wang Yongqing. Guangzhou Military Region Regiment Steps Up Capability to Fight Information Warfare. *Beijing Jiefangjun Bao*, 31 July 2000, p.2, as translated and downloaded from the FBIS web site on 31 July 2000.

⁹⁹Ibid.

¹⁰⁰Wang Jianghuai, Lin Dong. Viewing Our Army's Quality Building from the Perspective of What Information Warfare Demands. *Beijing Jiefangjun Bao*, 3 March 1998, p.6, as translated and downloaded from the FBIS web site on 16 March 1998.

Полемика**РАСШИРЕНИЕ НАТО: КАК ОБОЙТИ РОССИЮ?****Надежда Арбатова**

События 11 сентября потрясли не только Америку, но и весь мир, заставив по-новому посмотреть на угрозы постбиполярного мира и переосмыслить то, что делалось в сфере безопасности в последнее десятилетие. Сентябрьская трагедия со всей остротой поставила вопрос о международном сотрудничестве против терроризма, и прежде всего о сотрудничестве США и их союзников по НАТО с Россией.

Отношения между Россией и НАТО прошли несколько фаз после распада СССР – от короткого периода эйфории до взаимного разочарования и недоверия. Начиная с 1993 года, расширение Североатлантического Союза на Восток являлось квинтэссенцией фундаментальных расхождений между Россией и ведущими странами Запада по проблемам безопасности на евроатлантическом пространстве. В первую очередь это – вопросы адекватности НАТО, единственного военно-политического союза, оставшегося от времен *холодной войны*, постбиполярным реалиям и места России в формирующейся системе европейской безопасности.

Главной причиной расширения НАТО стало то, что на обломках глобальной биполярности, даже на самом продвинутом по части сотрудничества Европейском континенте, не было начато строительство новой системы безопасности, которая могла бы вобрать в себя современные отношения и соответствовать новым международным задачам. «Не было создано ничего, сравнимого по масштабу с Венским конгрессом, Версальской или Ялтинской системой, что пришло бы на смену прежнему разделению сфер влияния и взаимному устрашению. Это – главная проблема, стоящая перед Россией и великими державами»¹. Более того, поскольку не существовало единого мнения о границах Европы после краха коммунизма, проще всего было вернуться к традиционному определению Европы, проведя границу по западным рубежам бывшего СССР. Практическим воплощением нового передела Европы, оставшегося почти незамеченным, стало то, что посткоммунистическое пространство было поделено между двумя институтами безопасности: ОБСЕ стала

ответственной за постсоветские государства, НАТО – за страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Именно это разделение ответственности между Атлантическим союзом и ОБСЕ логически предопределило будущее расширение НАТО на Восток.

Для России решения о расширении НАТО на Восток стали концом начавшегося реформирования Атлантического альянса, его приспособления к новым вызовам безопасности после устранения угрозы глобального конфликта, поставившего под вопрос сам факт существования Атлантического союза в его прежнем виде. Обиды и подозрения России в отношении истинных целей расширения усугублялись противоречивостью политики руководства НАТО. Так, программа «Партнерство во имя мира» была первоначально предложена Москве как альтернатива расширению Альянса на Восток, и прежде всего поэтому была принята Россией. Позднее правила игры были изменены, результатом чего явились Мадридские решения. Точно так же, в период обсуждения первой волны расширения в 1994 году, отец-основатель этого процесса Лоуренс Иглбергер сказал, что всякий, кто думает о расширении НАТО на страны Балтии, нуждается в осмотре у психиатра, поскольку вступление балтийских стран в Атлантический союз создало бы серьезные проблемы в отношениях с Россией. Сегодня членство стран Балтии в НАТО рассматривается в конкретной плоскости.

Несомненно, внешняя политика России в отношении стран ЦВЕ после распада СССР не была безупречной. Российское руководство абсолютно проигнорировало необходимость установления новых взаимоотношений со своими бывшими союзниками по социалистическому лагерю, которых напугали распад Югославии и перспектива возникновения новых межэтнических конфликтов в соседних государствах. Россия ответственна и за то, что ее неудачи на пути демократических преобразований вновь породили у ее соседей чувства неуверенности и страха. Ей некого винить, кроме себя, за то, что не была своевременно сформулирована новая, реалистичная концепция европейской безопасности. И, наконец, начав первую

чеченскую войну, Москва дала повод государствам ЦВЕ использовать *непредсказуемость* России для скорейшего вступления в ряды НАТО. В то же время, несмотря на все ошибки, реально Россия не сделала ничего такого в отношении стран ЦВЕ, чтобы могло бы оправдать расширение НАТО.

Для НАТО эти решения означали в конечном счете победу традиционных взглядов на европейскую безопасность, несмотря на всю риторику о неделимости этой безопасности после краха биполярности, и по сути, неверия в демократическое будущее России, хотя официально руководство НАТО всегда отрицало антироссийскую направленность расширения Альянса на Восток. Формально расширение НАТО обосновывалось желанием самих стран Центральной и Восточной Европы примкнуть к евро-атлантическому партнерству, преодолением исторической несправедливости в отношении этих стран, оторванных от Европы в результате ее раскола на две системы. Не случайно расширение Европейского Союза и НАТО представлялись как два взаимодополняющих процесса, способствующих возвращению стран ЦВЕ в Европу.

Несомненно, расширение НАТО – следствие не только внешнеполитических коллизий, взаимного недоверия и разрыва в представлениях России и НАТО об угрозах безопасности. В большой степени это – результат глубокого внутреннего кризиса НАТО, вызванного фундаментальными изменениями в Европе после окончания биполярности, прежде всего необходимостью переосмыслить свою роль в Европе, определить новые цели и задачи. Принято считать, что окончание двустороннего противостояния затронуло главным образом страны и институты социалистической системы, в действительности же революционные изменения конца восьмидесятых – начала девяностых годов затронули все институты, созданные во времена *холодной войны*, особенно те, которые были воплощением двухполюсного мира. Организация Варшавского договора (ОВД) просто исчезла в ходе международной революции, охватившей Восточную Европу. НАТО пережила конец биполярности, но не смогла избежать глубокого кризиса своей идентичности.

НАТО создавалась как военный оборонительный союз Запада против угрозы с

Востока – СССР и ОВД. В условиях, расколотой на два враждебных лагеря, Европы угроза с Востока была главным фактором, цементирующим атлантическую солидарность. Распад ОВД и Советского Союза, появление независимой России, заявившей о готовности к демократическим преобразованиям, лишили НАТО прежнего и единственного врага. Несмотря на противоречивое развитие России после распада СССР, ошибки и просчеты российского руководства как во внутренней, так и во внешней политике, породившие на Западе опасения относительно непредсказуемости России, так называемый российский фактор не может играть ту же объединяющую роль, что и советская угроза, в обеспечении атлантической солидарности. Военная *весовая категория* России радикально изменилась в результате роспуска ОВД, распада СССР, беспрецедентного экономического упадка, финансового кризиса, а также принятия Россией на себя ряда международных обязательств². Если в 1988 году Варшавский договор располагал внушительным численным превосходством над НАТО по пяти основным категориям обычных сухопутных вооружений, то через десять лет сложилась обратная ситуация. Россия отстала от НАТО по всем основным категориям. Новое соотношение составило 1:1,5 по штурмовым вертолетам и 1:2,5 по танкам. Вступление трех центральноевропейских стран в НАТО в 1999 году еще больше увеличило этот разрыв, в частности по танкам почти в четыре раза (3,7:1). Все это происходит на фоне сокращения ядерного потенциала России. Как признают российские эксперты, при нынешнем уровне финансирования российские стратегические силы будут сокращены до уровня 1000 боеголовок³.

Другая традиционная цель НАТО – контроль над Германией – уже давно утратила свою актуальность. Вот уже более полувека Германия – демократическое и экономически процветающее государство, неотъемлемая часть объединяющейся Европы и один из моторов европейской интеграции. И даже если после объединения ФРГ и ГДР остаются вопросы о соответствии экономической мощи объединенной Германии ее политической роли в Европе, о жизнеспособности традиционной модели отношений между Германией и ее ближайшими западными партнерами – через признание политического лидерства Франции в ЕС и американского в НАТО, они несопоставимы с первоначальной задачей

Альянса на германском направлении и, строго говоря, лежат вне его компетенции.

Третья цель НАТО обеспечивать присутствие США в Европе, по мнению многих атлантистов в Европе, остается и по сей день самой актуальной задачей. Тем не менее, основанием американского присутствия США в Европе традиционно являлась зависимость последней от США в сфере безопасности. Устранение угрозы глобального конфликта ослабило эту зависимость и явилось катализатором европейской интеграции в сфере общей внешней политики и политики безопасности, а также общей европейской обороны. Оно обнажило глубинное противоречие между стратегическими целями европейской интеграции, подразумевающими независимость Европы от США в сфере безопасности, и атлантической солидарности, замешанной на зависимости европейских союзников от американской военной мощи.

Интеграционные процессы в области безопасности и обороны, остающиеся и по сей день самой сложной сферой жизнедеятельности ЕС, несомненно набирают скорость. На саммите ЕС в Кельне (июнь 1999 года) была принята стратегия, обеспечивающая выполнение Европейским Союзом так называемых *петербургских задач* миротворчества, урегулирования конфликтов и гуманитарных операций. Цель ЕС, сформулированная в Кельне, – способность членов Европейского Союза (как входящих в НАТО, так и не входящих в НАТО) осуществлять эти функции самостоятельно.

Формально Кельнский саммит не противоречит решениям Вашингтонской встречи стран НАТО, впервые признавшей, что могут быть ситуации, когда Европа имеет право действовать самостоятельно в соответствии со своими интересами. Тем не менее, интеграция ЕС в сфере европейской безопасности и обороны традиционно рассматривается Вашингтоном как попытки маргинализации роли США и НАТО в Европе. Дихотомия Европы, имеющей и европейское, и атлантическое измерение, нивелировалась в эпоху биполярности самым фактом существования СССР, сегодня же она является одной из острейших проблем в евроатлантическом партнерстве.

В вопросе о будущем американского присутствия в Европе важно учитывать и, появившиеся еще при Билле Клинтоне, изоляционистские настроения определенной

части американского истеблишмента и общественного мнения в пользу сокращения вовлеченности США в европейские дела. Президент Клинтон, известный как самый проевропейский президент США, сумел подавить и маргинализировать эти тенденции. При президенте Буше эти тенденции могут усилиться. Известно, что Джордж Буш был избран как сторонник сокращения американского присутствия на Балканах и смещения акцентов в американской политике в сторону *ближнего зарубежья* США. Несомненно, события 11 сентября внесли свои коррективы в планы новой администрации, однако, будущее внешнеполитическое развитие США будет зависеть от исхода антиталибской операции.

Утрата прежнего врага нанесла непоправимый ущерб НАТО в ее традиционной ипостаси военно-политического оборонительного союза, которая оказалась перед выбором – или возродить прежнюю угрозу в лице нынешней России, или прекратить существование. Существовал и другой путь – путь адаптации к новым условиям на евроатлантическом пространстве, радикального пересмотра прежних целей и задач и обретения новых функций применительно к тем вызовам, которые возникли после распада коммунистической системы, в первую очередь угроза этнорелигиозных конфликтов. Этот путь означал бы постепенную трансформацию НАТО в новую общеевропейскую организацию безопасности, которая, в отличие от ОБСЕ, располагала бы реальным военным потенциалом для предотвращения и урегулирования конфликтов, гуманитарных и спасательных операций. Однако и здесь главным вопросом был бы вопрос о России, без включения которой НАТО оставалась бы прежней организацией по сути, но без традиционной общей угрозы, мобилизующей союзников.

Расширение НАТО на Восток было выбрано как новая функция НАТО, которая должна была бы дать второе дыхание союзу, причем без радикальных перемен. Отношения с Россией формально были улажены (во всяком случае с точки зрения руководства НАТО) подписанием Основопологающего акта и созданием Постоянного совместного совета, не выдержавших первого серьезного испытания – Косовского кризиса.

Важно отметить и психологический аспект расширения НАТО. Поскольку расширение воспринималось Россией в штыки и неизменно

вызывало самую жесткую реакцию российской политической элиты, оно культивировало некий конфронтационный климат, который поддерживал НАТО в ее традиционном измерении. Сегодня, оглядываясь назад, можно со всей определенностью сказать, что отношения России с НАТО и Западом в целом, развивались в соответствии с логикой самооправдывающихся пророчеств. Рост антинаатовских настроений в России, с которыми приходилось считаться даже Борису Ельцину, время от времени раздражавшемуся гневными тирадами «Россия не допустит!» в адрес НАТО и Вашингтона, убеждал Запад в правильности выбранного пути. Откровенное же игнорирование руководством НАТО позиции России еще больше подливало масло в огонь взаимных подозрений.

Мадридские решения крайне негативно повлияли на представления российской политической элиты, а следовательно, на внешнеполитический курс России и ее политику в сфере безопасности. *Во-первых*, они усилили опасения России по поводу целей расширения НАТО. В России сложился политический консенсус относительно того, НАТО расширяется как военный союз против России. Недостаточно ясная и не подразумевающая никаких обязательств позиция НАТО по вопросу о размещении тактического ядерного оружия в Центральной Европе, о неразвертывании обычных вооруженных сил и военной инфраструктуры за пределами границ шестнадцати старых членов блока и о сохранении чисто консультативного статуса СПС России–НАТО лишь усиливали опасения России.

Во-вторых, Мадридские решения привели к тому, что Россия, в силу своего отставания от НАТО в обычных вооружениях, была вынуждена сделать больший упор на ядерное оружие. Перспектива приобретения Североатлантическим блоком почти троекратного превосходства и приближения границ Альянса к западным рубежам России, на расстояние порядка нескольких сотен километров от Московского военного округа, который превратился для России из зоны глубокого тыла в район передовой линии обороны, делало ядерное сдерживание единственной надеждой с точки зрения стратегического сообщества России. Катастрофическая нехватка финансовых ресурсов практически не оставляла России никакого иного выбора, кроме как обеспечивать свою безопасность перед лицом

растущего Североатлантического альянса преимущественно посредством ядерных сил. Как и НАТО в шестидесятые годы, Москва была вынуждена рассчитывать на ядерное оружие как средство сдерживания не только ядерной агрессии, но угрозы крупномасштабного применения обычных сил и вооружений.

В-третьих, Мадридские решения оказали негативное воздействие на перспективы российской военной реформы, став главным аргументом ее противников, а также практически на все сферы решений в области контроля над вооружениями, вырабатываемыми и принимаемыми структурами исполнительной и законодательной власти.

Из всех договоров и переговоров по контролю над вооружениями, процесс расширения НАТО напрямую повлиял лишь на ход переговоров по ДОВСЕ-2 (Договор об обычных вооруженных силах в Европе) и ратификацию Договора по открытому небу. С точки зрения России, заинтересованной в глубоких сокращениях существующего личного состава и вооружений, попадающих под договорные ограничения и у НАТО, и у РФ, компромиссы, предлагаемые НАТО в ходе переговоров (непревышение существующих коллективных потолков ДОВСЕ после вступления в НАТО трех новых членов; введение понятий территориальных и национальных квот на соответствующие силы и вооружения; повышение квот России на бронированные боевые машины, учитывая потребность в них в связи с ее внутренними конфликтами), являются полумерами, которые скорее приспособливают договор к расширению НАТО, чем радикально меняют военный баланс в Европе после окончания *холодной войны*.

Оценивая ситуацию в целом, можно заключить, что за счет создания определенного политического климата в России расширение НАТО косвенно отразилось и на решении других вопросов в области контроля над вооружениями и, в первую очередь, соответствующих финансовых вопросов. Общая стоимость выполнения договоров и соглашений по контролю над вооружениями в течение ближайших десяти лет (1996–2006 годы) оценивалась примерно в 15 млрд долл. Сталкиваясь с необходимостью сокращать расходы по другим статьям бюджета, Государственная Дума была вынуждена

искать дополнительные способы сэкономить средства. В этом смысле, процесс расширения НАТО являлся политическим поводом для урезания бюджетных расходов по контролю над вооружениями.

Несомненно, новой точкой отсчета не только в отношениях России и НАТО, но и в отношении России к расширению стал Косовский кризис и военная операция НАТО против Югославии. Авиаудары по Югославии по иронии судьбы стали первой акцией расширенного НАТО. «12 марта 1999 года идея, казавшаяся многим на Западе бессмысленной, бесперспективной и опасной, осуществилась: бывшие члены Организации Варшавского договора Польша, Чехия и Венгрия стали членами НАТО. Между тем, уже две недели спустя Североатлантический альянс, теперь уже в составе 19 государств, в нарушение Устава ООН и всего международно-правового порядка, совершил нападение на Союзную Республику Югославию»⁴. Натовские бомбардировки Югославии были восприняты российской политической элитой как ясные ответы на вопросы о задачах НАТО в Европе, действительных целях ее расширения и характере партнерства между НАТО и Россией, рассеяв иллюзии Москвы. «Стало ясно, что российская дипломатия и экспертно-политическое сообщество, до сих пор дебатировавшее частный вопрос расширения Альянса, упустили из виду формирование идеологии и стратегических планов куда более обширной и далеко идущей экспансии»⁵.

Операция НАТО в Косово вновь вызвала у России озабоченность относительно дальнейшего расширения НАТО на страны Балтии, что, в отличие от первого раунда расширения на страны ЦВЕ, означало бы непосредственное приближение НАТО к границам России. Опросы общественного мнения показали, что 53% российских граждан (из которых 61% имеет университетское образование) выражают опасения по этому поводу⁶.

Главные опасения российской политической элиты и военно-стратегического сообщества после югославской операции НАТО были связаны с возможностью повторения этого сценария в непосредственной близости от границ России или даже на территории Российской Федерации. Это привело к серьезной переоценке как Концепции национальной безопасности, так и Военной доктрины России, в которых был сделан еще

большой акцент на эффективное ядерное сдерживание с усилением стратегических и тактических ядерных сил.

Как указывалось в монографии «Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества»: «Операция НАТО еще раз подтвердила боевую эффективность и приоритетную роль воздушно-космических средств, позволяющих решить исход войны в свою пользу без вторжения наземных группировок. При этом вероятность применения сухопутных войск ставится в прямую зависимость от результатов ракетно-бомбовых ударов с воздуха [...], самая совершенная ПВО страны рано или поздно будет разрушена, если противник располагает превосходством в силах и не испытывает ограничений в наращивании своих группировок»⁷. Именно в этом контексте рассматривалось Москвой расширение НАТО на страны Балтии.

Военная интервенция НАТО против Югославии в значительной степени обесценила основополагающий акт между Россией и НАТО, который, несмотря на все претензии российской стороны, все же давал определенные гарантии того, что на территории государств – новых членов НАТО не будут развертываться дополнительные обычные и ядерные силы и вооружения. В связи с геостратегическим положением Эстонии, Латвии и Литвы, которых с территорией стран НАТО соединяет узкий коридор Сувалки (шириной 100 км), проходящий между границей Калининградской области и Беларусью, возникает вопрос о возможности выполнения взаимных обязательств об оказании военной помощи в соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора, если силы НАТО не будут постоянно развернуты на территории балтийских государств. С самого начала планов расширения НАТО это обстоятельство вызывало у России опасения относительно намерений НАТО в этом регионе. В ответ страны НАТО обвиняли российское руководство в *старом политическом мышлении*, в приверженности психологии *осажденной крепости*. Вместе с тем, на переговорах по адаптации ДОВСЕ НАТО, обладающая решающим военным превосходством в Европе, категорически отвергла саму идею радикальных сокращений вооружений и техники, попадающих под действие договора. Такая позиция стран НАТО, также несовместимая с новым политическим мышлением, лишь усиливала

наихудшие подозрения России. «Трудно представить себе сценарий какого-либо конфликта, оправдывающего необходимость таких колоссальных арсеналов, если этот сценарий не предполагает участие в таком конфликте России»⁸.

Если бы произошло развертывание сил НАТО в трех странах Балтии, это крайне дестабилизировало бы ситуацию. Сверхзвуковой самолет с ядерным оружием на борту, поднявшись с аэродрома в Латвии, сможет достигнуть Москвы за 15 минут, а Санкт-Петербурга – за несколько минут. В ответ на эти опасения западные эксперты говорили, что аргумент несостоятелен, поскольку и с территории Польши сверхзвуковой самолет с ядерным оружием на борту мог бы достичь Москвы и Санкт-Петербурга примерно за это же время. При всей внешней логичности этого возражения разница для России все-таки есть. Территория России отделена от Польши Беларусью, с которой Россия поддерживает совместную систему ПВО, то есть первый эшелон противовоздушной обороны вне территории России, страны Балтии же непосредственно граничат с Россией.

Иными словами, даже сама угроза развертывания сил НАТО на территории стран Балтии, в случае ухудшения отношений между НАТО и Россией, может заставить Москву в спешном порядке принять решение о наращивании военного потенциала в Калининградской области. «Такой анклав был бы крайне уязвимым в военном отношении, а преимущественно морские линии коммуникации с ним – ненадежными в случае нарастания напряженности. Уязвимость балтийского и калининградского плацдармов может воспроизвести западноберлинский вариант противостояния, при котором ставка делается на упреждающие действия и эскалацию в случае возникновения кризиса»⁹. В случае же размещения тактического ядерного оружия НАТО на территории стран Балтии, вполне вероятно ответная реакция России в Калининграде, а может быть и в Беларуси. Усиление военного сотрудничества с Беларусью, которое дало бы России преимущества, вытекающие из важного геостратегического положения последней, рассматривалось российским военно-стратегическим сообществом в качестве возможного ответа на расширение НАТО на страны. Договор 1997 года о Российско-Белорусском союзе был в действительности первым шагом России в ответ на расширение

НАТО непосредственно до границ Беларуси и Калининградской области, открывшим путь к созданию двустороннего союза.

Что касается возможных союзников России в *дальнем* зарубежье, в результате югославского опыта НАТО помноженного на перспективу расширения на страны Балтии, в российской политической элите усилились настроения в пользу более тесных связей в военной области, если не военного союза, с Китаем. Напряженность, возникшая по разным причинам и в отношениях России с НАТО и США, и в отношениях Китая с Западом, объективно подталкивала и Москву, и Пекин к сближению, которое было уже продемонстрировано в период натовских бомбардировок против Югославии.

Многим западным дипломатам эта дилемма представлялась скорее блефом, политической игрой нежели серьезным выбором. Один из самых распространенных аргументов западных аналитиков – «этого не может быть, потому что Китай представляет значительно большую угрозу российским интересам, чем Запад» – исходит как из логики реальной политики, так и из опыта первой половины девяностых годов, не учитывающей всех драматических событий после решений о расширении НАТО и косовского кризиса. Несомненно, реалистический подход не может игнорировать историю советско-китайских отношений со всем грузом проблем, а также беспрецедентные темпы экономического роста Китая вместе с наращиванием его военного потенциала, что в будущем может сместить военный баланс в пользу Пекина. Однако прагматизм, возобладавший во внешней политике России после ее неудач на западном направлении и нацеленный на решение текущих задач, делает ставку на быстрое приобретение экономических и политических преимуществ и не учитывает ни прошлых стратегических просчетов Москвы в двусторонних отношениях, ни будущих проблем. Иными словами, в отсутствие реального участия России в формирующейся системе европейской безопасности, развитие международных отношений будет определяться балансом сил, поиском Москвой своих союзников.

Югославская операция НАТО была узаконена в Новой стратегической концепции НАТО, принятой Вашингтонским саммитом в апреле 1999 года. Как охарактеризовал ситуацию посол Александр Вершбоу, в тот период постоянный представитель США в Совете

НАТО, выступая с речью в Москве, «в Новой стратегической концепции НАТО делается акцент на усиление роли НАТО в урегулировании кризисов и восстановлении мира и стабильности в тех случаях, когда превентивные меры оказываются безрезультатными. Именно это НАТО делала в Боснии, начиная с 1995 года, и именно это является центральной задачей миссии KFOR в Косово»¹⁰. Поиск новой миссии, наряду с расширением зоны ответственности и состава союза, являлся попыткой преодолеть кризис идентичности НАТО, вдохнуть в нее второе дыхание, не решая главный вопрос – вопрос о России. Тем не менее, без решения этого вопроса невозможно выполнение новой миссии НАТО как организации безопасности, ответственной за предотвращение и урегулирование конфликтов на посткоммунистическом пространстве. Это наглядно продемонстрировала военная акция НАТО против Югославии, вызвавшая острейшую и самую опасную конфронтацию между Москвой и Вашингтоном, или, лучше сказать, между Россией и НАТО, со времен Берлинского и Карибского кризисов начала шестидесятих годов. Бомбардировки НАТО перенесли конфликт в совершенно иную плоскость. Они подняли локальный межэтнический конфликт до уровня международного политического и, потенциально, военного столкновения, грозящего выйти за пределы Балкан.

Балканский опыт НАТО, включая не только операцию против Югославии, но и миротворчество в Боснии и Косово, и операции по разоружению албанских боевиков, наглядно показывают, что НАТО не готова выполнять те новые миссии, на которые претендует. Миротворчество, так же как и принуждение к миру, немисливо без готовности военных, осуществляющих эти миссии, рисковать собственными жизнями в сухопутных операциях. Один из парадоксов НАТО состоит в том, что будучи самой сильной военной организацией, она не может эффективно осуществлять миротворческие функции непосредственно в зоне конфликтов. Как показала военная операция НАТО против Югославии, ВВС НАТО были не готовы рисковать на малой высоте, нанося удары с высоты 10 тыс. метров и увеличивая таким образом потери среди гражданского населения. О том же свидетельствует операция по разоружению группировки албанских боевиков в Македонии, которая превратилась в серьезную проблему для натовских миротворцев.

Неразрешенность фундаментального противоречия между Россией и НАТО остается главной темой и сегодня. Подтвердив преимущество ельцинской внешней политике на западном направлении (возобновление диалога с НАТО, ратификация договоров СНВ-2 и о запрещении ядерных испытаний), Кремль расширил диапазон своей внешнеполитической активности. Интенсивная дипломатия России *по всем азимутам* при президенте Владимире Путине создала на Западе впечатление, что российское руководство еще не определилось со своими внешнеполитическими приоритетами, приоткрыв двери всем партнерам, от ведущих стран Европы, США, Канады и Японии до Китая, Ливии и Габона. Это интерпретировалось политическими аналитиками и в России, и на Западе как новая версия евразийской дилеммы России: «Запад или Восток?» или, точнее, «Север или Юг?», на которую Кремль не спешил давать однозначный ответ. Между тем, сам Запад был в большой степени причиной этой возникшей дилеммы. Владимир Путин был востребован большинством российского общества в качестве *сильной руки* как альтернатива Борису Ельцину, ответственному за многочисленные внешнеполитические провалы России на западном направлении. Всячески поддерживая на словах курс России на сотрудничество с Западом, и США, и их союзники в Европе не были готовы пересмотреть ни одну из своих позиций по основным проблемам безопасности. Напротив, эти проблемы дополнились обострением российско-американских отношений по договору о ПРО в связи с угрозой выхода США из этого договора. Что касается расширения НАТО на страны Балтии, то многочисленные заявления российского президента во время его встреч с лидерами европейских стран и США о том, что Россия не может приветствовать этот процесс, оставаясь в изоляции, фактически остались без ответа. Руководство Альянса и США ограничивалось общими благими рассуждениями о том, что Россия и НАТО больше не являются врагами, приветствуя формальное возобновление диалога между ними.

События 11 сентября поставили российское руководство перед необходимостью дать четкий ответ на главную дилемму внешней политики России. И этот ответ был дан со всей определенностью: Россия поддержала США не только морально и политически, но и обязательством практического сотрудничества в сфере обмена разведывательной информацией, участия в спасательных и

гуманитарных операциях. К удивлению многих политических аналитиков президент Путин пошел гораздо дальше того, что от него ожидали и в России, и на Западе, заявив, что параметры российского участия могли бы быть еще шире при определенных условиях. Этими условиями могли бы стать действительно союзнические отношения между Россией, с одной стороны, и США и их европейскими партнерами по НАТО, с другой стороны. Такие отношения предусматривают и равноправное участие в военных операциях против талибов, и гарантии безопасности России со стороны участников антитеррористической коалиции.

Несомненно, удары по талибам отвечают интересам безопасности России: «Если будет погашен очаг напряженности на Среднем Востоке, то это надолго обезопасит южные рубежи Содружества и РФ. Из анархического, погрузившегося в пучину кровавых междоусобных войн Афганистана, прекратится поток боевиков и оружия в Чечню и другие горячие точки СНГ. Серьезный удар будет нанесен и по наркоторговле»¹¹. Однако высшее руководство России рассматривает антиталибскую коалицию в более широком контексте – как возможность качественным образом изменить отношения между Россией и США/НАТО. Находясь на саммите Россия–ЕС в Брюсселе в октябре 2001 года, президент Путин сделал несколько важных заявлений по поводу расширения НАТО. Он сказал о том, что угроза международного терроризма показала ошибочность курса НАТО, направленного на расширение. Трудно не согласиться с этим замечанием. Все последние годы руководство НАТО сознательно шло на обострение отношений с Россией, игнорируя ее позицию по расширению. Между тем, перед лицом новой угрозы, которой ни США, ни европейские страны не смогут противостоять самостоятельно, именно Россия оказалась ключевым партнером, от участия (или неучастия) которой будут зависеть как исход данной антитеррористической операции, так и противодействие угрозе терроризма в целом. Потенциальные же члены НАТО, являющиеся *яблоком раздора*, в этом смысле не дадут Альянсу ничего, кроме новой напряженности в отношениях России и НАТО. Другое заявление Владимира Путина содержало конкретное предложение НАТО «расширить расширение» НАТО на Россию, что в корне изменило бы российскую позицию по этому вопросу¹². Гипотетически, даже начало переговоров между НАТО и Россией о сроках и условиях возможного членства или других

формах ее участия в структурах Альянса решило бы проблему расширения на страны Балтии в ее нынешнем виде. Реакция руководства НАТО, несмотря на всю остроту момента, мало чем отличалась от его прежней позиции. Помимо общей позитивной оценки позиции России, было решено создать еще один орган для рассмотрения вопросов «углубления и расширения отношений» между Россией и Альянсом. По главному же вопросу – о возможном включении России в процесс расширения НАТО не было сказано ничего конкретного. В связи с этим очень показательна статья генерального секретаря НАТО, написанная специально для российского читателя и опубликованная в *Независимой Газете*. В ней содержится несколько важных положений, которые, по всей видимости, и определяют истинное отношение к сотрудничеству с Россией. *Во-первых*, НАТО не рассматривает Россию в качестве потенциального полноправного партнера: «Мы должны объединить усилия национальных правительств и других международных организаций, использовать механизм сотрудничества, заложенный в Учредительном акте НАТО–Россия, для того, чтобы гарантировать то, что мы будем вместе бороться и что совместно мы выиграем это сражение. Союзники не скоро забудут о том, что в этой критической схватке Россия стояла на нашей стороне»¹³. *Во-вторых*, НАТО не рассматривает Россию как европейскую страну (тезис, практически напрямую заимствованный у российских националистов, сторонников особого евразийского пути развития для России): «У России – особая роль в мире. История, политика и географическое положение помещают страну на пересечении нескольких стратегически и жизненно важных регионов, которые еще должны достичь стабильности и процветания...»¹⁴. *В-третьих*, НАТО не собирается пересматривать или замораживать процесс расширения на страны Балтии. Продвижение мощной, стабильной Европы на запад России может только обеспечить для России безопасность на длительный период времени. «Если кто-то в этом сомневается, ему только нужно исследовать позитивное развитие двусторонних отношений между Россией и тремя новейшими членами Альянса, включая и их присоединение к Вашингтонскому договору»¹⁵. В этом тезисе «расширение НАТО» заменено на «продвижение Европы», что ставит знак равенства между процессами расширения ЕС и НАТО, которые в России, в отличие от Запада, воспринимаются как прямо противоположные. Россия рассматривает

необходимость воссоединения стран ЦВЕ с Западной Европой только лишь через призму европейской интеграции. Несмотря на все трудности, которые возникнут и уже возникают для России в процессе расширения ЕС, в целом в российской политической элите сложился консенсус о том, что этот процесс в перспективе будет действительно способствовать расширению зоны стабильности и безопасности в Европе и отвечает национальным интересам России. В то время как расширение НАТО – это политика, которая может укрепить безопасность нескольких вновь присоединившихся к Альянсу государств, но ценой повторного раздела континента на западную и российскую сферы влияния. Иными словами, статья Генерального секретаря НАТО лишь подтверждает, что позиция Альянса после 11 сентября при всей внешней благожелательности в отношении России не претерпела кардинальных изменений. Изменения лишь в форме. Если раньше руководство НАТО откровенно игнорировало российскую позицию по расширению, то теперь оно задается вопросом: «как незаметно и необидно обойти Россию».

Причиной тому, по мнению американского политолога Айры Страуса, является вопрос о влиянии России на решения НАТО: «Чего действительно боится НАТО, так это того, что Россия получит право вето, и будет пользоваться им для того, чтобы сделать невозможным любое решение, которое будет необходимо НАТО»¹⁶. Айра Страус дает конкретные рекомендации относительно того, как преодолеть эту проблему, например, найти промежуточные формы участия между *голосом* и *вето* – можно принять формулу *консенсус минус один*, можно установить любой *порог*, необходимый для голосования и принятия решений, – 90%, 75% или 50% и другие. «Проблема не в отсутствии этих промежуточных форм участия, а в отсутствии серьезного подхода к этим проблемам и у России, и у НАТО», – заключает американский политолог¹⁷.

Представляется, что отсутствие серьезного подхода у НАТО связано с более фундаментальными причинами. Гипотетическое членство России в НАТО коренным образом изменило бы саму организацию и дало бы ей новую жизнь. Однако, парадокс состоит в том, что НАТО, несмотря на глубокий внутренний кризис, не может оторваться от своих старых корней.

Существует и другой парадокс. *С одной стороны*, военная мощь НАТО в условиях продолжающейся экспансии союза воспринимается странами, остающимися за рамками расширения, как угроза их национальной безопасности. *С другой стороны*, одной этой военной мощи недостаточно для выполнения новых миссий, которые превратили бы НАТО в общеевропейскую организацию безопасности.

Третий парадокс связан с ролью США в НАТО. *С одной стороны*, США крайне болезненно относятся к любым изменениям в НАТО, которые могут затронуть лидирующую роль Вашингтона в Альянсе (в этом смысле членство России в НАТО воспринималось бы как прямой вызов США). *С другой стороны*, возможная переориентация приоритетов США в сфере безопасности после 11 сентября может привести к постепенному сокращению американских обязательств в Европе и очень *селективному реагированию* руководства США на нужды европейской безопасности.

Многое в отношениях России и НАТО будет зависеть от того, как Россия, США и их европейские партнеры выйдут из антиталибской коалиции: как союзники или как оппоненты.

С другой стороны, прорыв в отношениях России и НАТО в большой степени способствовал бы тому, что антиталибская коалиция превратилась бы в реальную антитеррористическую коалицию. Однако, этот прорыв должен быть сделан до нового расширения НАТО на страны Балтии. Угроза международного терроризма обязывает Запад выбрать правильное решение.■

¹Арбатов Алексей. Российская национальная идея и внешняя политика. Научные доклады, №53, Московский Общественный научный Фонд Москва, 1998, с.51

²См.: Загорский А.В. (Ред.). Безопасность России: XXI век. М., Права человека, 2000, с.49

³Там же, с.49, 52

⁴Тренин Дмитрий. (Ред.). Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век. М., S&P, 2000, с.102

⁵Там же.

⁶Чрезвычайно симптоматичным является тот факт, что после косовских событий сторонники основной демократической партии в Государственной Думе, *Яблока*, заняли более жесткую позицию в отношении НАТО и ее планов расширения на Восток, нежели

приверженцы Коммунистической партии. Опросы свидетельствуют, что 82% электората *Яблока* (75% электората коммунистов) дали положительный ответ на вопрос: «Представляет ли расширение НАТО на Восток угрозу России?». 30% избирателей *Яблока* (28% электората коммунистов) считают, что Россия должна предотвратить расширение НАТО любыми политическими и дипломатическими средствами. 26% электората *Яблока* (23% электората коммунистов) полагают, что Россия должна увеличить свой военный потенциал, чтобы иметь возможность противостоять угрозе со стороны НАТО. 19% сторонников *Яблока* (17% коммунистического электората) считают, что Россия должна заключить оборонительный союз с теми странами, которые не являются членами НАТО. См.: Арбатов Алексей. *Безопасность: российский выбор*. М., ЭПИцентр, 1999, с.200.

⁷Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001, с.260

⁸См.: Загорский А.В. (Ред.). *Безопасность России: XXI век*. М., Права человека, 2000, с.53

⁹Там же, с.71

¹⁰Посол Александр Вершбоу, Постоянный представитель США в Совете Североатлантического договора. Выступление в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО), 28 октября 1999

¹¹Ходоренок Михаил. Россия делает стратегический выбор. *Независимое Военное Обозрение*, 21–27 сентября 2001, с.1

¹²Jones Gareth. Putin Soften Stance on NATO. *Moscow Times*, 4 October 2001, p.1

¹³Робертсон Джордж. После 11 сентября: чего следует ожидать НАТО и России? *Независимое Военное Обозрение*, 26 октября – 1 ноября 2001, с.1

¹⁴Там же.

¹⁵Там же.

¹⁶Straus Ira. Russia in NATO? It Can be Done. *Moscow Times*, 4 October 2001, p.8

¹⁷Там же.

Вышли в свет в октябре–декабре 2001 года

- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. №21. Ноябрь 2001. В номере: Вадим Козюлин. «Миноритарные рынки российского вооружения: коммерческие проекты или формирование геополитических заделов?» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. №22. Ноябрь 2001. В номере: Дмитрий Евстафьев. «Новые отношения России и США: визит российского президента в США в контексте новых геополитических реалий» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. №23. Декабрь 2001. В номере: Дмитрий Ковчегин. «Частная собственность в ядерной энергетике: интересы государства и бизнеса совпадают» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. №24. Декабрь 2001. В номере: Николай Силаев. «Транспортные коридоры в Евразии: какие поправки внесет мировой экономический кризис» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.

См. также с.9

Страницы истории

*В декабре 2001 года завершилось выполнение Россией и США основных обязательств по договору СНВ-1 – о сокращении стратегических наступательных вооружений до уровня 6000 ядерных боезарядов и 1600 единиц средств доставки для каждой из сторон. По просьбе редакции глава делегации СССР на переговорах посол **Юрий Константинович Назаркин** делится своими воспоминаниями и оценками хода и результатов этих переговоров.*

**ДОГОВОР О СОКРАЩЕНИИ И ОГРАНИЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ**

31 июля 1991 года во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца президент СССР М.С. Горбачев и президент США Дж. Буш подписали Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Эта церемония завершила переговоры, которые были начаты 12 марта 1985 года¹.

Ратификация договора состоялась 4 ноября 1992 года, то есть уже после драматических событий, приведших к распаду Советского Союза. Закон о ратификации² предусматривал, что обмен ратификационными грамотами должен был состояться после присоединения Белоруссии, Казахстана и Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и после достижения ими с Россией договоренностей о порядке выполнения договора СНВ. 5 декабря 1994 года, когда Украина последней ратифицировала ДНЯО, договор по СНВ вступил в силу.

Договор представляет собой объемистый комплекс документов, куда помимо текста собственно договора входят согласованные заявления, Меморандум об исходных данных, протоколы об инспекциях, о ликвидации или переоборудовании, об уведомлениях, о забрасываемом весе баллистических ракет, о телеметрической информации, приложения «Согласованные заявления» и «Термины и их определения». Вместе с односторонними заявлениями и письмами, которыми стороны обменивались по ходу переговоров по конкретным вопросам, требовавшим уточнения, весь этот комплекс составляет более 900 страниц³.

Наиболее важные, принципиальные вопросы, связанные с подготовкой договора, рассматривались на шести встречах на высшем уровне (в Женеве – 1985 год, Рейкьявике – 1986 год, Вашингтоне –

1987 год, Москве – 1988 год, Мальте – 1989 год и Вашингтоне – 1990 год) и на около двух десятках встреч министров иностранных дел.

Договор позволил обеим сторонам сократить за семь лет свои арсеналы ядерных стратегических вооружений примерно на 35–40%. Он создал тщательно разработанную инфраструктуру для последующих сокращений: эффективную систему контроля, процедуры ликвидации и конверсии, методику сбалансированного учета асимметричных по составу и структуре стратегических триад обеих сторон, четкие юридические определения терминов. В ходе переговоров двумя делегациями был подготовлен проект заявления на высшем уровне относительно дальнейших переговоров по ядерным и космическим вооружениям, который был принят президентами СССР и США в ходе встречи на высшем уровне 1 июня 1990 года. Это заявление определяло цели и принципы будущих сокращений.

Содержанию договора и его анализу посвящено достаточно много публикаций. Весьма авторитетным источником является, в частности, книга генерал-полковника Н.Ф. Червова, который, занимая должность начальника Договорно-правового управления Генерального штаба, активно участвовал в разработке позиций на переговорах по ограничению и сокращению вооружений, в том числе СНВ⁴. Однако значительно менее известно о самих переговорах: какие трудности на них возникали и каким образом они преодолевались, какое место они занимали в политическом контексте своего времени? Восполнить, хотя бы частично, этот пробел – задача настоящих воспоминаний.

Их формат не позволяет, к сожалению, рассказать о всех проблемах, которые рассматривались и решались на переговорах.

Некоторые из обойденных вопросов заслуживают хотя бы упоминания. Это, прежде всего, проблемы крылатых ракет морского базирования (КРМБ) и *возвратного потенциала*. Первая проблема была решена вне текста договора. Вторая – в тексте. Его положения достаточно надежно препятствуют увеличению числа ядерных боезарядов в случае выхода одной из сторон из договора.

СНВ–ПРО

Самая главная проблема, которая возникла с самого начала переговоров и висела над ними дамокловым мечом, заключалась в различных подходах сторон к взаимосвязи между договором по СНВ и договором по ПРО. Эта проблема остро обсуждалась на встрече М.С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом в Женеве (19–21 ноября 1985 года). Она же оказалась роковой на их встрече в Рейкьявике (11–12 октября 1986 года), где стороны были близки к принципиальной договоренности, но, разойдясь по этой проблеме, не смогли такую договоренность зафиксировать. На следующей, вашингтонской встрече (7–10 декабря 1987 года), стороны достигли *словесного* компромисса, но, отнюдь, не договоренности по существу (см. ниже). Вопрос о взаимосвязи наступательных и оборонительных стратегических вооружений остро стоит и в настоящее время, в связи с намерением США развернуть стратегическую систему ПРО, что запрещено договором по ПРО.

Суть разногласий заключалась в следующем.

Советская сторона исходила из неразрывной связи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, справедливо считая, что стратегический баланс сил между ними определяется и теми, и другими. До 1983 года и американская сторона придерживалась такой же позиции.

Однако позиция США изменилась после того, как в марте 1983 года президент США Рейган выступил со «Стратегической оборонной инициативой» (СОИ). Идея ракетонепробиваемого щита довольно скоро была скорректирована. Когда в январе 1989 года президентом стал Дж. Буш, он трансформировал СОИ в значительно более скромную программу – «Глобальную защиту от ограниченных ударов» (ГЗОУ). Теперь речь пошла о перехвате не более 200 боеголовок. Тем не менее, создание оборонительной стратегической системы даже ограниченного характера, несомненно, повлияло бы на

стратегическое соотношение сил, так как такая система нейтрализовала бы какую-то часть межконтинентальных баллистических ракет другой стороны.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны, заключенный между СССР и США в 1972 году, был основным международно-правовым препятствием на пути осуществления как СОИ, так и ГЗОУ: его главным положением является запрет на развертывание системы ПРО для защиты территории своей страны и на создание базы для такой обороны. Конечно, США могли выйти из этого договора. С чисто юридической точки зрения проблем не было: им надо было лишь уведомить другую сторону о принятом решении за шесть месяцев до выхода и представить соответствующие обоснования. Такая возможность предусматривается договором по ПРО в статье XV.

Советская сторона с самого начала переговоров по СНВ поставила вопрос о том, чтобы СССР и США приняли на себя обязательство не пользоваться этим правом на выход из договора по ПРО в течение пятнадцати лет. В Рейкьявике в октябре 1986 года во время встречи президентов СССР и США советская сторона, стремясь найти компромиссное решение, сократила этот срок до 10 лет. Как уже упоминалось выше, несогласие американской стороны с этим предложением заблокировало договоренность по всему комплексу военно-политических вопросов.

Другим камнем преткновения была попытка США дать так называемое *широкое толкование* договору по ПРО, которое позволило бы им проводить внелабораторные разработки и испытания в порядке подготовки к развертыванию запрещенной договором оборонительной системы. Советский Союз отвергал такое толкование как неправомерное.

На вашингтонской встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана в декабре 1987 года, проходившей в эйфорической атмосфере (*Горби* был в зените своей зарубежной популярности), удалось согласовать для совместного заявления несколько положений, касавшихся договора по ПРО. Это был шедевр иллюзорного компромисса, когда с помощью чисто словесных ухищрений совмещается несовместимое, без изменения первоначальных позиций, и стороны толкуют согласованные компромиссные формулировки в соответствии с этими позициями. Вот

основная часть этого пассажа: «С учетом подготовки договора по СНВ, руководители двух стран поручили также своим делегациям в Женеве выработать договоренность, которая обязала бы стороны соблюдать договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 году, в процессе осуществления исследований, разработок и при необходимости испытаний, которые разрешаются по договору по ПРО, и не выходить из договора по ПРО в течение согласованного срока»⁵.

Советская сторона толковала эту формулу как подтверждение обязательства соблюдать договор по ПРО в его неизменном виде, исключая проведение внелабораторных разработок и испытаний, связанных с ПРО, а американская сторона вкладывала в нее смысл, согласно своему *широкому толкованию* договора по ПРО, в соответствии с которым они могли бы проводить разработки и испытания, запрещенные этим договором. Такие диаметрально противоположные толкования сохраняли существовавший тупик. Кроме того, отодвигался вопрос и о сроке, в течение которого стороны обязались бы не выходить из договора по ПРО. Смысл формулы заключался лишь в том, что она, создавая иллюзию договоренности, как бы оправдывала целесообразность продолжения переговоров.

Требования советской стороны о юридическом фиксировании объективно существующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями были справедливы, но не реалистичны ввиду той силы политической инерции, которую набрала в США программа ПРО (СОИ, а затем – ГЗОУ). Более эффективным путем противодействия этой программе, а, следовательно, новому витку гонки вооружений, было заключение договора по СНВ – при снятии требования о его юридической увязке с договором по ПРО. Но к этому мы пришли позже.

А пока на переговорах каждая из сторон продолжала свою линию. Советская сторона положила на стол переговоров проект «договора о соблюдении договора по ПРО и невыходе из него в течение согласованного срока», а американская – проект «соглашения о некоторых мерах, содействующих переходу на основе сотрудничества к развертыванию будущей обороны против баллистических ракет». И хотя и в советском, и в американском документах речь шла о невыходе из договора по ПРО в течение

согласованного срока, сами заголовки документов достаточно красноречиво говорили о принципиально различных подходах. Достаточно сказать, что в советском документе речь шла о стремлении «не допустить возникновения ситуаций, которые могли бы явиться основанием для одной из сторон считать себя свободной от обязательств по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (то есть не нарушать договор по ПРО и не выходить из него), а в американском – о стремлении «создать ситуации, которые могли бы привести к развертыванию эффективной обороны (то есть пересмотреть договор по ПРО или порвать его) и еще более стабилизирующим сокращениям стратегических наступательных вооружений, чем те, которые связаны с обязательствами по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений».

При подготовке к встрече министров иностранных дел СССР и США, которая должна была состояться в сентябре 1989 года в Вайоминге, основное внимание в Москве было уделено проблеме взаимосвязи СНВ и ПРО. Советская делегация отправилась в США, имея в своем портфеле предложения, которые позволяли вывести подготовку договора по СНВ из принципиального тупика, что и было достигнуто.

Главный результат встречи был сформулирован в совместном заявлении министров следующим образом: «В отношении вопросов ПРО и космоса советская сторона предложила новый подход, направленный на решение этой важной проблемы. Обе стороны согласились, что советский подход открывает путь к достижению и осуществлению договора по СНВ без заключения договора по обороне и космосу. Стороны согласились отказаться от подхода, связанного с обязательством о невыходе, продолжая в то же время обсуждение путей обеспечения предсказуемости развития советско-американского стратегического отношения в условиях стратегической стабильности в целях уменьшения риска ядерной войны. Американская сторона заявила, что она внимательно изучит другие аспекты советского подхода в целом»⁶.

Посмотрим, что стояло за этой формулой.

Важным достижением было то, что американская сторона согласилась с

возможностью заключения договора по СНВ без заключения соглашения по обороне и космосу, который мы отвергали в принципе. С нашей стороны было заявлено, что в целях скорейшего заключения договора по СНВ Советский Союз будет готов пойти на подписание этого договора и в том случае, если к завершению его разработки не будет достигнута договоренность по проблеме ПРО, но стороны продолжали бы соблюдать договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 году. Американцам было предложено подготовить согласованное понимание о том, что уже зафиксированное в проекте договора по СНВ положение о праве сторон выйти из него в случае угрозы их высшим интересам подразумевало бы и право на выход из этого договора в случае нарушения одной из сторон договора по ПРО. Они, разумеется, отказались от такого согласованного понимания. Тогда, в соответствии с запасной позицией, предусмотренной нашими инструкциями, мы заявили, что советская сторона в одностороннем порядке выразит свое понимание на этот счет.

Разумеется, американцы подтвердили для протокола свою позицию, которая впоследствии легла в основу их заявления перед подписанием договора. Но они не выдвинули возражений против продолжения переговоров и заключения договора по СНВ на тех условиях, которые оговорила советская сторона, то есть на условиях решения проблемы путем односторонних заявлений, фиксирующих противоположные позиции сторон.

Этот результат в конечном счете и послужил ключом к решению проблемы взаимосвязи СНВ и ПРО. Накануне подписания договора по СНВ советская сторона, сняв свои предложения о каком-либо упоминании в его тексте договора по ПРО, включила в официальные материалы переговоров свое заявление о том, что договор по СНВ может быть эффективным и жизнеспособным только в условиях соблюдения договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 году, и предупредила о возможности своего выхода из договора по СНВ в случае выхода США из договора по ПРО или его существенного нарушения.

Американская сторона сделала свое заявление, в котором выразила сомнение в юридической и военной обоснованности выхода СССР из договора по СНВ в случае «гипотетического выхода» США из договора по ПРО. Вместе с

тем, в этом же заявлении США подтвердили зафиксированное в договоре по СНВ право СССР на выход из него в случае, если Советский Союз сочтет, что его высшие интересы поставлены под угрозу. Там же американская сторона оговорила, что согласованные сторонами изменения в договоре по ПРО не были бы основанием для того, чтобы ставить под вопрос эффективность или жизнеспособность договора по СНВ.

Переходя на более гибкую позицию в вопросе об увязке двух договоров, советская сторона исходила из того, что само заключение договора по СНВ будет работать против американских планов создания ПРО всей территории страны. Конечно, «после того не значит вследствие того». И тем не менее, после подписания договора СНВ-1 настойчивость США в отношении подготовки национальной ПРО и, соответственно, слома договора по ПРО заметно пошла на убыль. В первое президентство Б. Клинтона этот вопрос был снят: новая администрация сосредоточилась на нестратегических системах ПРО и на разграничении стратегической и нестратегической ПРО в рамках договора по ПРО. Договоренность на этот счет была достигнута между США и Россией в 1997 году. В дальнейшем, как известно, позиция США в отношении договора по ПРО изменилась в обратную сторону, но это уже другая история. Для нашей темы важно то, что вайомингская договоренность позволила продолжать переговоры, и в конечном счете заключить договор по СНВ.

Что засчитывается по договору, как засчитывается, что уничтожается, что не уничтожается и что не засчитывается

В качестве основных уровней, до которых должны быть доведены стратегические наступательные вооружения каждой стороны договор устанавливает:

- a) «1600 единиц для развернутых МБР и связанных с ними пусковых установок, развернутых БРПЛ и связанных с ними пусковых установок и развернутых тяжелых бомбардировщиков»;
- b) «6000 единиц для боезарядов, которые числятся за развернутыми МБР, развернутыми БРПЛ и развернутыми тяжелыми бомбардировщиками». За этими краткими положениями стоят длительные и сложные дискуссии и напряженный поиск взаимоприемлемых формулировок.

Прежде всего, возник вопрос об определении МБР и БРПЛ. МБР была определена как

«баллистическая ракета наземного базирования с дальностью свыше 5500 км»⁷. 5500 км – это наименьшее расстояние между северо-восточной границей континентальной территории США и северо-западной границей континентальной территории СССР. Была также учтена необходимость стыковки с заключенным в 1987 году Договором о ракетах средней и меньшей дальности, который запретил ракеты с дальностью 500–5500 км. БРПЛ была определена как «баллистическая ракета с дальностью свыше 600 км того или иного типа, какая-либо из ракет которого содержалась на подводной лодке или использовалась для запуска с подводной лодки»⁸. Рубеж в 600 км был использован для разграничения стратегических и тактических средств морского базирования, которые не охватывались договором.

Следующий вопрос, который пришлось решать: что засчитывать – ракеты или пусковые установки (ПУ)? Иными словами, что важнее для определения боеспособности – количество винтовок или пуль? Конечно, ПУ – не винтовка, но и из нее можно выпустить не одну ракету.

Эти споры удалось завершить в сентябре 1989 года в ходе встречи министров в Вайоминге. В Совместном заявлении говорилось на этот счет: «Стороны также договорились о том, что в контексте уровня в 1600 носителей баллистические ракеты будут определяться как сочетание ракет и связанных с ними пусковых установок, что, таким образом, позволяет решить давнишнюю проблему»⁹. Таким образом, каждая ракета (МБР и БРПЛ) и связанная с ней ПУ засчитывалась как одна единица. Тем не менее, если ракета удалена из своей ПУ, такая ракета продолжает рассматриваться как содержащаяся в этой ПУ.

Особенно сложные проблемы возникли с засчетом воздушного компонента. Прежде всего, нужно было определить, что такое стратегический, или, по терминологии договора, «тяжелый бомбардировщик» (ТБ). К ним решили относить бомбардировщики того или иного типа, какой-либо из бомбардировщиков которого отвечает какому-либо из следующих критериев: его дальность составляет более 8000 км; или он оснащен для ядерных КРВБ большой дальности¹⁰. Это определение содержит еще целый ряд технических уточнений. Тем не менее, для полной ясности существующие типы ТБ перечислены в тексте договора (ст.3). Для СССР (России) – это Ту-95 (*Wear* – по западной

терминологии) и Ту-160 (*Blackjack*). Для США – В-52, В-1 и В-2.

Каждый развернутый тяжелый бомбардировщик, независимо от того, оснащен он для ядерных вооружений или нет, засчитывался как единица в уровень 1600 носителей. В соответствии с этим правилом, в этот засчет попадал самолет В-2, который на момент подписания договора не был заявлен как оснащенный для ядерных вооружений.

США настаивали на включении в категорию ТБ, подлежащих засчету, также самолета Ту-22М, известного на Западе как *Backfire*. Советская сторона отказалась это сделать, поскольку по своей дальности действия Ту-22М не может достигать американской территории и, следовательно, не относится к стратегическим.

Эта проблема возникла еще в ходе переговоров по ОСВ-2 в 1972–1979 годах. Тогда этот самолет не был включен в договор ОСВ-2. Как известно, этот договор не был ратифицирован Соединенными Штатами. При обсуждении его в Сенате невключение *Backfire* в договор было одним из предметов острой критики договора. Это обстоятельство придавало вопросу об этом самолете особую остроту на переговорах по СНВ.

В конечном счете вопрос был решен так: советская сторона сделала заявление, что она не будет придавать среднему бомбардировщику Ту-22М способность действовать на межконтинентальную дальность каким-либо образом, включая дозаправку в воздухе¹¹, и что число этих самолетов не будет превышать 500 в каждый данный момент; в ответ американцы согласились не включать его в договор.

Еще более сложной оказалась проблема засчета ядерных вооружений ТБ по боезарядам (6000 единиц).

Но прежде необходимо пояснить, что боезаряд в договоре по СНВ – понятие условное, используемое для подсчета стратегических ядерных вооружений. Боезаряды подсчитываются, но договор не требует их уничтожения. В течение ряда лет, вплоть до осени 1990 года, советская сторона настаивала на их уничтожении. Однако осуществление этого требования осложнялось тем, что для уничтожения ядерных боезарядов, содержащих высокорadioактивные расщепляющиеся вещества (уран-235 или

плутоний-239), требовались совершенно иные процедуры уничтожения и контроля, чем для уничтожения ракет, ПУ и самолетов. В конечном счете договорились оставить физическое уничтожение ядерных боезарядов на усмотрение каждой из сторон¹².

В отношении МБР и БРПЛ условились засчитывать столько боезарядов, сколько числится за каждым типом в Меморандуме о договоренности об установлении исходных данных. А вот как засчитывать боезаряды за ТБ?

В конечном счете была разработана довольно сложная формула условного засчета. Как она была разработана и как были решены другие вопросы, связанные с воздушным компонентом, это тема следующего раздела.

Тяжелые бомбардировщики и их ядерные вооружения

В отношении ТБ приходилось учитывать, что они вооружены и ядерными вооружениями, и неядерными, и крылатыми ракетами большой дальности, и ракетами ближнего действия, и бомбами свободного падения. Разумеется, степень эффективности этих вооружений различна. Для пуска ядерной КРВБ большой дальности не требуется, чтобы несущий ее самолет, приближаясь к цели, преодолевал ПВО противника. Будучи в состоянии преодолевать расстояние до 2,5 тыс. км, КРВБ может быть пущена с самолета по дальней цели из безопасной зоны. Благодаря низкой траектории полета (50–100 м над поверхностью Земли) и небольшой отражающей поверхности, она с трудом поддается обнаружению радаром. Бомба же свободного падения должна быть сброшена практически над целью, что делает несущий ее самолет уязвимым для средств ПВО.

На встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике в 1986 году американцы добивались того, чтобы в засчет по боезарядам попадали только ядерные КРВБ большой дальности¹³. Советская сторона, естественно, настаивала на охвате всех ядерных вооружений ТБ. Там же, в Рейкьявике, было условлено, что ядерные вооружения, не являющиеся ядерными КРВБ большой дальности, будут засчитываться за каждым ТБ, оснащенным для таких вооружений, как один боезаряд, сколько бы их ни было на ТБ. Что же касается правил засчета ядерных КРВБ большой дальности, то было признано, что они должны быть другими, а какими именно – это предстояло определить в ходе последующих переговоров.

На вашингтонской встрече президентов прогресса по этому вопросу достигнуто не было. В советско-американском заявлении от 10 декабря 1987 года эта задача ставилась в качестве одной из первоочередных. Делегации определяют конкретные правила в этой области, – говорилось в заявлении. В совместном заявлении по визиту Р. Рейгана в Москву в мае 1988 года вскользь упоминалось, что в ходе встречи удалось значительно расширить области согласия, в частности, по вопросу о КРВБ. Некоторое расширение областей согласия, действительно, произошло, в первую очередь, за счет договоренности, что все существующие КРВБ в обычном оснащении должны быть отличимы от ядерных. Однако до решения проблемы было еще далеко.

После полугодичного перерыва делегации съехались в июне 1989 года в Женеву, имея в своих портфелях по засчету КРВБ большой дальности далеко расходящиеся друг от друга позиции. Мы настаивали на их засчете по реальной максимальной оснащенности каждого типа ТБ, с ограничением и контролем развернутых и неразвернутых КРВБ и с установлением подуровня в 1100 единиц для вооружений ТБ (в рамках общего уровня в 6000 боезарядов). Американцы добивались засчета 10 КРВБ за каждым ТБ, независимо от его типа, и отвергали ограничительные подуровни для ТБ. Оставался также нерешенным вопрос о том, что такое КРВБ большой дальности. Мы, ссылаясь на возможности нашей ПВО, настаивали на том, что их минимальная дальность должна быть 600 км, американцы требовали 1500 км.

Наши предложения о засчете КРВБ по максимуму и особенно о подуровне в 1100 единиц для боезарядов на ТБ заставили бы США более чем в три раза сократить флот своих ТБ, и почти не подвергли бы ограничениям наш воздушный компонент. В то же время американские предложения, в случае их принятия, давали бы им крупный допуск к уровню 6000 боезарядов. Поясним это следующими расчетами.

На 1 сентября 1990 года, по данным, приведенным в Меморандуме о договоренности об исходных данных, СССР располагал 162 ТБ, из них 99 были оснащены КРВБ большой дальности (57 единиц – *Ту-95МС16*, 27 единиц – *Ту-МС6* и 15 единиц – *Ту-160*). У США имелось 576 ТБ, в том числе 189 с КРВБ (96 единиц – *В-52G* и 93 единицы – *В-52Н*).

Наши самолеты *Ty-95MC16* могли нести 16 КРВБ, *Ty-95MC6* – 6 и *Ty-160* – 12. Таким образом, максимальное количество КРВБ на наших ТБ составляло 1254 единицы. Если к ним добавить ТБ без КРВБ, каждый из которых по уже достигнутой договоренности должен засчитываться за единицу, всего получалось 1317.

У США самолеты типа В-52G оснащены для 12 КРВБ, типа В-52Н20. Таким образом, максимальное количество КРВБ, которое могли поднять американские ТБ в 1990 году, составляло 3012 единиц. С учетом других ТБ общее число боезарядов составило бы 3397.

Таким образом, по нашей позиции США должны были бы сократить своей воздушный компонент на 2297 боезарядов (3397 минус 1100), а мы – на 217 (1317 минус 1100). При этом для каждой стороны ее 1100 боезарядов входили бы в общий уровень 6000 боезарядов.

По американской позиции засчет выглядел бы следующим образом. Для США: 1890 КРВБ, плюс 385 не КРВБ, всего 2275 (эта цифра входила бы в 6000 боезарядов; но помимо этого, США могли бы иметь еще 1122 неучтенных ядерных КРВБ большой дальности). Для СССР: 990 КРВБ, плюс 63 неКРВБ, всего 1053 (сверх этой зачтенной цифры СССР имел бы 264 КРВБ большой дальности). Таким образом, перевес США составил бы 858 КРВБ большой дальности. Помимо этого, ввиду их преимущества также и по ТБ, оснащенным ракетами меньшей дальности и ядерными бомбами (385 против наших 63), этот перевес возрастал бы еще более.

Полгода переговоров прошли без сдвигов в вопросе о КРВБ. С тем стороны и пришли к московской встрече министров 7–9 февраля 1990 года.

На эту встречу американцы привезли новые предложения. Они предусматривали засчет за каждым В-52 и каждым В-1, оснащенными для КРВБ, по 10 боезарядов. За каждым *Ty-95* и каждым *Ty-160*, оснащенным для КРВБ, засчитывалось бы по восемь боезарядов. За будущими ТБ – и американскими, и советскими – засчитывалось бы по 10 боезарядов. Вместе с тем, предполагалось установить предел на оснащение ТБ для КРВБ – не более чем в два раза по сравнению с засчитываемым числом КРВБ. Таким образом, максимальное число для американских бомбардировщиков составило

бы 20, а для советских – 16 единиц. Тем самым американцы в некоторой степени учли то обстоятельство, что советские бомбардировщики по объективным причинам не могут взять такой же груз, как американские. Ведь американские самолеты могут совершать посадку для дозаправки на американских базах вблизи советской территории, а советские бомбардировщики аналогичной возможности не имеют.

Чем было вызвано такое усредненное правило засчета, допускавшее оставление вне предела в 6000 боезарядов определенного количества КРВБ, и было ли оно оправдано? Американцы аргументировали его тем, что хотя теоретически ТБ может поднять и 20, и даже более КРВБ, но на практике этого не произойдет, так как каждая лишняя крылатая ракета съедает примерно 700 км дальности ТБ. В реальной жизни, говорили они, на американских ТБ может быть как минимум восемь КРВБ (в роторной установке, которая, находясь в фюзеляже, не сказывается на аэродинамических качествах самолета), а на внешних подвесках – еще примерно четыре КРВБ. Увеличение их числа при загроуженности самолета другими видами вооружений – ракетами малой дальности, ядерными бомбами – практически невозможно. То же самое, как считали американцы, справедливо и по отношению к советским ТБ с поправкой в меньшую сторону – с учетом географического фактора.

В качестве критерия дальности для определения КРВБ большой дальности американцы впервые официально назвали 1000 км, вместо прежних 1500 км.

Они принимали наше предложение о контроле, который позволял бы отличать неядерные КРВБ от ядерных. Он должен осуществляться не только с помощью национальных технических средств, но и путем инспекций на месте. Для этого требовалось, чтобы неядерные ракеты содержали и внешние отличия, и такие отличия, которые могли бы увидеть инспектора.

США подтверждали неприемлемость для них наших предложений о подуровне в 1100 единиц для вооружений ТБ и ограничений для неразвернутых КРВБ, ракет малой дальности и бомб.

Новые американские предложения, несмотря на некоторый сдвиг в нашу сторону,

обеспечивали США вне засчетного числа значительно больше ядерных боезарядов на ТБ, чем могли бы иметь мы. Тупик сохранялся.

На следующий день Дж. Бейкера принимал М.С. Горбачев. В ходе беседы госсекретарь вновь изложил свои предложения по КРВБ. Как впоследствии вспоминал С.Ф. Ахромеев, М.С. Горбачев ответил Бейкеру: «Мы рассмотрим вашу позицию. Я поручаю заняться этим С.Ф. Ахромееву¹⁴. Сегодня вечером пусть встретятся представители делегаций. Наш ответ на ваши предложения будет»¹⁵. После этой беседы М.С. Горбачев сказал: «Больше двух лет на переговорах по КРВБ никакого движения нет. Нужно какое-то решение находить. Попробуйте вы (Шеварднадзе и Ахромеев) вместе с Зайковым и Язовым с учетом предложения Дж. Бейкера найти какое-то решение, которое устроило бы обе стороны»¹⁶.

Положение, в котором оказался С.Ф. Ахромеев, было, конечно, сверхсложным. За считанные часы ему предстояло выполнить то, что не смогли осуществить в течение месяца несколько министерств и ведомств. Как он свидетельствует в своих воспоминаниях, советские контрпредложения по КРВБ готовились им совместно с Зайковым с помощью работников его аппарата (мидовские и военные эксперты были заняты обсуждением других вопросов с американцами)¹⁷. Очевидно, этим цейтнотом и объясняются те недоработки, которые оказались в подготовленных предложениях, дезавуированных впоследствии советской стороной¹⁸.

Американцы готовы были принять эти предложения, но категорически заявили о неприемлемости 600 км в качестве рубежа для определения большой дальности (это предложение фигурировало в качестве одного из элементов в пакете Ахромеева). Бейкер ссылаясь на то, что позиция США уже сдвинулась с 1500 до 1000 км, а советская позиция застыла на 600 км. Что в Вашингтоне его не поймут, если он пойдет еще дальше, что советская система ПВО гораздо лучше американской и т.д., и т.п.

Со своей стороны, Ахромеев клялся, что по критерию дальности у нас нет в запасе ни одного километра, что договоренность в Рейкьявике относительно засчета на ТБ боезарядов, не являющихся ядерными КРВБ, дала США более 1000 лишних боезарядов, а

сейчас мы пошли им навстречу по засчету КРВБ, что добавило к их преимуществу еще 1100 боезарядов, и т.д.

Эта наша позиция подкреплялась вескими аргументами. Говорилось, что рубеж в 600 км обусловлен тем, что вся система ПВО СССР была построена на этой основе (этот рубеж был согласован еще в 1973 году для договора ОСВ-2). Предельный радиус действия советских самолетов-перехватчиков составлял 600–660 км, а дальность действия зенитно-ракетных комплексов не превышала 400 км. Причем эти средства эффективны только против бомбардировщиков, но не против крылатых ракет, которые почти невидимы для радиолокационных средств¹⁹. Верно было и то, что в результате согласованных правил засчета боезарядов США получали преимущество более, чем в 2100 единиц.

Вообще, дискуссия была эмоциональной и сумбурной.

Наконец, Бейкер пошел с последнего козыря, заявив, что был бы готов попробовать договориться на основе дальности в 800 км.

Наступила пауза. Все – и американцы, и мы – понимали, что этот ход ставит нас в сложное положение: на переговорах невозможно все время говорить нет, особенно если другая сторона своими практическими шагами демонстрирует свое стремление к договоренности. Однако затем Ахромеев вновь заявил, что рубеж дальности в 600 км был согласован еще в Рейкьявике.

Призванные Бейкером в свидетели сотрудники американской делегации, участвовавшие в рейкьявических переговорах, в один голос заявили, что не помнят такой договоренности.

Согласовав совместное сообщение о результатах переговоров, делегации разъехались. В отношении КРВБ в заявлении говорилось: что касается крылатых ракет воздушного базирования, стороны достигли значительного прогресса, договорившись на основе пакетного подхода по всем оставшимся вопросам, за исключением вопроса о рубеже дальности.

Следующим этапом должна была стать вашингтонская встреча министров (она состоялась 4–6 апреля 1990 года). На эту встречу советская делегация поехала с такими жесткими директивами, что нечего было и думать о продвижении к договоренности по

КРВБ (эти директивы дезавуировали наши предложения по засчету КРВБ, выдвинутые в Москве).

Утром 5 апреля на встрече министров Дж. Бейкер в резкой форме охарактеризовал наши предложения как движение вспять, ставящее под угрозу июньскую встречу президентов.

После Вашингтонской встречи, в конце апреля – начале мая 1990 года, между сторонами происходил обмен предложениями по проблеме КРВБ–ТБ, в результате чего наметилось сближение позиций. Но во всех вариантах решения США исходили из того, что критерий дальности для КРВБ должен быть не меньше 800 км, мы же по-прежнему настаивали на 600 км.

16 мая в Москве, в особняке МИДа на ул. Ал. Толстого, началась очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. Два дня – 17 и 18 мая – американские и наши эксперты бились над узлом проблем КРВБ–ТБ, приводя к единому знаменателю договоренности, наметившиеся в начале мая. Вроде бы, все получалось, за исключением рубежа дальности.

Выше уже говорилось о том, что стояло за нашей неуступчивостью. Была своя причина и у американцев. В США готовилась в производство крылатая ракета *Tacit Rainbow*, которую не предполагалось оснащать ядерными боеголовками и дальность действия которой должна была быть более 600, но менее 800 км. В случае установления критерия в 600 км, эта ракета рассматривалась бы как ядерная.

Поздно вечером 18 мая переговоры были прерваны, и американцы отправились в свое посольство докладывать Бейкеру о положении дел. Настроение было мрачное. Договоренность, которая, казалось бы, уже забрезжила, не получалась. Условились, что будем ждать реакции Бейкера на следующее утро.

К 8.00 19 мая, в субботу, вся наша команда была в особняке. Стали перебирать возможные варианты на случай отказа американцев от рубежа в 600 км. Что делать в этом случае? Не рассматривался лишь один вариант – о нашем отказе от этого рубежа. Собственно говоря, от американской стороны требовалось, чтобы она, наконец, официально приняла рубеж дальности в 600 км и дала заверения в том, что крылатая ракета *Tacit Rainbow* не будет нести

ядерных зарядов. В этом случае советская сторона, в порядке исключения, соглашалась бы рассматривать ее как неядерную.

Между тем, до отлета Бейкера из Москвы оставалось несколько часов, а ответа от него все не было.

И вот, наконец, когда томительное ожидание достигло предела, из американского посольства прибыл гонец с ответом. Дж. Бейкер подтверждал, что *Tacit Rainbow* является неядерной ракетой и давал согласие на то, что если неядерная КРВБ когда-либо была бы превращена в ядерную, в этом случае на эту ракету распространялись бы все ограничения договора СНВ, относящиеся к ядерным КРВБ. Эти заверения давали нам возможность сделать исключение для *Tacit Rainbow*, не засчитывая ее в число ядерных боезарядов, а американцы согласились, наконец, с тем, что 600 км – это минимальный рубеж для определения большой дальности применительно к КРВБ.

Конечно, сейчас все эти треволнения могут показаться сильно преувеличенными и попросту странными. Совсем другие, гораздо более крупные, заботы волнуют людей. Да и от самой ракеты *Tacit Rainbow*, причинившей столько хлопот на переговорах, США вскоре полностью отказались, прикрыв программу.

И тем не менее, в истории переговоров по стратегическим вооружениям это был один из драматических моментов. Он разрешился тем, что США приняли нашу позицию по рубежу дальности, которую мы отстаивали с самого начала переговоров.

Вообще, надо сказать, американцы на всех уровнях – очень жесткие переговорщики. Но поняв, что уперлись лбом в твердую стену, они, как правило, проявляют гибкость и находят разумные решения.

Остается рассказать, как в конечном счете договорились засчитывать боезаряды за КРВБ большой дальности. Договор предусматривает уровни – 180 ТБ для СССР с засчетом в пределах этого уровня по восемь КРВБ, и 150 ТБ – для США с засчетом по 10 КРВБ. Сверх этих уровней засчет ведется по максимальной реальной оснащенности. Максимальная оснащенность для США – 20 КРВБ, для СССР – 16 КРВБ. Такой порядок засчета дал, конечно, США определенное преимущество, но не столь большое, какого они добивались вначале.

Тяжелые МБР

На протяжении всех долгих лет, пока велись переговоры, вплоть до их заключительного этапа, вопрос о тяжелых МБР крайне болезненно воспринимался американцами. Дело в том, что эти ракеты были только у нас и, как видно, они представляли грозную опасность для США.

Еще на ранней стадии переговоров стороны условились, что к тяжелым МБР, на которые должны вводиться более жесткие ограничения, относились бы ракеты со стартовым весом, превышающим 106 т. Почему был установлен такой рубеж? Чисто прагматически. Первоначально американцы предлагали, чтобы рубеж проходил немного выше стартового веса их ракеты *MX (Peacekeeper)* – 88,1 т. Тогда все американские ракеты относились бы к легким, а три типа наших ракет – к тяжелым. Договорившись о рубеже для тяжелых ракет в 106 т, мы тем самым включили в категорию легких наши ракеты РС-18 (СС-19) и РС-22 (СС-24), стартовый вес которых был несколько меньше 106 т²⁰.

Таким образом, к тяжелым ракетам был отнесен только один тип, имевшийся у нас, – огромная МБР РС-20 (СС-18), со стартовым весом 211,1 т. 308 таких ракет, с дальностью действия 11 тыс. км, оснащенных 10 мощными боеголовками (500–550 кт каждая)²¹, представляли, несомненно, грозную силу. А большой забрасываемый вес (8,8 т – более чем в два раза больше, чем у самой тяжелой американской МБР *MX*) создавал хорошие возможности для повышения эффективности ракеты РС-20 в плане преодоления средств ПРО.

Американцы с самого начала разработки договора по СНВ попытались добиться полного запрещения и уничтожения ракет РС-20. Для обоснования такой позиции они ссылались на то, что это самый дестабилизирующий вид СНВ. Иными словами, в кризисной ситуации, когда дело дойдет до глобального конфликта, именно они выстрелят первыми, так как в противном случае их шахтные ПУ (ШПУ) будут подавлены первым ядерным ударом противника, причем одной боеголовки, ну максимум двух – для подстраховки, достаточно для того, чтобы уничтожить сразу десять мощных боеголовок. Это, мол, обстоятельство делает тяжелые ракеты особо привлекательной целью для первого ядерного удара, что в свою очередь побудит сторону,

обладающую такими ракетами, не дожидаясь удара, самой нанести его этими ракетами.

Определенная логика здесь была, но она применима отнюдь не только к тяжелым ракетам, а к любым многозарядным МБР шахтного базирования.

Как бы то ни было, советская сторона дала согласие на пятидесятипроцентное сокращение тяжелых ракет: с 308 до 154 (к концу предусмотренного договором семилетнего периода уничтожения СНВ). Эта договоренность была достигнута на рейкьявикской встрече на высшем уровне в 1986 году и затем зафиксирована в совместном заявлении М.С. Горбачева и Р. Рейгана по результатам их следующей встречи – в Вашингтоне в декабре 1987 года (в Рейкьявике согласовать каких-либо совместных документов не удалось).

Тем не менее, американцы не считали вопрос о тяжелых МБР решенным и продолжали добиваться дальнейших ограничений на них, которые привели бы остающиеся 154 ракеты к постепенному вымиранию. Речь шла о запрете на их летные испытания и модернизацию, что, действительно, привело бы к невозможности поддержания этих МБР в боеспособном состоянии.

Договориться о тяжелых ракетах удалось лишь в начале октября 1990 года во время нью-йоркской встречи министров иностранных дел СССР и США. Американцы согласились не настаивать на запрете на летные испытания и модернизацию тяжелых МБР, а советская сторона пошла на их некоторые ограничения (в дополнение к половинному сокращению ракет РС-20, договоренность о чем была достигнута ранее). В результате в договор был включен запрет на создание новых типов таких ракет (с сохранением возможности модернизации существующих типов без увеличения их стартового и забрасываемого весов), мобильных ПУ тяжелых МБР и тяжелых БРПЛ. Запрещалось понижать засчитываемое за тяжелой МБР количество боезарядов (10 единиц), хотя, разумеется, не возбранялось понижать это число в реальности (если тяжелая МБР была бы оснащена вместо 10 боезарядов, скажем, тремя, за ней все равно засчитывалось в суммарный уровень 6000 единиц 10 боезарядов). Наконец, не допускалось создание дополнительных ШПУ тяжелых МБР, кроме как вместо ликвидированных.

Таким образом, эти ограничения касались в основном не существующих типов, а будущих, гипотетических вариантов.

Эта договоренность была достигнута на уровне глав делегаций, и ее еще предстояло представить министрам на утверждение. Глава американской делегации Р. Берт согласился рекомендовать Дж. Бейкеру принять всю договоренность по тяжелым МБР как пакет, включая возможность передислокации, но сказал при этом, что, по его мнению, Бейкер наверняка поставит вопрос, зачем советской стороне нужна эта передислокация.

Инструкции советской делегации предписывали добиваться возможности передислокации ШПУ, но не давали какой-либо мотивировки.

Глава советской делегации ответил, что необходимость передислокации может возникнуть как в результате возникновения аварийной обстановки из-за стихийных бедствий, например землетрясения, так и по причинам невоенного, политического характера.

Это неофициальное разъяснение вполне удовлетворило американскую сторону. Казалось бы, вопрос был исчерпан. Однако, к сожалению, он имел неприятное продолжение.

После встречи в Нью-Йорке делегации приступили в Женеве к переводу достигнутых принципиальных договоренностей по тяжелым ракетам на договорный язык. Эта работа шла довольно гладко, как вдруг Берт попросил срочно с ним встретиться и, с весьма встревоженным видом, сообщил следующее.

Министр обороны США Р. Чейни, находясь (уже после нью-йоркской встречи министров иностранных дел СССР и США) в Советском Союзе с визитом, завел разговор с советским министром обороны Д.Т. Язовым о том, почему, мол, Советский Союз хочет передислоцировать часть ШПУ тяжелых ракет. На что, будто бы, Д.Т. Язов ответил, что советская сторона не собирается этого делать. У Чейни возник вопрос: почему Бейкер согласился на возможность их передислокации, если у советской стороны нет в этом никакой необходимости? До разъяснения этого вопроса делегация США не может продолжать работу по переводу на договорный язык нью-йоркской договоренности в отношении тяжелых МБР.

Конечно, в результате такого ответа нашего министра обороны Бейкер, а вместе с ним и Берт, попали в щекотливое положение. Получалось, что и государственный секретарь, и руководитель делегации США пошли на неоправданные уступки Советскому Союзу. Сама по себе эта уступка была не Бог весть какой, но при желании вашингтонские противники договоренностей с Советским Союзом вполне могли использовать этот случай для осложнения переговоров.

С нашей стороны было выражено сомнение в правильности перевода или передачи слов Язова и предложено отложить обсуждение вопроса, пока не будет внесена ясность в то, что на самом деле было сказано Язовым. Кроме того, было сказано, что даже если Язов и произнес приписываемые ему слова, между ними и нашей официальной позицией нет противоречия, так как отсутствие у нас сейчас планов строительства новых ШПУ не может исключать нашего намерения сохранить на будущее возможность такого строительства для передислокации шахт в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, о которых мы говорили в Нью-Йорке. Вот если бы именно так сказал Язов, то и вопроса не возникло бы, отреагировал Берт.

В телеграмме, которая пошла в Москву с сообщением об обращении Берта, предлагалось, чтобы советский министр дал именно такое объяснение (в том случае, если американцы правильно воспроизвели слова, сказанные Язовым).

Москва прореагировала быстро: уже через несколько дней Д.Т. Язов направил Р. Чейни послание, в котором наотрез отрицалось то, что американцы услышали от Язова. Этот ответ еще больше усугубил ситуацию, так как бросал тень на добросовестность Чейни. Под угрозу был поставлен весь пакет договоренностей по тяжелым ракетам, согласованный в Нью-Йорке. Чтобы его сохранить, потребовалось еще одно послание, в котором говорилось, что сейчас у нас нет планов передислокации ШПУ тяжелых МБР, но что мы не можем исключать возникновения такой необходимости как в связи с возможными аварийными ситуациями, так и по соображениям невоенного характера, в частности, в связи с происходящими у нас в стране внутривнутриполитическими процессами.

Мобильные МБР

Этот вид стратегических вооружений, как и наши тяжелые МБР, также сильно беспокоил

США. Основная причина была та же: у нас эти ракеты были, а у американцев – нет, поэтому они стремились их запретить или, по крайней мере, наложить на них максимальные ограничения. Но в отличие от тяжелых МБР, которые американцы и не собирались иметь, проект создания мобильных стратегических ракет у них был, и вокруг него велась острая внутриполитическая борьба.

Но сначала о наших мобильных МБР. У нас на вооружении были два типа таких ракет – РС-22 (СС-24)²² и РС-12М (СС-25).

РС-22 – твердотопливная ракета железнодорожного базирования с десятью боеголовками, дальностью действия 10,1 тыс. км. Для этих ракет длиной 22,6 м, диаметром 2,4 м и весом 104,5 т были выстроены специальные вагоны с ПУ. Каждый состав состоял из 17 вагонов, включая три вагона с ПУ²³.

РС-12М – тоже твердотопливная ракета, но грунтового базирования. Каждая ракета снабжена одной боеголовкой. Дальность действия – 10 тыс. км. По размерам она почти такая же, как и ее железнодорожный собрат (21,5 м длиной и 2 м диаметром), а по весу полегче – более, чем в два раза (45 т)²⁴.

На 1 сентября 1990 года, когда СССР и США впервые обменялись данными о своих СНВ, у нас имелось в развернутом состоянии 33 мобильных МБР РС-22 и 288 РС-12М.

Разработки США в отношении мобильных систем велись по следующим направлениям. МБР *МХ* (*Peacekeeper*) разрабатывалась не только в шахтном, но и в различных мобильных вариантах (в траншейном²⁵, железнодорожном, грунтовым). Существовала также программа малогабаритной МБР *Midjetman* в мобильном грунтовым варианте.

Эти программы встречали в США сильную оппозицию. Отражением этого, видимо, было то, что до сентября 1989 года на переговорах по СНВ США настаивали на полном запрещении мобильных МБР.

Только на встрече министров иностранных дел в Вайоминге 22–23 сентября 1989 года Дж. Бейкер объявил, что американская сторона снимает свое предложение о запрете на мобильные МБР, «в зависимости от решения Конгрессом США вопроса о финансировании американских мобильных МБР». Это изменение американской позиции было

зафиксировано в совместном заявлении министров²⁶. Оно стимулировало согласование положений о мобильных системах и соответствующем контроле. Американская сторона какое-то время вела эту работу, все время оговариваясь, что, мол, согласование такое она ведет условно, поскольку Конгресс еще не принял решения по мобильным МБР. С учетом этой неопределенности согласование положений по мобильным МБР велось отдельно – вне договорных текстов.

Официально и без каких-либо условий американская сторона сняла свою позицию, предусматривавшую запрет на мобильные МБР, в декабре 1989 года (после встречи М.С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте). Разработанные к этому времени положения были включены в договорные тексты, и их согласование продолжалось нормальным образом.

Итак, мобильные МБР получили права гражданства – наряду с шахтными МБР и другими СНВ. Такой подход к мобильным системам позволял нам не ломать сложившуюся за многие годы структуру СНВ, которая учитывала особенности географического положения нашей страны.

В ходе переговоров советская сторона добивалась того, чтобы мобильные МБР рассматривались на тех же основаниях, что и другие компоненты СНВ, хотя, разумеется, не отрицала того, что у каждого из этих компонентов, в том числе и у мобильных МБР, имеются свои особенности, которые требуют, в частности, специфических мер контроля.

Главная трудность согласования вопросов, связанных с мобильными МБР, заключалась в том, чтобы обеспечить эффективный контроль за их ограничением как за одним из компонентов СНВ, и не перейти ту линию, которая отделяет такой контроль от слежения за этим видом стратегических вооружений в разведывательных целях. А такой интерес со стороны, по крайней мере, части американской делегации, конечно, нами ощущался.

Возникали сложности и из-за того, что, разрабатывая режим ограничений и контроля для мобильных МБР, советская сторона, естественно, исходила из уже сложившейся у нас практики, а американцы – из своей концепции возможной будущей эксплуатации как железнодорожных, так и грунтовых МБР.

В отношении железнодорожных МБР американцы настаивали, чтобы железнодорожные станции базирования ограничивались по площади с общей протяженностью железнодорожного пути не более пяти километров. Если бы советская сторона на это пошла, ей пришлось бы перестраивать все три имевшиеся у нас в то время железнодорожные станции базирования, так как протяженность путей там была значительно больше. Кроме того, под контроль попадала бы территория, прилегающая к путям, но никакого отношения к СНВ и, следовательно, к договору не имеющая.

В отношении грунтовых мобильных ракет американцы стремились до предела ограничить территорию, по которой могли бы перемещаться советские РС-12М, а также установить такой режим уведомлений об их передвижениях, который позволял бы надежно следить за каждой из них со спутников.

Разумеется, нельзя было идти на остационирование мобильных ПУ МБР, что лишало бы их смысла. А что касается уведомлений, то тут поиск решения велся в том направлении, чтобы мобильные ракеты не находились под постоянным наблюдением противоположной стороны.

В конце концов договорились об определенных ограничениях на количества развернутых и неразвернутых мобильных МБР, а также на их передвижения. Эти ограничения не требовали их численного сокращения и соответствовали нашей практике в отношении передвижений.

Обо всех передвижениях должны делаться соответствующие уведомления. Правильность уведомлений проверяется с помощью национальных технических средств контроля (НТСК), то есть через специальные спутники. Собственно говоря, смысл уведомлений в том и состоит, чтобы повысить эффективность НТСК. С этой же целью, договором, помимо уведомлений, предусмотрены меры на основе сотрудничества – выставление под открытым небом (по запросу другой стороны) части мобильных – и грунтовых, и железнодорожных – ПУ МБР.

Разумеется, в отношении мобильных ПУ МБР применяются и инспекции, предусмотренные для СНВ в целом.

Контроль над соблюдением договора по СНВ

Рассказ о переговорах по СНВ был бы неполным без этого раздела. В то же время, для описания всех возникавших в деле контроля проблем и путей их преодоления потребовалось бы отдельное большое исследование. Ограничусь поэтому несколькими общими замечаниями.

До середины восьмидесятых годов для позиции Советского Союза по всем вопросам разоружения была характерна крайняя подозрительность в отношении мер контроля. В основе этого подхода были и общая закрытость советского общества, и мания секретности, и, наконец, стремление отдельных ведомств, связанных с обороной, избежать не только международного контроля, но и приоткрыть завесу над своей деятельностью для внутреннего гражданского контроля, прежде всего, с точки зрения защиты окружающей среды.

В 1986–1987 годах с политикой гласности пришли перемены и в подход СССР к контролю над осуществлением мер разоружения. На заключительном этапе работы над договором по СНВ и советская, и американская стороны в общем исходили из необходимости разработки эффективных мер контроля, которые давали бы максимальную взаимную уверенность в соблюдении договора. Конечно, это не означало, что все проблемы решались гладко и ко взаимному удовлетворению.

Возникавшие сложности часто бывали связаны с асимметрией стратегических сил и различиями в практике каждой из сторон.

Выше уже рассказывалось о стремлении американцев установить максимально жесткий контроль над мобильными наземными системами ракет, поскольку такими системами обладал лишь Советский Союз. Со своей стороны советские переговорщики прилагали максимум усилий, чтобы поставить под максимально жесткий контроль воздушной и морской компоненты, по которым значительное преимущество было у США.

Разработка тринадцати видов различных инспекций и процедур непрерывного наблюдения по периметру объектов по производству МБР для мобильных ПУ, порядка всевозможных уведомлений и обмена данными, мер сотрудничества для облегчения использования контроля со спутников, других

форм контроля потребовали огромного объема работы.

Большие трудности возникли при разработке положений договора и соответствующего протокола о телеметрической информации. Дело в том, что в ходе каждого летного испытания МБР или БРПЛ сторона, проводящая такое испытание, производит бортовые измерения технических параметров и передает в эфир всю телеметрическую информацию, полученную в результате таких измерений. Такая информация, полученная другой стороной договора, является важным средством контроля над его соблюдением в отношении МБР и БРПЛ. Нужно было, однако, разработать процедуры, которые предотвращали бы преднамеренное или непреднамеренное сокрытие такой информации. А поскольку у каждой стороны были свои особенности в проведении испытаний и передаче телеметрической информации, потребовалось стыковать эти различия.

В ходе разработки позиций по контролю сказывалось и то, что часто приходилось искать баланс между заинтересованностью узнать побольше чужих секретов и стремлением поменьше выдать своих секретов. Впрочем, такая же проблема была и у американской стороны.

Переговорная технология

Многолетняя практика ведения международных переговоров создала определенные приемы их рациональной организации. В то же время каждые переговоры имеют свою специфику.

Специфика переговоров по СНВ состояла, прежде всего, в громоздкости готовившихся документов и избытии военно-технических деталей. Разработка отдельных фрагментов общего комплекса велась параллельно в различных рабочих группах.

Такой порядок работы создавал, по крайней мере, две проблемы:

- необходимо было тщательно следить, чтобы действия переговорщиков в рабочих группах не вступали в противоречие друг с другом;
- изменения в тексте одного документа могли вызывать необходимость корректировки и других документов.

Механика подготовки договора и связанных с ним документов выглядела следующим образом. Каждая из сторон представляла свой текст. Они как бы накладывались один на другой. То, что совпадало, становилось согласованным текстом. То, что не совпадало, помещалось в квадратные скобки с пояснениями, из которых становилось понятно, чья позиция отражена в скобках (в русском тексте наша позиция отмечалась значком ¹⁾, а позиция США – значком ²⁾; в английском тексте – значки, соответственно, менялись).

В тех случаях, когда несовпадение было чисто словесным, искались формулировки, которые отражали согласованную позицию. Если же расхождения касались существа, то согласование, естественно, становилось более сложным, так как требовало взаимных уступок. Каждый раунд начинался и завершался пленарными заседаниями, на которые делегации собирались в полном составе. На них зачитывались заранее подготовленные заявления довольно общего характера, в которых декларировались намерения, выражались надежды и т.д. На заключительном заседании подводились итоги и выражались надежды на плодотворность следующего раунда.

После первого пленарного заседания начиналась работа двух основных групп – по наступательным вооружениям и по обороне и космосу (ситуация в группе по обороне и космосу была охарактеризована выше – в разделе «СНВ–ПРО»).

Группа по СНВ делилась на следующие подгруппы:

- по тексту самого договора;
- по протоколу об инспекциях;
- по протоколу о переоборудовании или ликвидации СНВ;
- по протоколу об уведомлениях о сокращении и ограничении СНВ;
- по протоколу о забрасываемом весе;
- по протоколу о телеметрической информации;
- по протоколу о Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям;
- по Меморандуму о договоренности об установлении исходных данных.

По мере необходимости создавались группы для подготовки решения конкретных узловых вопросов.

Очень большое место занимал неофициальный поиск возможных решений для доклада в свои соответствующие столицы.

Вообще говоря, достижение договоренностей на переговорах по сложным и деликатным вопросам невозможно без неофициальных контактов, в ходе которых стороны пытаются достичь договоренности *ad referendum*, то есть на свой страх и риск для доклада в свои столицы. За столом переговоров это сделать невозможно, так как каждое слово фиксируется. Формально никакого протокола не ведется. Но каждая сторона делает для себя подробные записи, на которые она в случае чего может сослаться. И даже если кто-то за столом переговоров предупреждает: «Я хочу сейчас сказать кое-что неофициально, не для протокола», всем, в том числе и говорящему, ясно, что все его слова будут зафиксированы, даже если все участники положат свои ручки и отодвинут блокноты. Другое дело – неофициальные встречи на нейтральной почве, тем более – один на один. В этом случае собеседники бывают связаны достигнутой договоренностью в чисто личном плане. И если эта договоренность в дальнейшем не подтверждается какой-либо из сторон, то в ее адрес нельзя выдвинуть обвинения в отходе от согласованного. В этом случае страдает лишь личный престиж того переговорщика, который не смог добиться утверждения своим правительством достигнутой им в предварительном порядке договоренности.

Во многих случаях инструкции, на основании которых работала советская делегация, обязывали ее доложить в Центр соображения о возможном решении того или иного вопроса. А для того, чтобы такие соображения действительно вели к решениям, требовалось, чтобы они оказались приемлемыми для противоположной стороны. Поэтому очень многие будущие решения проговаривались сторонами сугубо неофициально, а затем уже по результатам таких консультаций ими вносились предложения в свои соответствующие столицы. Конечно, далеко не всегда они принимались, и тогда снова начинался поиск возможных компромиссов.

М. Бешлос и С. Тэлбот впоследствии так писали о ситуации на переговорах по СНВ: «В Женеве Р. Берт, глава делегации США на переговорах по СНВ, пребывал в полной растерянности. Он направлял администрации одно предложение за другим относительно того, как решить застопорившиеся вопросы.

Он достигал предварительных договоренностей со своим советским коллегой Ю.К. Назаркиным, и все это отклонялось Вашингтоном – часто по личному распоряжению Скоукрофта»²⁷.

Советский коллега Берта тоже неоднократно оказывался в аналогичном положении.

Конечно, классическим компромиссом является договоренность по какому-то конкретному вопросу, для достижения которой каждая сторона уступает в равной мере. Это, однако, не всегда оказывается возможным, так как в силу характера того или иного вопроса он может быть решен только на основе *или-или*: либо предложение принимается, либо снимается. Бывает и так, что по отдельным элементам *пакета* компромисс может быть найден, но не посередине, а ближе в ту или иную сторону. Для таких случаев на переговорах использовалась практика *пакетов*, когда составлялся набор вопросов, и договоренность достигалась путем *размена озабоченностями*: по конкретным вопросам стороны уступают друг другу в разной степени, а в целом получается примерный баланс уступок.

В качестве примера можно сослаться на один из таких *пакетов*, который был составлен в январе 1991 года с целью расчистки несогласованных вопросов. Вот его основная часть:

1. Американская сторона снимает свое предложение об установлении подуровня на количество боезарядов на МБР (3000 единиц)²⁸.
2. Советская сторона принимает американское предложение о том, что в случае отклонений от стандартной конфигурации составов с развернутыми железнодорожными мобильными ПУ МБР во время обычного передвижения или передислокации другой стороне предоставляется информация о тех участках маршрута, на которых имело место отклонение от стандартной конфигурации.
3. Достигается компромиссное решение о процедуре выставления под открытым небом – для облегчения контроля – грунтовых мобильных ПУ МБР, в соответствии с которым сторона, по получении соответствующего запроса, по своему выбору либо выставляет свои грунтовые ПУ МБР рядом с их стационарными укрытиями и открывает

крыши этих сооружений, либо выдвигает такие ПУ наполовину из их укрытий²⁹.

Помимо этих трех вопросов в *женевский пакет* входили еще шесть более мелких вопросов, которые вряд ли есть смысл приводить и разъяснять, так как в данном случае лишь преследуется цель проиллюстрировать принцип *пакетного* решения: один вопрос решается на нашей основе, другой – на американской, третий – на компромиссной, но ближе к нашей позиции, и т.д., то есть идет сугубо прагматический обмен уступок в рамках единого набора нерешенных вопросов.

На сугубо неофициальной основе было подготовлено заявление Дж. Буша и М.С. Горбачева о будущих переговорах по стратегическим вооружениям, которые должны были последовать за подписанием договора СНВ-1 (это заявление было сделано на Вашингтонской встрече в верхах летом 1990 года).

Идея заявления возникла еще в Вайоминге в сентябре 1989 года, где проходила встреча министров иностранных дел США и СССР. Смысл такого заявления должен был состоять в том, чтобы, *во-первых*, обеспечить непрерывность процесса, а, *во-вторых*, получить возможность отводить обвинения в том, что что-то не решено или решено не так в договоре. Заявление должно было показать, что если в договоре что-то не так, то все это будет исправлено в ходе последующих переговоров.

В Женеве, куда делегации съехались после непродолжительного перерыва после вайомингской встречи, оказалось, что ни советская делегация, ни американская не имеют инструкций о разработке такого заявления. У главы советской делегации имелось лишь устное благословение мидовского начальства. Поэтому официальные переговоры не подходили.

Между тем, необходимость совместного заявления о будущих переговорах возрастала в связи с тем, что летом 1990 года предстояла встреча в Вашингтоне на высшем уровне. Первоначально была надежда, что на ней можно будет подписать договор. Но с каждым днем эта надежда убывала, и скоро стало ясно, что договор не будет готов. И тогда было решено подготовить к Вашингтонской встрече два совместных заявления – о достигнутом прогрессе в деле подготовки договора и

относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Заявление о достигнутом прогрессе должно было суммировать все то, что было достигнуто на переговорах, а заявление о будущих переговорах выполняло бы роль оптимистического наполнителя встречи.

Сложность подготовки этого совместного заявления состояла в том, что позиции сторон расходились по трем основным вопросам: по взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (США настаивали на продолжении переговоров по ПРО и космосу с целью пересмотра договора по ПРО), уменьшению концентрации боезарядов на МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) и дальнейшему сокращению тяжелых МБР, а также по вовлечению в дальнейшие переговоры других ядерных держав (США должны были проявлять здесь аккуратность из-за своих союзнических отношений с Великобританией и Францией, которые не хотели сокращать свои ядерные вооружения).

Как уже говорилось, такое заявление было сделано, хотя бурные события, начавшиеся 19 августа 1991 года, привели к таким последствиям, которые поломали все те осторожные компромиссные конструкции, которые с таким трудом были разработаны для будущих переговоров. Достаточно вспомнить хотя бы следующую формулу из совместного заявления: «В частности, стороны будут вести поиск мер, которые уменьшат концентрацию боезарядов на стратегических носителях в целом, включая меры, относящиеся к вопросам тяжелых МБР и МБР с РГЧ ИН». Договор СНВ-2, как известно, полностью ликвидирует тяжелые МБР – монополию России, и все МБР с РГЧ ИН, в том числе современные десятизарядные ракеты СС-24, составляющие основу стратегической триады России. Иными словами, США получили все то, о чем могли лишь мечтать во время разработки совместного заявления 1990 года.

Неофициальная подготовка будущих решений, хотя и является абсолютно необходимой частью переговорной практики, представляет собой определенный риск, поскольку нельзя исключить возможность *утечки*, что может поставить переговорщика, вышедшего за рамки своих инструкций, в неприятное положение.

Именно так случилось при подготовке решения проблемы о крылатых ракетах морского базирования. Содержание неофициальных консультаций двух глав делегаций по этому вопросу, происходивших в Вашингтоне 14 декабря 1989 года, было предано огласке 19 декабря: в американской газете *New York Times* появилась статья военно-политического обозревателя М. Гордона, в которой со ссылкой на состоявшиеся неофициальные консультации, говорилось о возможности смягчения позиции советской стороны по КРМБ. В МИДе чертыхнулись в адрес американцев, допустивших *утечку*, а Генштаб, не дававший официальной санкции на такие консультации, использовал статью Гордона для обвинений МИДа в *партизанских* действиях и заблокировал внесение изменений в позицию по КРМБ. Потребовалось еще полгода, чтобы тупик был преодолен.

Внутренняя дипломатия

Трудно сказать, что более сложно на переговорах, – поиск договоренностей с иностранными партнерами, или согласование вопросов со своими ведомствами, между которыми порой возникают коренные разногласия. Наконец, совсем плохо, когда в такое согласование вплетается политическая борьба в руководстве страны, но об этом – в конце следующего раздела.

В общем наличие межведомственных разногласий – вполне естественное дело. Важно, однако, чтобы был эффективный механизм для их преодоления. Если же он существует и нормально функционирует, есть гарантия, что различные взгляды и подходы министерств и ведомств трансформируются в общегосударственные позиции.

Такой механизм существовал в виде так называемой *пятерки*, то есть пяти ведомств, которые готовили решения крупных военно-политических вопросов³⁰.

В ноябре 1969 года, в связи с началом советско-американских переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1), Политбюро приняло решение о создании «Комиссии Политбюро КПСС по наблюдению за переговорами, связанными с ограничением стратегических вооружений в Хельсинки». В нее вошли руководители пяти ведомств, ответственных за разработку позиций на переговорах: Секретариата ЦК КПСС³¹, министерства обороны, министерства иностранных дел, КГБ и Военно-

промышленной комиссии Совета Министров³². Комиссия собиралась не часто, но действовало правило: записки, которые вносились в Политбюро для принятия решений по вопросам переговоров, должны были быть подписаны этими пятью руководителями. В дальнейшем этот порядок был распространен и на другие переговоры по ограничению вооружений и разоружению. Благодаря этому решению в Политбюро вносились документы, пропущенные через несколько *сит* межведомственного согласования. Чтобы под запиской смогли появиться пять подписей, она проходила несколько этапов согласования.

Сначала документ проходил так называемую *малую пятерку*. Это был основной рабочий орган, созданный при Генштабе под руководством первого заместителя начальника Генштаба. Другие ведомства были представлены там руководителями соответствующих подразделений и главами делегаций. Затем, в случае необходимости, уровень повышался до заместителей руководителей. Если и в этом случае договориться не удавалось, вопрос выносился на *большую пятерку*. В середине восьмидесятых годов главой комиссии Политбюро, рассматривавшей вопросы сокращения вооружений, стал Л.Н. Зайков, который был в то время секретарем ЦК КПСС по оборонным вопросам³³.

Заседания, как правило, проходили бурно, а порой и драматично. Накал страстей на межведомственных совещаниях бывал настолько высок, что дело порой доходило и до обвинений в «предательстве интересов Родины». К концу совещания, однако, его участники все-таки осознавали, что нужно договариваться. В таких случаях обычно создавалась «узкая рабочая группа», которая должна была подготовить проект указаний или иного какого документа «с учетом обмена мнениями». Действительно же принципиальные разногласия выносились на более высокий уровень.

Прежде всего, сталкивались чисто ведомственные интересы. Было бы, однако, большим упрощением считать, что эти столкновения всегда сводились к противостоянию МИДа, выступавшего за скорейшее заключение договора, с другими ведомствами, которые этому противодействовали. Верно то, что МИД выступал за сокращение вооружений и заключение на этот счет международных

соглашений. Но линия других министерств и ведомств далеко не всегда была направлена против этой линии.

Признав неизбежность сокращения стратегических наступательных вооружений, рода войск занялись *перетягиванием одеяла на себя*, добиваясь, чтобы договор в возможно меньшей степени затронул интересы каждого данного рода войск. Каждый участник *стратегической триады* (ракетчики, подводники и летчики) стремился обеспечить минимум неудобств в виде различных ограничений для себя, не возражая против подобных неудобств для своих коллег с другими знаками отличия.

То же самое происходило и в оборонной промышленности – между конкурирующими министерствами и КБ.

И, тем не менее, система межведомственного согласования, несмотря на все свои недостатки, позволяла вырабатывать общегосударственные позиции путем всестороннего взвешивания и сопоставления подходов и мнений отдельных министерств и ведомств. Положительные стороны этого механизма стали особенно видны впоследствии, когда он, вместе со страной, был разрушен. К руководству Россией пришли люди, которым он был не нужен. Им было не до общегосударственных интересов, поскольку их главной заботой стало обеспечение интересов своих собственных, а безопасность страны превратилась для них в разменную монету. Слава Богу, что сейчас времена меняются, и национальная безопасность России вновь выходит на передний план, к неудовольствию тех, кто привык не особенно с Россией считаться.

Политическая борьба вокруг Договора

По мере того, как переговоры продвигались к завершению, а Советский Союз – к своему распаду, на политическом горизонте все больше сгущались темные тучи, что вызывало серьезные сомнения в возможности заключения договора.

В Женеву все явственнее доносились отзвуки обостряющейся борьбы в высшем политическом руководстве СССР. Все сильнее и заметнее стали импульсы от тех сил, которые усиливали свою оппозицию М.С. Горбачеву и стремились не допустить заключения договора.

Впоследствии состав ГКЧП ясно показал, кто принадлежал к этой оппозиции. В частности, в него вошел главный противник заключения договора О.Д. Бакланов.

Еще в марте 1990 года, в связи с обсуждением на комиссии Зайкова очередных директив для делегации, он представил свое особое мнение по договору в целом. Оно сводилось к тому, что в результате заключения договора по СНВ соотношение СССР и США по числу боезарядов стало бы 1:1,93 в пользу США (вместо 1:1,4 на март 1990 года), а с учетом ядерных арсеналов Великобритании и Франции – 1:2,1. На этой основе развернулась дискуссия по сути дела о целесообразности заключения договора по СНВ. А за такой постановкой вопроса и за различными взглядами на него явственно были видны разногласия среди высшего руководства страны из-за общей направленности внешней политики и оборонного строительства, да и всего политического курса.

Точка зрения О.Д. Бакланова не была тогда поддержана. Интересно, что даже В.А. Крючков, который впоследствии вошел вместе с Баклановым в состав ГКЧП, выступил за заключение договора. С очень яркими и убедительными аргументами в пользу договора выступил председатель Военно-промышленной комиссии И.С. Белоусов. В весьма сильных и определенных выражениях он заявил, что договор по СНВ нужен как хлеб, как воздух. Экономика наша напряжена до предела, говорил он, и мы просто не в состоянии вернуться к гонке вооружений. Единственная возможность сделать это, говорил Белоусов, – через возврат к тоталитаризму, через крах перестройки, а это опять – экономический тупик. Обороноспособность же наша обеспечивается благодаря сдерживающему характеру ядерного оружия не только при соотношении 1:2, но и при более выигрышном для Запада соотношении.

Следующая попытка сорвать заключение договора была предпринята вскоре в связи с появившейся 3 апреля 1990 года в американской газете *Washington Post* статьей о переговорах, написанной ее военно-политическим обозревателем Дж. Смитом.

В статье давались оценки уже согласованным положениям договора с явным перекосом в пользу США. Оценки эти были сформулированы достаточно тонко, чтобы не вступать в явное противоречие с

действительностью. В то же время картина в целом была серьезно искажена, причем с очевидным стремлением показать, какие выгоды получают США от заключения договора в ущерб Советскому Союзу.

Конечно, статья Дж. Смита подыгрывала тем кругам в администрации США, которые выступали за заключение договора. И, видимо, внутри США свою положительную роль она сыграла, но эффект, который статья произвела в Москве, вряд ли входил в расчеты ее автора.

Статья Дж. Смита послужила новым поводом для московских противников договора по СНВ вновь поставить перед политическим руководством Советского Союза вопрос о недопустимости его заключения, поскольку он якобы рубит под корень (и это, мол, признают сами американцы) всю обороноспособность советского государства.

Тем не менее, и на этот раз была подтверждена необходимость заключения договора по СНВ.

Долгий путь к ратификации

Не раз американцы на переговорах использовали такой прием: даже в том случае, если бы они и согласились на то или иное наше предложение, Сенат американский ни за что не пропустит этой крамолы, и многолетние труды переговорщиков пропадут напрасно. К такому же аргументу нередко прибегали и мы, тем более что депутаты Верховного Совета вели себя все более раскованно. Однако в то время никто не предполагал, из-за чего в действительности возникнут трудности для вступления договора в силу.

Договор готовился к ратификации, когда грянул ГКЧП, в который вошел главный противник заключения договора О.Д. Бакланов. Провал путча снял эту угрозу, но вскоре возникла качественно новая ситуация в связи с распадом Советского Союза, что породило целый ряд вопросов.

Прежде всего, кто теперь этот договор должен ратифицировать? Только Россия? Все Содружество? Или те государства, на территории которых имеются вооружения, подпадающие под действие договора, то есть помимо России также Украина, Белоруссия и Казахстан?

Договор по СНВ разрабатывался как двусторонний, что предопределяло

симметричность прав и обязательств, а также механизма его осуществления. Нарушение его двустороннего характера создавало новые проблемы – необходимость перераспределения квот инспекций и расходов по осуществлению договора, корректировки графика уничтожения и т.д. Все это требовало официальных межгосударственных договоренностей. Было ясно только одно: до их достижения ратифицировать договор было нельзя.

Переговоры экспертов с целью подготовки и предварительного согласования таких договоренностей начались в Москве 27–28 января 1992 года и затем были продолжены в Минске 6–7 февраля, в Киеве 2–4 марта и снова в Москве 11–12 марта 1992 года.

Первоначальная российская позиция состояла в следующем:

- Договор по СНВ остается двусторонним и ратифицируется Россией как государством-продолжателем СССР и Соединенными Штатами.
- Белоруссия, Казахстан и Украина должны заключить четырехсторонний (с участием России) протокол, в котором: а) уполномочат Россию нести ответственность за выполнение договора в целом и представлять все четыре государства в отношениях с США в целях выполнения прав и обязательств, вытекающих из договора; б) подтвердят свое намерение обеспечить гарантии выполнения договора на их соответствующих территориях.

На этой основе эксперты и подготовили свои рекомендации в виде проектов Соглашения и принципах и порядке выполнения договора по СНВ и протокола о механизме. Эти документы должны были быть вынесены на рассмотрение глав государств СНГ в Киеве 20 марта.

Украинская сторона, однако, не включила их рассмотрение в повестку дня встречи, а вместо этого попыталась без предварительного обсуждения подписать свой вариант договоренности на обеде *в узком составе*. В соответствии с этим вариантом, договор по СНВ превращался в пятисторонний. Эта попытка, однако, не удалась.

Неспособность лидеров четырех государств СНГ прийти к соглашению не на шутку встревожила американцев. В игру вступил

госсекретарь Дж. Бейкер, который предложил провести встречу министров иностранных дел США, России, Украины, Белоруссии и Казахстана в конце мая 1992 года в Лиссабоне, где он сам должен был быть в это время по другим делам.

23 мая в столице Португалии эта пятерка подписала протокол к договору по СНВ и обменялась письмами, которые составили так называемую «Лиссабонскую пакетную договоренность». Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина как государства-правопреемники СССР приняли на себя обязательства бывшего Союза по договору. Белоруссия, Казахстан и Украина обязались «в возможно кратчайшие сроки» присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств. Попытки российской делегации добиться более определенного срока поддержаны не были. Расплывчатость принятой формулировки позволила Украине сильно затянуть свое присоединение к договору о нераспространении (экстремисты настаивали на сохранении ядерного оружия, более умеренные соглашались в конечном счете отказаться от него, но «за приличное вознаграждение»). Положение удалось урегулировать лишь в конце 1994 года, после чего путь к вступлению договора в силу был открыт.

Заключение

5 декабря 2001 года, то есть через семь лет после вступления договора в силу, завершились предусматриваемые им сокращения. После этого он будет действовать еще восемь лет, если не будет заменен ранее этого срока последующим соглашением о сокращении и ограничении стратегических вооружений, или не будет продлен, или не будет расторгнут. В любой период, который последует после первых семи лет, будут соблюдаться все те запреты и ограничения, а также контроль за их соблюдением, которые предусмотрены договором.

В заявлении МИД России в связи с десятилетием подписания договора СНВ-1 ему дана следующая оценка: «Договор о СНВ в настоящее время является единственным международным договором, в соответствии с которым осуществляются реальные сокращения стратегических наступательных вооружений. На протяжении десятилетнего периода он играл и продолжает играть важную роль в укреплении стратегической

стабильности и международной безопасности»³⁴.

¹Эти переговоры велись параллельно по трем направлениям: СНВ, космическим вооружениям и ракетам средней и меньшей дальности. После подписания в 1987 году Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности осталось два направления, однако ввиду диаметального расхождения в позициях СССР и США по космическим вооружениям на этом направлении велась работа, которая не могла привести к заключению договора. Необходимо также иметь в виду, что еще в 1982 году была предпринята неудачная попытка договориться об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений. Эти переговоры были прерваны в конце 1983 года.

²Закон был принят в российском Верховном Совете 165 голосами, 8 депутатов воздержались, никто не голосовал против.

³Изложение договора опубликовано в справочнике «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М., ПИР-Центр, 2001, с.10–32.

⁴Червов Н.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М., Олма-Пресс, 2001.

⁵Интересные подробности, связанные с разработкой этой формулы, приводятся в кн.: Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., Международные отношения, 1992, с.141–147.

⁶Правда, 25 сентября 1989

⁷Термины и их определения. п.40. При разработке определения МБР был использован опыт переговоров по ограничению стратегических вооружений, которые велись в конце шестидесятых – начале семидесятых годов.

⁸Там же, п.7.

⁹Правда, 25 сентября 1989

¹⁰Термины и их определения, п.112.

¹¹Аналогичное обязательство было взято Советским Союзом в отношении *Backfire* в 1979 году в связи с договором ОСВ-2. В том случае, однако, в советском заявлении, вместо количественных ограничений на число этих самолетов, содержалось ограничение на их производство (не более 30 в год).

¹²Будущий договор по СНВ-3, в соответствии с российско-американской договоренностью, достигнутой на высшем уровне в Хельсинки в 1997 году, должен предусматривать уничтожение ядерных боезарядов.

¹³Nitze Paul H. From Hiroshima to Glasnost. NY, Grove Weidenfeld, 1989, p.431

¹⁴К тому времени маршал С.Ф. Ахромеев уже оставил пост начальника Генерального штаба

и состоял военным советником при М.С. Горбачеве.

¹⁵Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Цит.соч., с.267

¹⁶Там же, с.268

¹⁷Там же.

¹⁸Эти предложения и результаты их обсуждения с американцами изложены там же, на с.268–270.

¹⁹Эти данные были приведены С.Ф. Ахромеевым на встрече министров 9 февраля 1990 года.

²⁰Стартовый вес МБР РС-18 – 105,6 т, а МБР РС-22 – 104,5 т.

²¹Кохран Т., Аркин У., Норрис Р., Сэндс Дж. Ядерное вооружение СССР. М., ИздАТ, 1992, с.165

²²Эта же ракета существовала и в шахтном варианте.

²³Первов М. Ракетное оружие ракетных войск стратегического назначения. М., Виоланта, 1999, с.222–225

²⁴Там же, с.226–229

²⁵В соответствии с этим проектом, ПУ с ракетами перемещались бы по закрытым траншеям по рельсам.

²⁶*Правда*, 25 сентября 1989

²⁷Beschloss Michael R., Talbot Strobe. At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War. London, Little, Brown and Company, 1993, p.311

²⁸Это предложение было направлено на то, чтобы *зажать* наземный компонент советской стратегической триады, который в силу географических и технологических причин всегда был основным в советских СНВ. Советская сторона, в принципе, отводила подуровень для МБР, не вступая в переговоры о его размере.

²⁹Сложность решения этого вопроса объяснялась тем, что, *во-первых*, у нас уже были развернуты мобильные МБР (и грунтовые, и железнодорожные), а в США вопрос о развертывании этого вида СНВ решен не был, а, *во-вторых*, у стационарных укрытий советских грунтово-мобильных ракет были открывающиеся крыши, а у американских были запланированы укрытия, крыши которых не открывались бы. Поэтому США, *с одной стороны*, были заинтересованы в том, чтобы создать максимальные ограничения и максимально строгий контроль для мобильных МБР, а *с другой*, – в том, чтобы не оказаться жертвой этих мер в случае развертывания своих мобильных МБР.

³⁰Функционирование этого механизма показано в уже упоминавшейся книге: Червов В.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет, с.173–182. [Этой теме посвящена также книга: Savel'yev Alexandr GDetinov., Nikolay N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Praeger. Westport, Connecticut, and London, 1995. – Ред.]

³¹В 1969 году Секретариат ЦК КПСС был представлен в Комиссии секретарем ЦК по оборонным вопросам Д.Ф. Устиновым, который являлся председателем Комиссии.

³²В первоначальный состав Комиссии входил также президент АН СССР М.С. Келдыш, но он входил в личном качестве, и скоро из Комиссии вышел.

³³Он остался во главе Комиссии и после того, как на посту секретаря по оборонным вопросам его заменил О.Д. Бакланов.

³⁴Сообщение министерства иностранных дел Российской Федерации, 1 августа 2001, www.mid.ru

Новости ПИР-Центра

6 ноября Владимир Дворкин стал старшим научным советником ПИР-Центра.

Генерал-майор Дворкин – один из основных авторов программных документов, относящихся к СЯС и РВСН. В течение многих лет участвовал в качестве эксперта в подготовке договоров ОСВ-2, РСМД, СНВ-1, СНВ-2, внес значительный вклад в формирование позиции СССР и России на переговорах об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений.

Владимир Зиновьевич Дворкин хорошо известен в России и за рубежом. Является заслуженным деятелем науки и техники Российской Федерации, доктором технических наук, профессором, действительным членом Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Академии военных наук, Российской инженерной академии, Международной инженерной академии, Академии космонавтики.

Родился 12 января 1936 года в г. Ленинграде. Окончив в 1958 году Высшее военно-морское училище, работал до 1962 года на Государственном центральном морском полигоне. Участвовал в испытаниях первых отечественных атомных подводных ракетноносцев и первых пусках баллистических ракет из-под воды.

С 1962 по 2001 годы работал в 4-м ЦНИИ МО, в том числе с 1993 года – начальником института. Автор более 350 научных трудов.

В 1974 году Владимир Дворкин защитил докторскую диссертацию. Под научным руководством и при непосредственном участии профессора Дворкина разрабатывались основы:

- построения математических моделей для обоснования основных направлений развития, государственных программ вооружения, планов НИОКР, сценариев боевых действий, боевого состава группировок СЯС;
- разработки обликов перспективных ракетных комплексов, обоснования и разработки тактико-технических требований к ракетному вооружению, реализованных при создании нескольких поколений ракетных комплексов;
- комплексной экспериментальной обработки ракетного вооружения.

Генерал-майор Владимир Дворкин награжден орденами «За заслуги перед Отечеством IV степени», «За военные заслуги», «Трудового Красного Знамени», «Красной Звезды» и многими медалями.

14 ноября в ПИР-Центре состоялось очередное заседание из серии «Научные Среды» ПИР-Центра. Во встрече приняли участие сотрудники ПИР-Центра Юрий Федоров, Роланд Тимербаев, Владимир Дворкин, Вадим Козюлин, Дмитрий Поликанов, Дмитрий Ковчегин, Антон Хлопков, а также Владимир Сажин (радио *Голос России*), Элина Кириченко (ИМЭМО РАН), Майкл Бек (Центр международной торговли и безопасности Университета штата Джорджии, США), Владимир Новиков (РИСИ), Валерий Меньщиков, Михаил Белизин (Росэнергоатом) и Константин Максиенко (Центр АСТ).

В ходе встречи были обсуждены возможности создания Ираном оружия массового уничтожения (ОМУ), а также российско-иранские программы сотрудничества, вызывающие обеспокоенность мирового сообщества.

Участники встречи высказали мнение, что обстановка в регионе во многом диктует Ирану необходимость развития программ создания ОМУ. Кроме военно-политических стимулов для этого также существуют военно-технические предпосылки.

Также было отмечено, что сотрудничество с Ираном в различных областях выгодно России. В то же время, политика России в этой области в последнее время не была четко и однозначно сформулирована. Также участники встречи отметили, что при всех выгодах сотрудничества России, необходимо соблюдать баланс между экономическими интересами и интересами национальной и международной безопасности.

16 ноября в Институте развития прессы состоялась пресс-конференция «Саммит в Техасе: итоги и перспективы».

В пресс-конференции приняли участие: заместитель директора ПИР-Центра, кандидат исторических наук Юрий Федоров;

Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), председатель Совета ПИР-Центра, доктор исторических наук Роланд **Тимербаев**; старший научный советник ПИР-Центра, доктор технических наук, генерал-майор Владимир **Дворкин**.

На пресс-конференции присутствовали представители российских и зарубежных СМИ, включая *Интерфакс*, *Итар-Тасс*, Национальную информационную службу *Страна.Ру*, Федеральную Службу Новостей, *Киодо Цусин*, *Никкей*, *Майнити*, *Гуамин Жибао*, Агентство *Синьхуа*, *Вэн Вэнбау*, *Юлейсрадио*, Радио *Свобода*, *Christian Science Monitor*, *Financial Times*, *Moscow Times*, а также представители пресс-служб министерства обороны России и Федерального агентства правительственной связи и информации, Российского федерального ядерного центра ВНИИТФ, Центра журналистики войны и мира, Европейской Комиссии, посольств Белоруссии, Венгрии, Германии, Испании, Литвы, Норвегии, Перу, Польши, Румынии, Словакии и Украины.

В ходе пресс-конференции эксперты ПИР-Центра представили свои оценки результатов саммита в Техасе и перспектив российско-американского взаимодействия в области стратегической стабильности, в частности, в вопросах сокращения стратегических наступательных вооружений и модификации договора по ПРО, а также в борьбе против терроризма.

«Саммит в Техасе, – по мнению заместителя директора ПИР-Центра Юрия Федорова, – представляет большую важность, несмотря на тот факт, что *прорывных* соглашений достигнуто на нем не было. Он во многом способствовал продолжению развития той новой линии в двусторонних отношениях, которая была обозначена во время встреч президентов в Любляне, Генуе и Шанхае».

«Естественно, остались нерешенные проблемы, прежде всего связанные с ПРО и СНВ. Вместе с тем, значение разногласий по этим вопросам стало отступать на второй план. На первый же план выходят совпадающие, близкие или параллельные интересы», – отметил Юрий Федоров.

Генерал-майор Владимир Дворкин в своем выступлении обратил внимание на то, что «не

должно быть правового вакуума по вопросам СНВ и ПРО после длительного периода существования достаточно твердой системы договорных отношений в этой области. В этом контексте отношения в переходный период должны базироваться на правовых основах».

По мнению председателя Совета ПИР-Центра Роланда Тимербаева, «между сторонами имеется полное понимание необходимости продолжения диалога для достижения взаимоприемлемых договоренностей и по наступательным, и по оборонительным вооружениям. Судя по имеющимся сообщениям, стороны стали проявлять большее понимание важности того, что договоренности должны быть соответствующим образом кодифицированы и предусматривать контроль за их выполнением».

27 ноября в ПИР-Центре состоялась встреча с заместителем министра энергетики США по нераспространению послом Линтоном **Бруксом**, которого сопровождали сотрудники министерства энергетики США и посольства США в Москве.

В ходе встречи были обсуждены перспективы российско-американского сотрудничества в области нераспространения, в частности, по программам Совместного уменьшения угрозы и Физической защиты, учета и контроля ядерных материалов. Также состоялся обмен мнениями по вопросу присоединения США к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, значению выработки юридически обязывающих соглашений по сокращению стратегических вооружений, необходимости совместных действий США и России по проблемам, связанным с вызовом режиму нераспространения, исходящим из Южной Азии.

Во встрече приняли участие представители российских неправительственных организаций: ПИР-Центра, Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, Центра журналистики войны и мира, представители РНЦ Курчатowski институт, ИМЭМО, РИСИ, Московского Центра Карнеги, Центра исследования проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Nonproliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 7
Number 6, November – December, 2001

The **Editorial**, entitled «**International Security in the Post-ABM Treaty World**», maintains, «The U.S. withdrawal from the ABM Treaty posed a number of serious questions. And it will not be easy to answer them. As far as the military aspect is concerned, the U.S. decision will not change the strategic balance between Russia and the United States in the next 10-20 years. The prospects for developing an effective missile defense system capable of assured interception of several dozens of modern warheads remain to be dubious, just as before the abrogation of the ABM Treaty. This results from the complicated technological issues, which, if not resolved, impede any efficient missile defense. Russia's strategic arsenal by the end of the decade may amount to 1,500 warheads capable of penetrating the missile defense shield. So, Vladimir Putin fairly stated on December 13, 2001, that President Bush's decision would not be «a security threat to Russia».

«However, this is one of a few aspects of far more complicated mosaic of the global politics, which tends to emerge in the last few months. One cannot preclude that the U.S. withdrawal from the ABM Treaty is a beginning of dismantling of the entire system of arms control agreements negotiated mostly during the Cold War and reflecting the logic of bipolar US-Soviet confrontation. In this light, some of Washington's arguments seem convincing. For instance, the United States argues that the ABM Treaty was born during the Cold War, which was over a decade ago. And since Russia and the United States are no longer enemies, the agreement fixing mutually assured destruction, is irrelevant. Soft response of Moscow to the US withdrawal from the ABM Treaty is a practical evidence that Russia does not regard the United States and the West as such as an adversary. Vladimir Putin emphasized that «The current level of bilateral relations between the Russian Federation and the United States should not only be maintained, but used for the earliest possible development of the new strategic framework.» It could be a key element of Putin's statement after the US declaration on the abrogation of the ABM Treaty.

«Obviously, the process of bridging the gap between the arms control agreements and the new reality (the forming system of international relations) should not lead to the emergence of the legal vacuum in this sphere. Such vacuum may significantly destabilize

the US-Russian relations and the international security on the whole, making them hostages of the political fluctuations. This is why it would be crucial to put the existing U.S.-Russian understanding regarding strategic arms reduction into a legally binding form. However, this would require the preservation of the U.S.-Russian relationship of the recent months, including full count of Russia's security interests, of course.

«It would also be important to develop new NATO-Russia relations. In fact, if Russia is no longer a military and political adversary of the West, the activities of the Alliance should be targeted against new topical threats, notably terrorism in all its forms, WMD proliferation, drug trafficking and organized crime. The stability of NATO-Russia relations should be ensured with a legally binding agreement naming the areas of cooperation and stating the mechanism of joint decision-making. In other words, the post-Cold War logic should persistently be realized in all spheres of Russia-West relations. This would be a positive basis to form new mutually beneficial strategic framework for Russia and the United States, since both parties are interested in such framework.»

Dr. **Alexander Fedorov** in his article «**Terrorism and International Information Security**» concludes, «It is clear that only wide international cooperation can yield some fruit. The 56th session of the UN General Assembly has already noted this with respect to megaterrorism. Only international cooperation may help mankind to solve the complicated problems emerging in the information age and to ensure the real international information security. The international information space should be a weapon-free zone, so that humanity may be free of new wars and megaterrorist acts.»

Dr. **Nadezhda Arbatova** in her analysis «**NATO Enlargement: How to Pass Russia by?**» maintains, «The position of the Alliance has not changed much after September 11, despite superficially favorable attitude to Russia. The changes are formal. Earlier NATO ignored Russia's position on the enlargement; nowadays it seeks the ways to pass Russia by quietly and safely.

«The developments of September 11 forced Russia to make an unequivocal choice. And Russia agreed to support the United States

morally, politically and practically – exchange of intelligence information, participation in rescue and humanitarian operations. Surprisingly to many political analysts, President Putin did more than it was expected from him in Russia and in the West and noted that Russia's involvement could be broader under certain circumstances. Such circumstances would be the allied relations between Russia and the United States and its European partners. Such relations would provide for equal participation in military operations against the Talibs and security assurances to Russia on the part of the anti-terrorist coalition. The threat of international terrorism obliges the West to make a correct decision.»

Vasily Lata and **Vladimir Maltzev** in their commentary «**Military Activities in Space and International Legal Regulations**» argue that «One may conclude that the arms race in outer space cannot enhance anybody's security. The development of weapon systems on the basis of space technologies may result in the increasing number of parties involved in armed conflicts and in the increasing scale of conflicts, for outer space multiplies the military capability of the armed forces. The states with substantial space capabilities will have significant strategic advantages. This will force other states to develop and deploy (without control) such military systems. The chain reaction will occur.

«These problems may be resolved in the course of constructive and fruitful cooperation of the entire global community under the UN aegis. In the near future, the lack of efficient measures to curb the proliferation of military space systems, notably attack space systems, may cause the similar challenge as the threat of nuclear proliferation.»

Prof. **Yury Fedorov** and Amb. **Roland Timerbaev** in their article «**US-Russian November Summit: An Important but Insufficient Step**» state, «On November 12-14, 2001, Presidents Putin and Bush met in Washington and in Crawford (Texas) to discuss a wide range of bilateral and international issues. The results of the summit were reportedly quite modest, as the mass media and many experts concluded. Perhaps, this was partly a disillusion caused by great expectations before the summit – there had been rumors that the parties might come to an agreement on the prospects for amending the ABM Treaty. However, this did not happen and the outcome of the summit did not attract close attention of the media and the expert community.

«However, the November summit created a certain basis for further progress in strategic offensive

arms reduction and in seeking the mutually acceptable solution to the missile defense problem. This opportunity should not be lost.»

Timothy Thomas in his analysis «**Like Adding Wings to a Tiger: Chinese Information War Theory and Practice**» says, «During the past five years, numerous Chinese military and civilian scholars published significant articles or longer works on information war (IW) and related issues (networking, information theory, simulations, etc.). An analysis of their works yields several interesting results. The Chinese feel a compelling need to develop a specific Chinese IW theory. This theory must be in accordance with Chinese culture, the economic and military situation in the country, the perceived threat, and Chinese military philosophy and terminology. Chinese IW theory is strongly influenced by Chinese military art. China is quickly integrating IW theory into its People's War concept, for example, a development ignored in the West but one with far-reaching strategic and operational implications. Chinese military science dictates that IW be divided into sub-elements very different from those studied in the United States.

«This article will highlight key aspects of the Chinese specific approach to IW. It will begin by discussing how the information age has affected China's attitude toward warfare and the specific Chinese historical factors affecting this interpretation. Next, Chinese IW definitions will be discussed, and the training courses and organizational structures to teach IW will be investigated. Finally, an examination will be made of China's interpretation of IW activities during the fight for Kosovo, and the most recent training exercises in its military regions that try to turn theory into reality.»

Yury Nazarkin in his article «**START I**» maintained, «On December 5, 2001, after seven years of treaty's entry into force, the parties complete the arms reduction to the level of 6,000 warheads and 1,600 launchers. After that the treaty will be effective for another eight years, if not replaced earlier by the next agreement on strategic arms limitation or reduction, not extended or denounced. The parties will comply with the limitations of the treaty in the next seven years and will continue verification.

«START I is the only international treaty, whose implementation leads to actual reduction in strategic offensive arms. In the last ten years it played and continues to play an important part in strengthening strategic stability and international security.»

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА *ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ* В 2001 ГОДУ

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

Военная реформа – есть планы, нет цели. №1, Январь–Февраль, с.3
США – Китай: новая основная линия мировых противоречий. №2, Март–Апрель, с.3–4
Стратегическая стабильность XXI века. №3, Май–Июнь, с.3
Контртеррористическая операция или третья мировая война? №4, Июль–Август, с.3
Необычная война. №5, Сентябрь–Октябрь, с.3
Международная безопасность после договора по ПРО. №6, Ноябрь–Декабрь, с.3

ГОРЯЧАЯ ТЕМА

Евгений Адамов. Осуществление российской инициативы позволит решить проблемы безопасности и снизит угрозу распространения. №1, Январь–Февраль, с.4–10
Юрий Федоров. ПРО: политические хитросплетения, технические проблемы и встречи на высшем уровне. №3, Май–Июнь, с.4–7
Владимир Орлов, Роланд Тимербаев. ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые. №5, Сентябрь–Октябрь, с.4–13
Адам Дольник. Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения. №4, Июль–Август, с. 4–14
Владимир Орлов, Роланд Тимербаев. Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности. №5, Сентябрь–Октябрь, с.4–10
Роланд Тимербаев, Юрий Федоров. Важный, но недостаточный шаг. К итогом российско-американского саммита в ноябре 2001 года. №6, Ноябрь–Декабрь, с.4–9

ИНТЕРВЬЮ

Олег Чернов: «Глобализация мирового развития заставляет Россию воспринимать новые ракетные угрозы особенно серьезно». №1, Январь–Февраль, с.26–31
Зиновий Нак: «Российское агентство по боеприпасам обладает новейшими технологиями утилизации химического оружия». №2, Март–Апрель, с.19–23
Игорь Сергеев: «Дестабилизирующие процессы могут усилиться, если не противодействовать распространению ядерного оружия». №3, Май–Июнь, с.16–19
Сергей Загидуллин: «Российский ядерный комплекс и Государственная Дума: проблемы и перспективы». №5, Сентябрь–Октябрь, с.40–42

ИНФОРМАЦИЯ И ОЦЕНКИ (по материалам печати)

№1, Январь–Февраль, с.11–25
 №2, Март–Апрель, с.4–18
 №3, Май–Июнь, с.8–15
 №4, Июль–Август, с.15–24
 №5, Сентябрь–Октябрь, с.11–39
 №6, Ноябрь–Декабрь, с.10–18

АНАЛИЗ

Евгений Звезде. Становление системы экспортного контроля в России. Участие России в международном сотрудничестве в области нераспространения и экспортного контроля. №1, Январь–Февраль, с.32–45
Никита Никифоров. Системный подход к обеспечению безопасности ядерных объектов. №1, Январь–Февраль, с.46–60
Роланд Тимербаев. Состояние и перспективы ядерного нераспространения. №2, Март–Апрель, с.24–42
Мэттью Банн. Администрация Буша и политика нераспространения: скептики у власти. №3, Май–Июнь, с.20–40
Анатолий Алимов. Военно-промышленный потенциал Ирана: некоторые оценки. №3, Май–Июнь, с.41–52

Виктор Слипченко, Олег Рожков. Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. №4, Июль–Август, с.25–36

Анатолий Шевцов, Алексей Ижак. Циклы расширения НАТО. №5, Сентябрь–Октябрь, с.43–55

Игорь Рыбальченко. Контроль за нераспространением химического оружия: Международный межлабораторный квалификационный эксперимент. №5, Сентябрь–Октябрь, с.56–60

Василий Лата, Владимир Мальцев. Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регулирования военно-космической деятельности. №6, Ноябрь–Декабрь, с.19–23

Александр Федоров. Терроризм и международная информационная безопасность. №6, Ноябрь–Декабрь, с.24–32

Тимоти Томас. Китайская теория и практика ведения информационной войны. №6, Ноябрь–Декабрь, с.33–54

КОММЕНТАРИЙ

Пит де Клерк. Деятельность МАГАТЭ в свете решений конференции по рассмотрению действия ДНЯО. №1, Январь–Февраль, с.61–66

Виталий Федченко. О некоторых аспектах российско-индийского сотрудничества в области мирной ядерной энергетики. №3, Май–Июнь, с.61–72

Сэм Нанн. Как избежать апокалипсиса. №4, Июль–Август, с.37–42

Валерий Семин. О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения. №5, Сентябрь–Октябрь, с.61–65

ПОЛЕМИКА

Николай Пономарев-Степной. О возможностях и путях осуществления инициативы президента Российской Федерации. №2, Март–Апрель, с.43–47

Дмитрий Ковчегин. Реструктуризация Минатома: проблемы и перспективы. №3, Май–Июнь, с.53–60

Владимир Рыбаченков. К вопросу о вывозе зарубежного отработавшего ядерного топлива в Россию. №4, Июль–Август, с.43–46

Надежда Арбатова. Расширение НАТО: как обойти Россию? №6, Ноябрь–Декабрь, с.55–64

ОБЗОР

Вадим Козюлин. Сирийское ракетное устрашение – последний парад наступает? №1, Январь–Февраль, с.67–72

Александр Калядин. Проблема своевременной ликвидации запасов химического оружия бывшего СССР. №2, Март–Апрель, с.48–54

Владимир Ермаков, Евгений Звезде. Эволюция экспортно-контрольного законодательства США. №4, Июль–Август, с.47–56

Евгений Горьковский. Образование в области разоружения: требуется активизация усилий. №5, Сентябрь–Октябрь, с.66–71

РАССЛЕДОВАНИЕ

Евгений Антонов. Угроза террористического акта с использованием оружия массового уничтожения из Чечни. №2, Март–Апрель, с.55–70

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Юрий Смирнов, Роланд Тимербаев. Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний). №1, Январь–Февраль, с.73–87

Тенгиз Борисов, Светлана Ковалева. Радиоактивная угроза из-под воды: как она возникла. №2, Март–Апрель, с.71–76

Фидель Кастро Диас-Баларт. Ядерный путь Кубы. №4, Июль–Август, с.57–66

Фидель Кастро Диас-Баларт. Ядерный путь Кубы. №5, Сентябрь–Октябрь, с.72–80

Юрий Назаркин. Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. №6, Ноябрь–Декабрь, с.65–85

СООБЩЕНИЯ

О конференции «Возможности ответа на новые вызовы европейской безопасности». №2, Март–Апрель, с.77

О семинаре «Перекрытые оценки политики Владимира Путина в области безопасности». №2, Март–Апрель, с.77

Об обсуждении перспектив Конференции по разоружению. №2, Март–Апрель, с.77–78

О конференции ПОНАРС. №2, Март–Апрель, с.78

О международном семинаре в Сеуле. №2, Март–Апрель, с.78–79

О встрече по нераспространению в Нью-Йорке. №2, Март–Апрель, с.79

О конференции «Миротворческие операции: уроки и перспективы». №2, Март–Апрель, с.79

О семинаре «Многостороннее сотрудничество в области предупреждения о ракетном нападении». №2, Март–Апрель, с.79–80

О научно-практическом семинаре «Проблема ПРО в оценках украинских и зарубежных экспертов». №2, Март–Апрель, с.80

О международном семинаре в Шанхае. №3, Май–Июнь, с.73

О международном симпозиуме в Токио. №3, Май–Июнь, с.73–74

О политическом форуме «Научные таланты России: экономические возможности и проблемы». №3, Май–Июнь, с.74

О встрече «Роль России в вопросах противоракетной обороны: последствия для европейской безопасности». №3, Май–Июнь, с.74

О первой сессии рабочей группы правительственных экспертов по подготовке исследования ООН по образованию в области разоружения и нераспространения. №3, Май–Июнь, с.75–77

О международной конференции «Единая система безопасности в Европе: обеспечение стабильности в большой Европе». №3, Май–Июнь, с.77

О ежегодной конференции «Новые горизонты и вызовы режиму контроля над вооружениями: взгляд в перспективу». №3, Май–Июнь, с.77

О международном семинаре «Евробезопасность 2001». №3, Май–Июнь, с.77–78

О встрече, организованной в рамках заседания попечительского совета Фонда У. Олтона Джоунса. №3, Май–Июнь, с.78

О встрече российско-американской рабочей группы экспертов. №3, Май–Июнь, с.78

О ежегодной конференции «Европа и нераспространение». №3, Май–Июнь, с.79

О Школе по обучению представителей предприятий России взаимодействию с Федеральной информационной системой учета и контроля ядерных материалов. №4, Июль–Август, с.67

О круглом столе «Борьба с незаконными поставками легкого стрелкового вооружения на Южные Балканы». №4, Июль–Август, с.67

О семинаре «Устойчивость к распространению ядерного оружия в инновационных реакторах и топливных циклах». №4, Июль–Август, с.68–69

О Международном летнем симпозиуме по науке и международным отношениям. №4, Июль–Август, с.69

О международном симпозиуме «Положение дел в области ядерного разоружения и ответственность Японии в решении этой проблемы». №4, Июль–Август, с.69

О второй сессии Рабочей группы правительственных экспертов по подготовке исследования ООН по образованию в области разоружения и нераспространения. №4, Июль–Август, с.70–71

О международной конференции «Новые лидеры, новые вызовы: нераспространение в изменяющемся мире». №4, Июль–Август, с.72

О международной конференции «XXI век – навстречу миру, свободному от ядерного оружия». №4, Июль–Август, с.72–73

О международном семинаре «Модели сотрудничества в Юго-Восточной Европе и Черноморском регионе». №4, Июль–Август, с.73

О заседании группы неправительственных экспертов ООН по проблемам укрепления международной безопасности Монголии и статуса безъядерной зоны в Монголии. №4, Июль–Август, с.73

Об общей конференции Европейского консорциума политических исследований. №5, Сентябрь–Октябрь, с.81

О международной конференции «Интернет для всех – равные возможности в сети». №5, Сентябрь–Октябрь, с.81

О ежегодной сессии Генеральной конференции МАГАТЭ. №5, Сентябрь–Октябрь, с.81

Перспективы развития ГНЦ ВБ *Вектор*. №5, Сентябрь–Октябрь, с.82–84

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Вячеслав Шаров. В Щучьем есть резервы для выполнения программы УХО. №4, Июль–Август, с.74–76

БИБЛИОТЕКА

Андрей Зобов. Вооруженные силы Ирана на переходном этапе. Обычные угрозы и оружие массового уничтожения. Энтони Кордсман. Издательство Прегер, 1999, 432 с. №4, Июль–Август, с.77–80

НОВОСТИ ПИР-ЦЕНТРА

№2, Март–Апрель, с.81–83

№3, Май–Июнь, с.80–87

№4, Июль–Август, с.81–87

№5, Сентябрь–Октябрь, с.85–87

№6, Ноябрь–Декабрь, с.86–87

Об авторах

Арбатова Надежда Константиновна – родилась в Москве. Окончила МГИМО МИД СССР. В 1979 году защитила кандидатскую диссертацию в ИМЭМО АН СССР. С 1979 года по настоящее время работает в ИМЭМО. Последняя должность – заведующего сектором политических проблем Европы в Центре Европейских исследований ИМЭМО РАН. С 2001 года – руководитель Центра международных отношений в Институте Европы РАН и Директор научных программ комитета «Россия в Объединенной Европе». В 1998–1999 годах работала в научном Центре стратегических исследований Национального оборонного колледжа Швеции. Круг научных интересов – европейская интеграция, проблемы европейской безопасности, внешняя политика России, международные отношения в треугольнике Россия–ЕС–США. Автор трех индивидуальных монографий, многих статей и глав в книгах, опубликованных как в России, так и за рубежом.

Лата Василий Филиппович – генерал-лейтенант запаса, кандидат военных наук, профессор Академии военных наук. В 1970 году окончил Харьковское высшее училище Ракетных войск, в 1976 году – Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского, в 1989 году – Военную академию Генерального штаба. В 1994 году прошел курс обучения в Гарвардском университете (г. Бостон). Служил в Главном штабе РВСН, Генеральном штабе и министерстве обороны. С 1981 по 1999 годы занимал должности старшего офицера, начальника отдела, первого заместителя начальника Управления военной политики Минобороны РФ, начальника оперативного управления и первого заместителя начальника Главного штаба РВСН. В настоящее время является ведущим научным сотрудником Военной академии РВСН им. Петра Великого и профессором Академии Генерального штаба, советником ПИР-Центра. Автор ряда статей в журналах *Ядерный Контроль* и *Научные Записки*. Соавтор Справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью», М., Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Мальцев Владимир Васильевич родился в 1952 году на Украине. В 1982 году окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. В 1985 году получил степень кандидата военных наук, с 1992 года – доцент. С 1980 года работает в Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого, в настоящее время – начальник кафедры. Сферой научных интересов является космическая системотехника.

Назаркин Юрий Константинович родился в 1932 году в Москве. В 1956 году окончил МГИМО. В 1978 году получил степень кандидата исторических наук. С 1956 по 1992 годы работал в МИД СССР/России, в том числе Послом по особым поручениям, руководителем делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям (СНВ-1). С 1992 по 1995 годы – в Совете Безопасности Российской Федерации: заместитель секретаря – начальник Управления. С 1995 года – пенсионер, работа по временным контрактам в различных учебных и исследовательских учреждениях. Круг научных интересов: проблемы международной безопасности, в том числе контроля за вооружениями. Автор ряда глав в различных сборниках и отдельных исследовательских работ по проблемам международной безопасности, ПРО, сокращению ядерных вооружений, нераспространению ракетной технологии, стратегии и тактики международных переговоров.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке). В 1949 году окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 годы – в МИД СССР. Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 годы – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 годы – президент ПИР-Центра политических исследований. В настоящее время – старший советник ПИР-Центра. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968», Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)», М., Библиотека ПИР-Центра, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение», М., Библиотека ПИР-Центра, 2000. Соавтор: Справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью», М., Библиотека ПИР-Центра, 2001; книги «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях», М., Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Томас Тимоти – отдел зарубежных военных исследований, Форт-Ливенворт.

Федоров Александр Валентинович родился в Москве в 1955 году. В 1977 году окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (факультет Вычислительной математики и кибернетики) и в 1981 году аспирантуру МГУ. Имеет ученую степень кандидата физико-математических наук (1981 год) и научное звание старшего научного сотрудника (1991 год). После окончания учебы работал в учреждениях государственного аппарата. Занимался проблемами разоружения и нераспространения ОМУ. Член экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. В последнее время ведет активную научную и практическую деятельность в сфере международной информационной безопасности и связанных с ней проблем. Автор ряда работ в этой области. Редактор и соавтор монографии «Информационные вызовы национальной и международной безопасности», М., Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Федоров Юрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, профессор. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 году перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 года – заведующий сектором, а с декабря 2000 года – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. С июня 2001 года – заместитель директора ПИР-Центра. С 1997 года – член Совета ПИР-Центра. В течение двух лет возглавлял авторский коллектив и является автором ряда глав в ежегодных Докладах о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, публикуемых Программой развития ООН. Он соредатор и автор ряда глав в трех книгах, подготовленных в рамках проекта Национального оборонного колледжа Швеции, посвященных отношениям России–НАТО, влиянию недавних выборов на внешнюю политику России и отношениям России и Европы. Ряд научных работ посвящен энергетическим аспектам безопасности, в частности, в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России», *Научные Записки ПИР-Центра*, №16, ноябрь 2001.